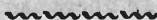

Н О В О С Т И
ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАНЫЯ

А. Воейковымъ и В. Козловымъ.

КНИЖКА IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1823.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ, чшобы до выпуска изъ Типографіи были предшавлены въ Цензурный Комишешъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуешъ.

С. Пешербургъ, Іюля 26-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

четвертой книжки.

ПРОЗА.

	№.	Стр.	
Путешествіе Астронома Делиля и Профессора	XIV.	1.	
Кёнигсфельда изъ С. Пещербурга въ Березовъ .		XV.	17.
		XVI.	33.
Анекдоты	XV.	28.	
Писмо изъ Лиссабона	XVI.	36.	
Исландскій Спиховорець Торлаксонъ	—	40.	
Мысли на гробъ друга	—	42.	
Добродѣтельный Священникъ и прекрасная незна-	XVII.	49.	
комка, <i>Истинное происшествіе</i>		XVIII.	65.
Анекдоты о Гаррикѣ	—	70.	
Кращкое извѣстіе о всѣхъ, выходившихъ въ Россіи			
Журналахъ. (<i>Продолженіе.</i>)	—	74.	
Замѣчанія на Кращкое обозрѣніе Руской Липшера-			
шуръ 1822-го года	XIX.	81.	
	XX.	97.	
Прищичи. (<i>Изъ Круммахера.</i>)		XXI.	113.
	XXII.	129.	
		XXI.	122.
Опрыски изъ Записокъ Г-жи Кампанъ	XXII.	132.	
	XXIII.	145.	
		—	150.
Геркуланъ и Помпея	XXIV.	170.	
Привидѣніе въ Падерборнскомъ мѣсу.	—	161.	
Донъ-Леонъ и Біанка. <i>Италіянскій анекдотъ.</i>	XXV.	177.	
	XXVI.	193.	
Мысли древнихъ Философовъ	XXV.	187.	
Памятникъ Рускимъ воинамъ, воздвигнушый въ			
Прагъ, что въ Богеміи	XXVI.	205.	

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	No.	Стр.
Подражаніе Псалмамъ	XIV.	12.
Басни. 7. Порокъ и Добродѣтель	} XV.	30.
8. Ошибка гужа		
9. Скорбь и Фортуна		
Да, и нѣтъ	—	31.
Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу	XVI.	46.
Ребенокъ. Притча.	—	48.
Мои желанія	XVII.	59.
Берега Дона	—	60.
Къ ***	XVIII.	78.
Романсъ	—	—
Графиня М — рѣ, которая вызвалась показать мнѣ, съ подробнымъ описаніемъ, модель горы Монъ-		
Вланъ	—	79.
Барбось. Басня	—	80.
Къ Лешъ	XIX.	95.
Романсъ	—	—
Мое уединеніе	XX.	108.
Женщины	—	112.
Капля. (Восточный Апологъ.)	XXI.	127.
Вопль души	—	—
Спансы	XXII.	141.
Къ Сидевиллю	—	142.
К. А. Ѳ. Ш й	—	144.
Ночь на Средиземномъ морѣ	XXIII.	156.
Милой дѣвѣ	—	158.
Вечерняя прогулка. Элегія	—	159.
Леандрова ночь. Отрывокъ изъ Поэмы: Абидосская невѣста	XXIV.	175.
Возвращеніе невозвратимой	XXV.	189.
Судьба	—	191.
Походъ	XXVI.	207.
Картина Жиродеша	—	208.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XIV.

П Р О З А.

Путешествіе Астронома Делля и Профессора Кенигсфельда изъ С. Пе- тербурга въ Березовъ.

Прохожденіе Меркурія чрезъ солнце, долженствовавшее случиться въ Апрѣль 1740-го года, обратило вниманіе многихъ Академій на важное сіе явленіе. С. Петербургская Академія Наукъ, желая также участвовати въ наблюденіи семъ, представила планъ свой Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Монархиня сія, царствованіе коей знаменито учеными предпріятіями, изъявила на шо свое согласіе. Въ слѣдствіе онаго, назначила Академія двухъ Профессоровъ: Николай Делль де ла Крауеръ, братъ Людовика де ла Крауера, плававшего съ Капитаномъ Чриковымъ въ 1741-мъ году, долженъ былъ заниматься Астрономическими наблюденіями, а Профессоръ Кенигсфельдъ, Топографическимъ и Историческимъ описаніемъ мѣстъ.

Полагали, что прохожденіе Меркурія чрезъ солнце лучше наблюдать въ близости Сѣвернаго полярнаго круга; а посему и предписали симъ Ученымъ, ѣхати немедленно въ Березовъ.

Какъ оба Профессора знали мало по Руски; шо данъ былъ имъ въ провожаыше и охранители Маіоръ *Солтановъ*, съ нѣсколькими солдапами. Весь обозъ ихъ состоялъ изъ 8-ми кибишоковъ; при чемъ замѣчашельно, что одна изъ оныхъ нагружена была однимъ шолько кофе. Для избранія удобнѣйшей дороги и заготовленія лошадей, опредѣленъ былъ къ нимъ Гвардіи Офицеръ, имя коего не упомянушо.

Февраля 28-го отправились Ученые сіи изъ С. Пешербурга и прибыли безъ всякихъ приключеній, з го Марша, въ Москву. „Здѣсь“ (говорить Аспрономъ), „видѣли мы празднество по случаю мира со Шведами и познакомились въ древней столицѣ сей съ Барономъ *Стр гановымъ*, который просилъ насъ провести нѣсколько дней въ помѣстьяхъ его и далъ намъ Каршу обширныхъ владѣній своихъ. Хотя дорога до Кузьмодемьянска (продолжаешь онъ) и была довольно хороша; но по слабому здоровью моему была для меня весьма пилгоспна Руская пища. Поселику въ сіе время былъ великой постъ; шо съ шрудомъ могли даже доспавашъ молоко и яйца.“

Марша 12-го прибыли они въ Царево - Санчурскъ, и Аспрономъ говоритъ слѣдующес: „Здѣсь видѣли мы весьма прекрасныхъ женщинъ. — Черезъ два дни, пріѣхали мы въ Хлыновъ или Вяшку, большой и прекрасной городъ, въ коемъ ешь много каменныхъ зданій. Вызолоченный куполь монастырской церкви придаетъ оной весьма великолѣпный видъ; а Рашуша и башня при вѣздѣ заслуживающъ шакже особеннаго вниманія.“

Выѣхавъ изъ Вяпки, продолжали они путь безъ всякихъ приключеній, и прибыли 18-го Марша въ село Ильинское, принадлежавшее Барону *Строганову*. Здѣсь нашли они Иркутскаго Вице-Губернатора *Ланга*, извѣстнаго по двоекрашнему пушешествію его въ Пекинъ, и Студента *Фишера*, который сочинилъ Сибирскую Исторію. Послѣдній отправленъ былъ Академію въ помощь къ Профессору *Гмелину* и ѣхалъ къ нему въ Иркутскъ съ женою и дѣтьми.

„Во всѣхъ помѣстьяхъ Барона *Строганова*,“ говорятъ ученые пушешественники, „были мы весьма хорошо приняты и угощаемы безъ всякой плашы. Прикащики живутъ въ весьма хорошихъ домахъ и очень ласковы и гостепріимны. Въ селѣ Случимѣ подарили намъ на дорогу нѣсколько живыхъ гусей, упокъ и Индейскихъ куръ. Изъ Ильинска поѣхали мы въ Новое Уголье и осматривали соляныя варницы. Здѣсь нашли мы нѣсколько богашыхъ и весьма учтивыхъ людей.“

Отсюда отправились они въ Соликамскъ и поѣхали чрезъ Уральской хребетъ въ Верхотурье. Дорога сія, говоритъ Аспрономъ, весьма тягостна. Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ высокая гора Кипашъ, сквозь кошорую прорѣзана дорога въ Тобольскъ. На всемъ пути семь ѣхали они между горъ и лѣсовъ и прибыли благополучно, 22-го числа, въ Верхотурье. „Итакъ,“ продолжаетъ онъ: „чрезъ 3 недѣли по выѣздѣ изъ С. Пешербурга, очутился я въ Азіи.“

Не доѣзжая за нѣсколько верствъ до Тобольска, встрѣшили они почешную спражу, высланную для препровожденія ихъ въ городъ. Когда они приблизились

къ оной; но Офицеръ, отдавъ имъ честь, объявилъ, что онъ ошряженъ ошъ Воеводы Пешра Ивановича *Бутурлина*, поздравить ихъ съ прїѣздомъ и указать ошведенную кварширу. Едва только пушешественики въѣхали въ оную, какъ были посѣщены многими Чиновниками и получили ошъ Градоначальника два мѣдныхъ кургана, одинъ съ медомъ, а другой съ пивомъ.

На другой день поушру ошправился Астрономъ *Делиль* со всею свишою къ Воеводѣ. „Здѣсь (говорить онъ) угощали насъ кофеемъ, шабакомъ и сухою рыбою, пригошвленною въ видѣ конфекшовъ. Восвода оставлялъ насъ обѣдать; но поелику я по болѣзни моей не могъ упошреблять рыбы, шо и ошказался ошъ сего приглашенія.“

„На обратномъ пуши посѣщили мы Шшабъ-Лъкаря *Гольца* и ошправились вмѣстѣ съ нимъ къ Графинѣ Параскеви Пешровнѣ, урожденной *Татариновой*, супругѣ бывшаго Церемоніймейстера, Графа *Сантти*, кошорый въ царшвованіе Импераширицы Екатерины I-й, сосланъ былъ въ Иргинской ошпрогъ. Графъ *Сантти* былъ сначала ошправленъ въ Москву и не зная, что его пошлюшъ далѣе, женился шамъ. Супругъ его не позволено было слѣдовашь за нимъ въ ошпрогъ Иргинской, ниже возврашиться въ Москву; а посему и жила она весьма уединенно въ Тобольскѣ.“

„Вмѣстѣ съ Графинею жила родная сеспра ея, супругъ кошорой окончилъ здѣсь жизнь въ 1739-мъ году, 30-го Іюля. Графиня *Сантти* была женщина умная, съ большимъ вкусомъ и познаніями; а посему услышавъ, что въ Березовѣ ошправляющся Профессоры,

просила ихъ навѣстить ее. Вошъ (говоришь Г. Кё-
нигсфельдъ), что было причиною нашего посѣщенія.
На другой день, продолжаетъ онъ, прислала она намъ
два блюда, одно съ булками, а другое съ Кишайскими
померанцами. Въ замѣну послали мы ей нѣсколько
бушылокъ Французскаго вина.“

„Два дни по прибытіи нашемъ въ Tobольскъ (про-
должаютъ Ученые), были мы упрямъ удивлены, услы-
шавъ весьма сильный колокольный звонъ. Вскорѣ
узнали мы, что причиною онаго была кончина 76-пи-
лѣшняго Мишрополиша. Хотя Императоръ Петръ I
и упразднилъ сіе званіе въ Tobольскъ; но изъ уваженія
къ Сибирскому Мишрополишу Аншонию Стаховскому,
позволилъ ему, сохранить оное до смерти.“

Почтенные господа Профессоры ошиблись: *Ан-
тоній* не былъ послѣдній Мишрополишь; послѣ него
пользовались еще шиломъ симъ: Никодимъ *Сребриц-
кій*, Арсеній *Мацкевичъ*, Аншоній *Нарожницкій* (осно-
вашель въ Tobольскъ Лашинской школы), Сильвестръ
Головацкій и Павелъ *Конюшевичъ*. На мѣсто сего по-
слѣдняго посудилъ, въ 1769-мъ году, Преосвященный
Епископъ *Варлаамъ*.

Профессоры посѣщали также, вмѣстѣ съ Шшабъ-
Лькаремъ, вдову Ташарскаго или Сибирскаго Царе-
вича, кошорая ихъ угощала чаемъ. Мужъ ея, скон-
чавшійся за 4 года предъ симъ, именовался *Сукерако-
вичъ* и происходилъ по прямой линіи ошъ Царя *Ку-
тука*. Вдова сія имѣла двухъ дочерей, кои весьма ве-
ликолѣпно одѣшы были въ шшофныя плашья, обши-
шныя серебряною бахрамою и жемчугомъ. Предъ ошъ-

вдомъ прислала она имъ 8 байперовъ или крупича-
шыхъ пироговъ.

Путешественники, оставяя Тобольскъ, миновали скоро Демьянской Ямъ и прибыли въ Самарской Ямъ. Въ обоихъ сихъ мѣстахъ приносили къ нимъ въ подарокъ лисьи и рѣчныхъ бобровъ шкуры и весьма были недовольны, когда они отказались принять оныя. Профессоръ *Кёнигсфельдъ* говоритъ: „Мнѣ сказывали, что при рѣкѣ Кондѣ, впадающей въ Иршышъ, медвѣди шакъ смирны, что спяшъ на полѣ вмѣстѣ съ коровами; а въ Самарскѣ, напрошивъ, шакъ жадны, что вырывая изъ земли мертвыхъ, пожирающъ шѣла ихъ.“ Здѣсь нашли они Шведскаго плѣннаго Лейшенанта *Берга*, кошорый принялъ Греко-Каоолическую вѣру и осшался здѣсь жишъ. Осшяки, замѣчаешъ онъ, не употребляютъ соли; и поелику рыбная пища производитъ въ желудкѣ мокроты, то они избавляющъ ошъ оныхъ слѣдующимъ спраннымъ образомъ: взявъ въ рошъ немного воды, наполняютъ они осшальное просшранство шабашнымъ дымомъ, и по шомъ все вдругъ проглашываютъ. Приемъ сей служитъ имъ вмѣсто сильнаго рвошнаго. Народъ сей, замѣчаешъ онъ, спрасшно привязанъ къ куренію шабаку. Трубки ихъ состояшъ изъ чешырехъ-угольнаго камня; а чубуки бывающъ деревянные, кожею обшянушые.

Апрѣля 5-го, въ Спраспную субботу, прибыли они въ Хумгорской погостъ и осшановились въ домъ у Священника. Въ Свъшное Христово Воскресеніе были они въ церкви и видѣли въ оной множество Осшяковъ. Жены ихъ сшояли въ особомъ мѣстѣ, за

холстинною запавѣскою. Каждая имѣла на головѣ большой плашокъ или фашу. По окончаніи Литургіи пригласилъ ихъ Священникъ къ своему столу и сказывалъ, что онъ уже живешь 12 лѣтъ между Остяками. При отъѣздѣ хопѣли они заплакишь за поштой; но чесный Священникъ сказалъ имъ: „Избышки, дарованные мнѣ Божіею благоспію, раздѣляю я безъ всякой мзды.“

Выѣхавъ изъ погоспа сего, продолжали Профессоры путь свой къ Березову по весьма неудобной дорогѣ и прибыли наконецъ шуда 9-го Апрѣля. Березовскій Воевода Ѳедоръ Ивановичъ *Шульгинъ*, ошсавной Поручикъ Гвардіи Преображенскаго полку, принялъ гостей сихъ очень ласково и ошвезъ ихъ самъ въ приугошовленные кварширы. *Деллю* привелось жить въ домѣ Козачьяго Сотника, коего онъ называетъ *Гетманомъ*, а *Кѣнигсфельду* у Пятидесятника. Оба превозносять гостепримство и добродушіе хозяевъ своихъ. „Едва мы шолько успѣли расположиться на кварширахъ нашихъ (говорить послѣдній); какъ при-слали намъ жителы молока, масла, шелятины, гусей и ушокъ.“

Вѣрояшно предписано было симъ Ученымъ, ѣхашъ еще далѣе; ибо они описывають невозможность, продолжашъ путь на Сѣверъ, а пошому и рѣшились чинить наблюденія въ Березовѣ. „Мы (говорятъ они) нашли для сего весьма удобное мѣшо, въ 200 шагахъ ошъ жилищъ нашихъ и горизоншомъ служила намъ рѣка Сосва.“

Пущешешвенниковъ сихъ посѣчалъ шакже нерѣдко Маіоръ Андрей Ивановичъ *Карловъ*, прибывшій

не задолго предъ ними изъ Тобольска, съ 50-ю солдатами, для надзора за ссыльными. Онъ показывалъ имъ острогъ, въ коемъ сіи несчастные содержались, и рассказывалъ, что спражу перемѣняюшь ежегодно. Съ Г. *Карповымъ* ходили они также смодрѣшь церковь, построенную знаменимымъ Княземъ *Меньшиковымъ* и видѣли могилу его, подъ олшаремъ находящуюся.

Приготовивъ все нужное къ наблюденію и определя широту Березова $64^{\circ} 3' 39''$, занимались они обзорѣніемъ города, окружностей онаго и кашались на оленяхъ. Хотя живошныя сіи, по увѣренію Г. *Кёнигсфельда*, бѣгушь весьма быстро; но скоро разгорячаюшя и ушаюшь.

Наконецъ наступило и 22-е Апрѣля, шось день, для котораго они предприняли шоль дальнее и шагосшное пушешествіе. Можно легко предсшавишь опчаяніе Астронома *Делля*: отъ самаго ушра была облачная погода и продолжалась еще часъ послѣ прохождения Меркурія чрезъ солнце. „Впрочемъ, говоришь онъ: „если мнѣ и неудалось наблюдать сіе рѣдкое явленіе; шо въ замѣну доставилъ я Академіи многія другія, Астрономическія наблюденія.“

Маія 12-го вскрылись рѣки и множество Остяковъ проѣхало мимо Березова по рѣкѣ Сосвѣ. Лодки ихъ очень малы: длиною 7, а въ ширину 2 фуша. Два человекъ могушь удобно нести шакую по землѣ лодку на большое разстояніе. Остяки имѣюшь всегда при себѣ собакъ, кошорыя иногда тянушь лодку бичевою и вообще служашъ имъ вмѣсто работниковъ. Собаки сіи волчьей породы и очень походяшь на волковъ видомъ

и шерстью. Иногда попадаются между оными и черныя, но только онѣ не такъ крѣпки, какъ сѣрыя. По ночамъ производяшъ первыя ужасный вой.

Знаменишѣйшее зданіе въ Березовѣ естѣ мѣховой анбаръ, принадлежащій Казнѣ. Городу сему подчиняющся 6 Остяцкихъ волостей; въ каждой бываетъ ошъ 6 до 7 юршъ, кои управляются Князьцами. Маія 13-го, послѣ полудни, когда Ученые заняшы были наблюденіями, здѣлалась жесточайшая буря, каковыхъ, по словамъ ихъ, въ Европѣ никогда не бываетъ. Поелику въ городѣ семь весьма мало зданій; шо и вредяшъ бури сіи, случающіяся большею часшію въ Августѣ, только лѣсамъ.

Въ Березовской округѣ находишся очень много рѣчныхъ бобровъ, которые спрояшъ весьма искусственныя зданія при рѣкахъ. Г *Кёнигсфельдъ* осматривалъ бобровый домъ и нашелъ, что онъ состоялъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ покоевъ и имѣлъ два выхода въ рѣку, посреди коихъ находилась весьма прочно построенная площадка. Остяцкія собаки ловашъ очень искусно рѣчныхъ бобровъ; но поелику послѣдніе гораздо умнѣе первыхъ, шо и спавяшъ они часовыхъ при выходахъ, и когда извѣстятъ, что собаки присупили къ одному, шогда они чрезъ другой уходяшъ въ воду.

18-го числа, ночью, была жестокая буря съ дождемъ ошъ Юга. Рѣка Сосва выступила изъ береговъ слишкомъ на 7 вершъ и городъ Березовъ спалъ на острову. Послѣ сего наспушила жестокая спужа и всѣ воды покрылись споль швердымъ льдомъ, что можно было ходишъ по оному безъ всякой опасности. Поелику

Профессоры забыли Термометры свои въ Тобольскѣ; шо и не могли они опредѣлишь сшепенн сей спужи.

Ученые пушешешвенники, окончивъ всѣ Астрономическія наблюденія, начали сбираться въ обратншй пушь и велѣли приготавлишь назначенные для сего дощеники или родъ полубарокъ. „Въ сіе время,“ говоршй Г. *Кёнигсфельдъ*, „купили мы два мамоншовыхъ рога, вѣсомъ въ 7 фуншовъ.“

Маія 22-го числа вечеромъ съли Профессоры со всею свшшою въ дощеники; весь берегъ, говорашъ они, усѣянъ былъ народомъ, которшй пособлялъ сполкнушь оныя съ мѣли. Воевода, со всѣми Чиншвниками и Козаками, здѣлалъ въ чешъ имъ нѣсколько залшовъ.

Начальное плаваніе по рѣкѣ было весьма благопріятно; съ свѣжимъ подушнымъ вѣшромъ и пріятною, хошя холодною погодою, взошли они въ ушье малой Оби. 24-го числа, во время крѣпкаго вѣшра, примѣшили они маленькой челнокъ, на коемъ два Остяка, прошивуборешвуя волнамъ, стремились къ шому судну, гдѣ сидѣли Ученые. Козаки кинули имъ веревку и они прикрѣпя челнокъ свой, принесли на судно нѣсколько свѣжихъ ушокъ, рыбы и множешво гусшныхъ ящъ. Чешные люди сіи не хошѣли пршнять плашы и едва согласились взять нѣсколько шабаку. Въ сей же день увидѣли они вечеромъ, въ разшояніи 20-шй верешъ, большую рѣку Обь. Берега, омываемые оною, казались издали рядомъ голубыхъ пирамидъ. Мѣшо, гдѣ малая Обь впздаетъ въ большую, показалось имъ моремъ; множешво лебедей, гусей и ушокъ пролешали по горизоншу къ помянушымъ горамъ.

Хотя погода была довольно холодна; но насѣкомья, извѣсныя подѣ именемъ *овода*, начали ихъ весьма сильно беспокоить. „Мы,“ говоряшь Ученые, „должны были приняться за волосяные наголовники и примѣшили съ неудовольствіемъ, что мухи сіи впрое болѣ Европейскихъ.“ 25-го числа, поутру, увидѣли вдали два дощеника и приближившись узнали, что на оныхъ везушь соль, муку и разныя вещи для Ученыхъ. Всѣ четыре судна легли на якорь и пока перевозили ихъ имущество, въ то время Гг. *Кёнигсфельдъ* и *Солтановъ*, опирались для обозрѣнія горъ, въ Южной части рѣки Оби лежащихъ. „Съ трудомъ (говоряшь они) взобрались мы на высокія горы сіи, видѣли густые лѣса, множество кедровыхъ деревьевъ; но побоявшись медвѣдей, возвратились ояшь на суда.“

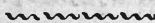
(Продолженіе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Подражаніе Псалмавъ.

I.

„*Ко Господу пролію-моленіе мое.*“

Къ Тебѣ, мой Богъ! спѣшу съ молишвой:
Я жизнью упоменѣ, какъ бишвой!
Куда свое мнѣ сердце дѣшь?
Вездѣ зазывъ спрасшей лукавый:
И въ чашахъ золопыхъ — ошравы,
И подѣ правой душишой — съшь . . .
Тамъ люди спроушь мнѣ напасши;
А шушь въ груди буншую спрасши!
Разбишь мой щипъ, копье въ куски! . . .
И нѣшь охранной мнѣ руки!
Я бѣдный, нищій, безъ защипы;
Кругомъ меня кипяшь бѣды
И блѣдныя мои ланищы
Изрыли слезныя бразды . . .
Одинъ, безъ вожда и безъ свѣша,
Бродилъ я въ шемной жизни сей
И бышро пробѣгали лѣша
Кипящей юности моей . . .
Вездѣ *холодные* смѣялись
Надѣ сердцемъ пламеннымъ моимъ
И нечешивые ругались
Не мной, но именемъ Твоимъ . . .

Но Ты меня, мой Богъ великой!
Покою въ буряхъ научилъ;
Ты верхоградъ въ пустынь дикой
Небесной влагой упоилъ;
Ты спалъ кругомъ меня оградой
И, грустный, я дышу оградой . . .
Увы! мой пущь былъ пущь съшей;
Но Ты хранилъ меня, Незримо!
И буря пламенныхъ спрасшей,
Какъ спрашный сонъ, промчалась мимо!
Зашихъ тревожный жизни бой . . .
Опецъ! Какъ сладко бышь съ Тобой! —
Веди жъ меня изъ сей шемницы
Во Свой незаходимый свѣтъ;
Все даръ свяшой Твоей десницы:
И долгоша и счастье лѣтъ!

Ө. Глинка.

II.

*„Исповѣмся тебѣ, Господи . . . Повѣмъ вся чудеса
Твоя . . . Съль еси на престоль, судяй правду . . . —
И бысть Господь приближище убогому . . . Терпѣнїе
убогихъ не погибнетъ до конца . . . Господь Царь во
вѣкъ и во вѣкъ вѣка.“*

(Псаломъ 9.)

Твои глашу я чудеса!
Ихъ исповѣдаю, мой Вышній!
Тебѣ молишвы сирыхъ слышны;
Несчастливымъ близки небеса!

Ты взялъ вѣсы Свои правдивы!
Дивлюсь, пою Твоимъ дѣламъ.
Безумный грѣшникъ злочестивый
Въ своихъ сѣтяхъ увязнешь самъ.
Ты идешь къ намъ, Богъ дивный славы,
И небо радостью кипишь;
Но очи грѣшныхъ и лукавыхъ
Твой взоръ, какъ молнія палишь.
Ликуйше-жь вы, друзья убоги!
Вагъ праздникъ, нищѣ, насшаль.
Вамъ жизни скучныя дороги
Господь весельемъ осіялъ!
Идешь . . . и нечестивыхъ радость
Бѣжишь, какъ гибнущая младось. —
Воскресни, Господи, на судъ!
Се Ангелы Твои шекушь;
Да злые буйшвовашь не смѣють:
Пускай безумцы разумѣють,
Чшо человекѣки лишъ они!
Пускай смирашся и трепещуть,
Гремишь! . . . Твои перуны блещуть!
Ужь близки, близки грозны дни
И времена духовной жашвы . . .
Тебѣ послышались ихъ кляшвы,
Сгустилась шуча жаркихъ слезъ;
Какъ парь восходяшъ шяжки сшоны
Искашь у Бога обороны
И высота свяшыхъ небесъ
Ужь не вмѣщаешь сшоновъ боль.
Но грѣшникъ все живешъ по волѣ:
Какъ шрощь, ломаешь Твой законъ

И заглушая сердца спонь,
Какъ волкъ изъ чащи вызираешь,
Когда добычу спережешь;
А бѣдныхъ аглицевъ Богъ пасешь!
Ловцовъ на ловль Онъ хващаетъ . . .
Онъ здѣсь; а грѣшникъ говоришь:
„Господь, какъ ушружденный, спишь!
Его для насъ замкнулось око;
Земля опъ звѣздъ его далѣко . . .
Воскресни-жь, Господи, на судъ!
Пускай кипящія шекутъ
Твои коснѣющія раши . . .
Но грѣшныхъ не залей въ крови!
Лишь обновленьемъ благодаши,
Творецъ! Ты землю обнови!
Идешь . . . прещещь чинъ Природы
И зыблуются небесны своды . . .
Идешь — средь Ангельской хвалы! . . .
Кшо шамъ, на оспрѣ скалы
Споишь, какъ дубъ въ спеняхъ высокій?
У ногъ его *к. п. ть бѣда*:
Онъ, молча, изчисляешь сроки . . .
Се Ангелъ крѣпкаго суда!
Онъ мразомъ на прешупныхъ вѣешь;
Подъ нимъ, надъ ямою грѣховъ,
Туманъ погибели синѣешь . . .
За чѣмъ быспрѣ бѣгъ часовъ?
За днями дни; . . . но грусь, какъ бремя,
Въ сердцахъ почла и лежишь!
Бѣжишь испуганное время
И шайный голосъ говоришь:

„Не уповайше на земное:

Оно обманешъ васъ какъ шѣнь!

Нашанешъ скоро все иное . . .

Онъ близокъ, близокъ Божій день!“

Ты ихъ услышалъ, споны бѣдныхъ

И мѣшишь громомъ на порокъ!

И я у васъ на лицахъ блѣдныхъ

Читаю, грѣшники, вашъ рокъ! . . .

Но вамъ еще одна дорога.

Она къ *раскаянью* ведешъ.

Неизощима благосъ Бога:

Онъ покарешъ и — спасешъ!

Θ. Глинка.

25-го Марша, 1823.

Печашашъ позволяешся: Апрѣля 13-го дня, 1823 года.

Цензорь А. Бирюковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XV.

П Р О З А.

Путешествіе Астронома Делиля и Профессора Кёнигсфельда изъ С. Пе- тербурга въ Березовъ.

(Продолженіе.)

Безвѣтріе, препяшсшвовавшее Ученымъ продолжатъ путь къ Тобольску, поселило въ нихъ охоту, посмотрѣть Торкорскій погостъ, расположенный по Восточному берегу рѣки Оби. „Отправившись къ оному на большой лодкѣ,“ говоритъ Г. Кёнигсфельдъ, „увидѣли мы вдругъ два ужасныя стада дикихъ гусей и утокъ. Поелику при насъ не было ружей, то мы и не могли выстрѣлить по нихъ. Впрочемъ каждый выстрѣлъ стоить въдесятеро болѣе самаго большого гуся. Осяпки ловятъ ихъ весьма искусно сѣтями и отдають дюжину за нѣсколько листочковъ табаку.“

Прибывъ къ погосту, не заспали они Священника Василия *Левина* дома; онъ опѣхалъ на двѣ недѣли въ Сѣверныя Остяцкія юрты, для совершенія шребъ. Жена его приняла путешественниковъ очень ласково

и угощала свѣжими гусиными яицами, кислымъ молокомъ и шаньгами или Сибирскими вапушками. Путешественники хвалятъ жену Священникова не за одно гостепріимство; она (говорятъ они) была женщина очень веселаго нрава и забавляла насъ своими разговорами. Послѣ обѣда прохаживались путешественники по горамъ и видѣли шамъ множествено-красныхъ Азіяскихъ розъ, но естъ піоновъ, коихъ во всѣхъ Сѣверныхъ мѣстахъ растеть множество. Корень сего растенія называютъ: Марьянъ корень, и пользуются онымъ отъ разныхъ недуговъ. „Хотя мы возвращались домой въ полночь (говоритъ Г. Кёнигсфельдъ), но было такъ свѣтло, какъ днемъ.“

Пустившись 26-го числа въ путь, повстрѣчали они купеческую барку, плывшую въ Березовъ, и увидѣли скоро Кешскій монастырь. Безвѣтріе доставило Ученымъ случай осмошрѣть и сіе мѣсто. „Наспоаяшель монастыря сего (говоритъ Г. Кёнигсфельдъ) „принялъ насъ очень ласково и проводилъ на своей лодкѣ къ судамъ нашимъ.“ Отъ сего мѣста плыли они рѣкою близъ множества острововъ, изъ коихъ иные, бывъ совершенно покрыты зеленью, услаждали зрѣніе путешественниковъ.

28-го числа толкнулся дощеникъ, на коемъ Профессоры находились, о весьма крушой ярь. „Хотя“, говорятъ они, „мы и весьма испугались; но проворство Сибирскихъ Козаковъ удалило насъ очень скоро отъ сего опаснаго мѣста.“

29-го числа миновали они устья широкой рѣки Валыма, текущей отъ Сѣвера. У сего мѣста чувствовали они споль жесткую спужу, что едва могли ошогрѣться, надѣвъ на себя всѣ шубы.

30-го числа, при весьма пріятной погодѣ, отпра-
вились Ученые къ Троицкимъ Осняцкимъ юртамъ,
лежащимъ на Западномъ берегу рѣки. При юртахъ
сихъ есть церковь, и Священникъ принялъ путеше-
ственниковъ очень ласково и попчивалъ ихъ свѣ-
жими сперледами. Г. Кё исфельдъ говоритъ: „Здѣсь
наслаждались мы ешоль пріятнымъ пѣиємъ пшницъ,
каковаго намъ во всю жизнь слыхашъ не случалось.
Мнѣ (продолжаетъ онъ) удалось здѣсь заспрѣлишь
такую красивую пшницу, что подобныя едвали быва-
ють въ свѣтѣ: крылья и спина оной походили на
темно-синюю эмаль; грудь имѣла она красную, головку
синюю и опъ головы по шеѣ серебро-видныя полосы.“
Изъ описанія сего видно, что Профессоръ сей не
видалъ Райскихъ и прочихъ пшницъ, въ теплыхъ кли-
матахъ обитающихъ.

Приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ Иршышь соеди-
няется съ Обью, почувствовали весьма сильное стрем-
леніе воды, ощушительное даже въ разстояніи 25-ти
верстъ. Поелику Иршышь съ прохожденіемъ льда
перемѣняетъ ежегодно логовище свое и стремится
иногда на Сѣверъ, Сѣверо-Восшокъ и даже Сѣверо-
Западъ; то и осшановились они здѣсь на якорь, под-
жидая Троицкихъ Осняковъ, которые по цвѣту воды
узнають глубину оной. Сего вечера налешло такое
множесство оводовъ, что путешественники почли оныхъ
за темную тучу. Съ великимъ трудомъ разогнали
ихъ спрѣлбою.

Юня 1-го числа снялись съ якоря и пошли въ рѣку,
соединяющуюся съ Иршышемъ. Соединеніе послѣдней
съ Обью осшалось у нихъ въ лѣвой рукѣ. „Мѣсто

сїе“ (говоритъ Г. Кёнигсфельдъ) „походишь на море; однакожь въ зрительную трубу можно было видѣшь Восточный берегъ рѣки Оби и устье Иршыша.“ Сею рѣкою плыли недолго и взошли 2-го числа въ Иршышь. Вскорѣ увидѣли высокія Самарскія горы и въ полдень положили якорь у Самарскаго острого.

Здѣсь нашли они опять Г. Фишера, отпралявшася на Обь, къ Профессорамъ Миллеру и Гмелину. Ученые путешественники провели здѣсь 4 дни, въ печеніи коихъ занимались Астрономическими наблюденіями. Широту Самарскаго острого вычислили они $56^{\circ} 56' 15''$. — Юня 6-го числа пустились они опять въ пушь, и едва успѣли пройши нѣсколько верствъ, какъ настала ужасная буря, сопровождаемая громомъ, молнією и проливнымъ дождемъ. „Черное небо“ говоритъ Г. Кёнигсфельдъ, „покрылось темно-бурными облаками и сообщило цѣль свой водѣ. Временемъ казалось намъ, что мы плывемъ по огненному морю; ибо подымавшіеся вверхъ волны, бывъ разсѣкаемы молнією, являли видъ огненныхъ свѣшлянковъ. Подобнаго явленія (продолжаешъ онъ) нельзя увидѣшь на берегу.“

8-го числа вечеромъ приближились къ Калмыцкимъ юршамъ. Поелику погода была въ сїе время очень хороша, шо и рѣшились Ученые прогуляться по берегу и осмошрѣшь юршы. Остяки приняли ихъ очень хорошо, угощали и казались гораздо образованнѣе живущихъ при Оби. „Здѣсь“ говоритъ Г. Кёнигсфельдъ, „видѣли мы очень достопамятное явленіе: сѣрый полуденный орелъ кинулся на молодую, совершенно желшую ушку, и схватя ее въ когти, поднялся на воздухъ.“

Увидѣвъ сіе, начали мы кричать и хлопать руками; но онъ, не взирая на сіе, продолжалъ полеть свой и скрылся скоро изъ виду. Сія порода ушокъ шакъ смирна, что служилели наши ловили ихъ руками.“

10-го числа послѣ обѣда прибыли Профессоры къ Семейковскимъ юршамъ и увидѣли здѣсь два обрубленныя и опесанныя дерева, на коихъ нарѣзано было нѣсколько именъ. На вопросъ: что это значишь? отвѣчали имъ Козаки, что въ Маѣ и Іюль 1733-го года погибло здѣсь два судна съ людьми, въ память коихъ начертаны имена ихъ на сихъ полусрубленныхъ деревьяхъ. „Ирнышь,“ говоритъ Г. *Кёнигсфельдъ*, „здѣсь шакъ бышрь, какъ будтобы онъ сканывался съ высочайшаго ушеса.“

12-го числа миновали Профессоры Финской погостъ, находящійся на одной параллели съ С. Пешербургомъ. Прекрасной тальниковой лѣсъ, коимъ усеяны берега Ирныша, показался шакъ пріятель Ученымъ, что они съехали прогулшься на берегъ. Тамъ увидѣли они Осиацкую юршу, жишели коей показались имъ насноящими Рускими. Осиаки сіи принесли Профессорамъ живыхъ смерледей и подарилл шапочку, весьма искусство изъ мѣлкихъ ушныхъ перьевъ здѣланную.

Ночью 13-го числа подошли къ мѣстечку, называемому Черный Яръ. Мѣстоположеніе было здѣсь весьма пріятно и жители онаго начали съять хлѣбъ. „Хошя (говоритъ Г. *Кёнигсфельдъ*) они и пекушъ хлѣбъ свой изъ одного ячменя; однакожь онъ показался намъ очень вкусень.“ Опъ сего мѣсна пришли дощеники очень скоро къ Демьянскому Яму, и Свя-

щеникъ *Антоній*, находившійся на оныхъ, отслужилъ въ здѣшней церкви благодарственный молебенъ. Мѣсто сіе, говоряшь Ученые, изобилуешъ хлѣбомъ, скотомъ, дичиною и рыбою. На другой день миновали Профессоры устье рѣки Демьянки. Вода оной много отличася отъ Иртышской: первая имѣетъ черный цвѣтъ и очень прозрачна, другая же напоишь въ лесоваша и мушна. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣки сіи соединяющя, видна черта.

Проходя деревню Какуй, примѣтили по берегу множество ямочекъ, и Козаки сказали Ученымъ, что въ оныхъ живутъ маленькія птички, называемыя стрижами. Вскорѣ послѣ сего примѣтили ихъ около 700, надъ водою летающихъ. Они имѣютъ совершенно сѣрыя перья и въ половину менѣе ласпючекъ. Подобно комарамъ, летаютъ стрижи не прямо, а изъ стороны въ сторону.

17-го числа поутру, путешественники увидѣли съ удивленіемъ плывучій островъ. Немедленно оправили они Землемѣра, обозрѣвъ оный, и извѣстились отъ него, что островъ сей ширшиною въ полторы, а окружностію въ 6 сажень. „Острова сіи (говоришь *Г. Кёнигсфельдъ*) образуются слѣдующимъ образомъ: Иртышъ, протекая съ великою быстротою, подмываешъ выдавшіеся мысы и напоследокъ отдѣляетъ оные отъ матераго берега. Острововъ сихъ встрѣчается на Иртышѣ немало и они причиняютъ нередко вредъ судамъ.“ На другой день встрѣтили еще два, гораздо большіе острова; на одномъ изъ коихъ было 5 большихъ деревьевъ, а на другомъ множество

цвѣшовъ. — 19-го числа миновали Ясаульскія юрты, ошь копхъ начинаешся жилище Ташарь.

20-го числа, подхоя къ Ташарской деревнѣ Сленкиной, плѣнились Ученые мѣшнымъ положеніемъ и ошправились на берегъ. „Хопя“, говоритъ Г. Кёнигсфельдъ, „погода была очень пріяшная; но едва выпушили мы на землю, шо напали на насъ комары, а въ слѣдъ за оными большія мухи, кошорыхъ Рускіе называютъ оводами. Последнія лешали шучами и нападали на насъ безъ всякой пощады.“ Пробывъ нѣсколько времени въ деревнѣ сей, пошли Ученые обратню къ своему судну и внезапно услышали ужаснѣйшій крикъ. Вообразя, что на одного изъ поварищей ихъ напалъ медвѣдь, кинулись они къ шому мѣсну, опкуда слышали крикъ, и увидѣли солдана, кошорый объявилъ, что его испугала огромная змѣя, на кошорую онъ нечаянно насшунилъ. Г. Кёнигсфельдъ говоритъ: „Мы кинулись вслѣдъ за оною и увидѣли, что она съ ужаснымъ шипѣніемъ пробиралась по правѣ къ лѣсочку. Змѣя сія (продолжаетъ онъ) была длиною въ 6 фушовъ; цвѣтъ еяны походилъ на голубую эмаль, а бока были золошоцвѣшныя съ черными пятнами. Не имѣя никакого оружія, оставили мы ее въ покоѣ.“ Последнимъ словамъ ученаго Профессора едали можно повѣришь: вѣрошно оставили ее въ покоѣ пошому, что пошрусилы вступишь съ нею въ сраженіе.

Обвѣхавъ на лодкѣ мысь, за коимъ находилась Ташарская деревня, вышли они ошашъ на берегъ и пошли прямо къ оной. Приближась къ дому одного богашаго Ташарина, увидѣли нѣсколько женщинъ въ нарядныхъ одѣянїяхъ, сидящихъ на крыльцѣ. Ташарки сіи

пошли немедленно на встречу путешественникамъ и осматривали съ любопытствомъ одѣяніе ихъ. Во внутреннихъ покояхъ видно было много мужчинъ и женщинъ, кои не шрогаясь съ мѣста, курили покойно шабакъ; ибо сей день была пятница, шо ешь Ташарское воскресенье. По захожденіи солнца начали они всѣ молиться: Иманъ ихъ, подошедъ къ Иршышу, ссталъ на колѣни, обративъ лице свое къ полудню. Вскорѣ послѣ сего прибѣжалъ еще одинъ Ташаринъ, кошорый взошедъ въ рѣку, вымылъ лице, руки и проч. и сставъ на колѣни подлѣ Имана, молился весьма усердно. По окончаніи сей молитвы, пригласили они путешественниковъ въ домъ и угощали ихъ чаемъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Наконецъ, 23-го числа, прибыли путешественники благополучно въ Тобольскъ, пробывъ на пуши ошъ Березова зо дней. „Мы“ говоримъ Г. *Кёнигсфельдъ* „пристали къ высокой горѣ, на коей находится крѣпость, и вошли въ оную по лѣсшницѣ, имѣвшей 270 ступеней. Зданіе сіе сооружено Кабинешъ - Министромъ *Черкасскимъ*, кошорый былъ Градоначальникомъ въ Тобольскѣ.“

Гг. Ученые ошиблись: Князь Михаилъ Яковлевичъ *Черкасскій* не былъ Министромъ; а находился Воеводою въ Тобольскѣ съ 1697-го до 1705-го года. На мѣсто его воступилъ знаменитый, но несчастный мужъ, Князь Машей Пешровичъ *Гагаринъ*, кошорый докончилъ всѣ зданія и доставилъ Тобольску многія выгоды.

„Первое посѣщеніе (продолжасшъ онъ) здѣлали мы Градоначальнику *Бутурлину* и пошомъ осматривали

всю обширную крепость. Всего больше удивил нас колодезь, въ 30 сажень глубиною, вырытый Шведскими плыниками; въ ономъ, среди самаго жарчайшаго льда, можно найти ледъ. Воду доставляютъ простую машиною, которая одно ведро опускаетъ, а другое поднимаетъ. Покойный Митрополитъ держалъ нарочно медвѣдя, который совершалъ работу сію. Съ любопытствомъ осматривали мы также огромные колокола, вылитые на заводахъ *Демидова*. По надписи, здѣланной на оныхъ серебряными буквами, видно, что за нихъ заплачено 8000 рублей.“

Замѣчательно, что между Тобольскими колоколами есть также одинъ ссылочный. Вотъ краткая Исторія онаго: Когда Царевичъ Димитрій *лишевъ* былъ жизни въ Угличѣ, то зазвонилъ одинъ колоколь; долго искали виновнаго, но не нашли его, заключили, что колоколь билъ самъ въ набашь. Борисъ Федоровичъ *Годуновъ*, услышавъ сіе, приказалъ у сего колокола отбить одно ухо и сослать его въ ссылку, въ Тобольскъ. Колоколь сей находится нынѣ на Софійской колокольнѣ. Въ Тобольскъ привезенъ онъ 1593-го года.

По учиненнымъ здѣсь наблюденіямъ, оказалась широта мѣста $58^{\circ} 12' 34''$; а разность Меридіановъ между Тобольскомъ и С. Пешербургомъ 2 часа 32 минуты.

26-го числа прѣехали Ученые въ опшвенную имъ Полиціѣмейстеромъ квартиру. Должность сію опправлялъ тогда Иванъ Ивановичъ *Страховъ*, Придворный Кофишенкъ, который былъ сюда сосланъ. „Первымъ занятіемъ нашимъ (говоритъ Г. *Кёнигсфельдъ*) было обозрѣніе города. Шшабъ-Лькаръ *Гольцъ* повелъ

насъ въ Военную школу, заведенную Шведскими плѣнниками. Дѣши учашся здѣсь члшашъ, пишашъ, Ариемшикъ, началамъ Геометрїи и экзерциціи; мы видѣли ихъ сподшихъ на караулъ, съ деревянными ружьями. Подлѣ сей школы находимся мостъ черезъ рѣчку Курдумку, имѣющую по опличительное свойство, что каждый напившійся изъ оной получаетъ Сибирскую болѣзнь. На другой день, по случаю воспоминанїя Полтавской баталии, были мы на обѣдѣ у Г. *Бутурлика*, который оказалъ намъ всевозможныя учтивости.“

„28-го числа осматривали мы Ташарскїе дома и зашли къ Княжнѣ *Сукериковицовой*. Послѣ обѣда видѣли мы 35 Ташаръ въ полномъ вооруженїи, кои посылались противъ Башкирцовъ, здѣлавшихъ нападенїе на Тобольскую Губернїю.“

„29-го числа приглашены мы были обѣдаться къ Г. Алфер. *Челыщеву*, Члену Канцелярїи, гдѣ мы нашли опличное общество и много Сибирскихъ Дамъ.“

„Въ слѣдующій день посѣдили мы Архимандрита *Аникїя*, который начальствовалъ надъ Духовною частью послѣ Митрополита *Антонїя*. Онъ принималъ насъ очень ласково и показывалъ монастырскую Библиотеку, состоявшую изъ множества рукописей и нѣсколькихъ Славянскихъ книгъ. Мы видѣли также здѣсь много мамонтовыхъ костей и одну цѣлую голову, съ двумя сохранившимися зубами. (Г. *Делиль* полагаетъ, что это голова Гиппопотамы.) Архимандритъ увѣдалъ насъ, что въ 1739-мъ году Сибирской кузецъ, по имени *Фулга*, (*Fulga*?) нашелъ около Ени-

сейска цѣлую мамоншовую голову ужасной величины. Сей *Фулга* былъ человекъ необыкновенной силы и побѣдилъ разъ бѣлаго медвѣдя, не имѣя при себѣ никакого оружія. Шкуру съ онаго подарилъ онъ прежнему Воеводѣ Алексію Львовичу *Плещеву*.“

„Съ 1-го Юля (говорить Астрономъ *Демиль*) настали ужасные жары; солнце дѣйствовало шакъ сильно, что нельзя было ничѣмъ заниматься. Лавки опшпирались шолько подѣ вечеръ, и во весь день не видно было никого по улицамъ. Жаръ сей продолжается до половины Августа, и во время онаго не могъ я упошреблять ни какой пищи, а пилъ шолько Кишайскій чай, кошорый здѣсь чрезвычайно хорошъ. Въ лавкахъ купцовъ, торгующихъ съ Кишайцами на Кяхтѣ, видѣлъ я много хорошаго фарфору и разныя живописныя картины.“

6-го числа отправились Ученые въ Абалацкой монастырь. Г. *Кёнигсфельдъ* говоритъ: „Здѣсь жилъ прежде знаменитый Ташаринъ *Абали*, кошорый имѣлъ собственное войско. Монастырь расположенъ на высокой горѣ, подошва коей омывается Иртышемъ. Здѣсь видны еще осшатки развалинъ Ташарскаго города и гробы Хановъ, кои были родшвенники *Кугуму*. Съ удивленіемъ взирали мы здѣсь на маленькую рѣчку: *Старая Сибирка*, въ Иртышъ впадающую, берега коей вышиною ошъ 30 до 40 сажень.“

(Окончаніе впрѣдъ.)

Анекдоты.

— Въ одномъ городѣ въ Германіи продавались съ публичнаго торгу разныя вещи, и между прочимъ книги. Въ числѣ покупателей находилась одна извѣстная Нѣмецкая Писательница. Дама сія, кошорая върояшно не нуждалась въ деньгахъ, оспавляла за собою всѣ лучшіе шовары. Эшо произвело великую досаду между торговками, кои хошѣли купишь оныя за безцѣнокъ и пошомъ продать съ большею выгодною. Наконецъ, дѣло дошло и до книгъ, кошорыя также ей достались. „Теперь я вижу,“ сказала одна изъ сихъ женщинъ, „что она все эшо дѣлаешъ изъ зависпи. Ну, какая ей нужда въ книгахъ, когда она сама ихъ пишешъ?“

— Одинъ богатый и знашый Парижанинъ, встрѣшясь на улицѣ съ *Дидеротомъ*, сказалъ ему: „Вы знаете, что я люблю чишашъ и покунаю много книгъ. Но не имѣя обширныхъ свѣденій въ Лишшературѣ, я нерѣдко ошибаюсь въ выборѣ. Вы, *Г. Дидеротъ*, человекъ ученый и имѣете конечно прекрасную библиотеку. Пришлише мнѣ что-нибудь почишашъ.“ *Дидеротъ* охотно согласился и на другой же день прислалъ ему первую часть *Вольтерова Опыта Всеобщей Исторіи*. Любитель Лишшературы прочелъ оную съ удовольствіемъ и вскорѣ потребовавь вшорой. *Дидеротъ*, кошорый часто былъ разсѣянъ, ондалъ слугѣ его шу же самую, *первую* часть; а усердный чищецъ, не замѣчая сей ошибки, принялся за оную снова. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ ошашъ встрѣчаешъ *Дидерота*. „Какъ я Вамъ

благодаренъ за Ваши книги!“ сказалъ онъ. „Какъ онъ занимательны! Авшоръ ученъ, очень ученъ. У него много новаго, а особливо во 2-мъ томѣ. Я однакожь замѣсилъ, что онъ иногда любитъ повторенія!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б а с н и.

7.

Порокъ и добродѣтель.

„Я царь земли!“ — Порокъ съ надменностью из-
рекъ. —

„А я на небесахъ убѣжище снискала,“

Смиренно Доблесть ошвѣчала. —

Рѣшись и выбирай, безсмертный человекъ!

8.

Ошибка гига.

Чижь въ пшичникъ залезя, прельсился имъ, какъ
раемъ.

Раздолье! пьешь и ѣшь одно онъ съ попугаемъ;

Но долголь? Нѣтъ! Скворецъ шамъ заклевалъ его. —

Опасно выходишь изъ круга своего.

9.

Скорбь и Фортуна.

Оспрады лучъ блеснуль у Скорби на чель. —

„Что этому виной?“ Фортуна спросила.

„Давноль твоя шомный взоръ поникнушь былъ къ
земль?“ —

„Я милостью слезу сиротки осушила.“

И. Димитровъ

Д а и н ь т ь .

Во всякомъ свѣшѣ и народѣ
За благо призналъ умный свѣшѣ,
Поспановишь два слова въ модѣ:
Одно есть *да*, другое *нѣтъ*.
Но, ахъ! и шѣ въ обыкновеньѣ
Твердишь такъ лживо иногда,
Что сплошь, безъ совѣсти зазрѣнья,
Да — выйдешь *нѣтъ*; *нѣтъ* — выйдешь *да*.

*

Капюша день и ночь спыдишься,
Что спрашнымъ пламенемъ горись;
На языкѣ все *нѣтъ* вершишься,
А сердце *да* давно швердишь.
Словечкомъ *да* вѣнцы крѣпящся;
По много, слышалъ я, мужей
Желали бѣ снова обвѣнчашся,
Чтобъ *нѣтъ* произнесши скорѣй.

*

Кидая деньги безъ разбору
И чванствомъ удивляя свѣшѣ,
Богачъ скуному кредитору
Сулишь все *да*, а плашишь *нѣтъ*.
Такъ и Нанешочка прекрасна
Любитъ клянется навсегда.
Съ Амуромъ время несогласно:
То скажешь *нѣтъ*, а эшошь — *да*.

*

Все́му, что въ мѣрѣ ни ведется,
Повѣришь шрудно въ наши дни:
Въ словахъ — рѣкою правда льется,
Въ дѣлахъ — обманы лишь одни.
Ахъ-ши! Не часпо ли бываешь
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ,
Что глупость да намъ ошвѣчаетъ,
Когда разумокъ скажешь: *нѣтъ?*

К. И. Долгорукій.

При семъ №. прилагаеяся *видъ Березовскаго острова*
и церкви, построенной Кн: *Мешишковымъ*, о коей
Гг. *Демль* и *Кёнигсфельдъ* упоминають въ своемъ
пушешествіи. (См. *Нов. Литт.*, №. XIV, стр. 8-я.)
Крашкое объясненіе находящяся при самой каршинкѣ:

Печашашъ позволешя: Апрѣля 21-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XVI.

П Р О З А.

Путешествіе Астронома Делля и Профессора Кёнигсфельда изъ С. Пе- тербурга въ Березовъ.

(Окончаніе.)

„Въ одинъ день (говорить Г. Делль) навѣспилъ меня знашней Ташаринъ, попомокъ *Кукуковой* фамиліи и зная, что я Астрономъ, дѣлалъ мнѣ много любопытныхъ вопросовъ о сей Наукѣ. Почему (говорилъ онъ) не заходишь солнце въ Обдорскъ, какъ мнѣ Самоѣды рассказывали? Почему въ Иркутскъ, Пекинъ и Ямышевской крѣпости теплѣе, нежели въ Тобольскъ и Березовъ? — Обыкновеннымъ образомъ началъ я ему доказывать причины и удивился, какъ скоро и свободно понималъ Ташаринъ сей мои доказательства. Послѣ сего шилъ онъ у меня чай безъ сахара, выкурилъ нѣсколько шрубокъ шабаку и сказавъ мнѣ, по Восточному обычаю, цѣлую рѣчь при прощаніи, ушелъ съ весьма довольнымъ видомъ.“

Опъ самага начала путешествія былъ Астрономъ *Делль* весьма нездоровъ; но не взирая на сіе, обучалъ

онъ, въ свободное время, данныхъ ему отъ Адмираль-
шействъ-Коллегіи Геодезисновъ. „Я“ говоришь Г.
Кёнигсфельдъ, „служилъ ему переводчикомъ.“

16-го числа извѣстились мы, (говоряшь Ученые)
что Княгиня *Долгорукал*, урожденная Графиня *Шере-
мѣева*, прибыла водою въ Соргунь, находящійся въ
7-ми верстахъ отъ Тобольска. Всѣ почешныя Дамы
оширавились къ ней съ визитами и уговаривали ее,
ѣхать отсюда берегомъ до Тобольска. Княгиня,
поблагодаривъ ихъ за посѣщеніе, отказалась ѣхать
берегомъ и совершила путь сей рѣкою. Въ слѣдую-
щій день прибыла она къ городу и принимала съ удо-
вольствіемъ посѣщенія отъ всѣхъ жишелей. „Азіяшцы“
говоришь Г. *Кёнигсфельдъ* „такіе же охотники до
учишностей, какъ и Европейцы. Въ Тобольскѣ суще-
ствуетъ обычай: когда мужчина цѣлуешь у женщины
руку, то она взаимно цѣлуешь его въ високъ.“ Любо-
пышно бы знаешь, существовалъ ли обычай сей, въ
1740-мъ году, въ С. Пешербургѣ?

„19-го числа“ говоряшь Ученые „посѣшилъ насъ
знашый Ташаринъ *Дабусъ-Алишъ*. Прилагательное
Алишъ означаетъ ученость. Онъ рассказывалъ намъ
много о правахъ и обычаяхъ своихъ одноземцовъ, пилъ
у насъ чай, и какъ въ сіе время солнце уже закатилось
подъ горизонтъ, то вышелъ онъ на лѣшницу и со-
вершилъ обыкновенную молитву. На другой день
посѣшилъ онъ насъ опять и принесть по Восшочному
обычаю подарокъ, состоявшій въ Арабской писанной
книгѣ, величиною въ четвершку. Книга сія заключала
жизнь Іисуса Христа. По Ташарскому численію
(сказалъ онъ намъ) существовалъ съынъ 620.960 лѣтъ

до Адама; а опъ Адама прошло до нашего времени смирномъ 7000 лѣтъ. По нашему Церковному счету (говорятъ Ученые) было тогда опъ сотворенія міра 7248 лѣтъ.“

Окончивъ всѣ Историческія и Астрономическія замѣчанія, собрались Ученые въ обратный путь. „23-го числа“ (говорятъ Г. *Кёнигсфельдъ*) „оставили мы Тобольскъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ добрыхъ пріятелей и перѣехали Иртышъ. Здѣсь пригласилъ насъ къ себѣ Ташареккой Ахунъ или Первосвященникъ. (Званіе сіе получаютъ они въ Меккѣ или Бухаріи.) Ахунъ былъ шарикъ лѣтъ 80-ти, имѣлъ на себѣ шелковое льновое платье и говорилъ очень хорошо по Руски. Послушавъ разказовъ его о Магомешѣ и Коранѣ, съѣли мы въ свои повозки и отправились въ путь.“

26-го числа прибыли они въ Тюмень „Городъ сей“, говорятъ Г. *Кёнигсфельдъ*, „весь деревянной, исключая церкви и монастыря. Жители также ласковы и гостепріимны, какъ и въ Тобольскѣ. Здѣсь дѣлають весьма хорошіе шерстяные ковры.“

„29-го числа (продолжаетъ онъ) пріѣхали мы въ маленькой городокъ Епанчинъ, гдѣ были весьма обласканы Воеводою, Г. *Ведингомъ* (Weding). Незадолго предъ нашимъ прибытіемъ пошерѣлъ городъ сей великій уронъ опъ пожару: сгорѣло 72 дома и церковь. Хотя здѣсь нѣтъ никакой торговли; но во всѣхъ жизненныхъ припасахъ видно великое изобиліе. Нигдѣ (заключаетъ онъ) не ѣдалъ я такой крушшой и вкусной земляники, какъ здѣсь.“

Обратный путь Гг. Профессоровъ не представляеть ничего любопытнаго ни для Историка, ни для Географа: безъ всякихъ особенныхъ приключеній, прибыли они въ Соликамскъ и тѣмъ опшюда водою до Нижняго Новгорода. Остальную дорогу совершили они сухимъ путемъ и прибыли благополучно, въ исходѣ Ноября, въ Санктпетербургъ.

В. Бергъ.

Письмо изъ Лиссабона.

„Кто не видалъ Лиссабона“, говорятъ Португаллы, „шюмъ не видалъ ничего прекраснаго.“ Предубѣжденіе сіе не только извинительно, но даже, судя по источнику онаго, досшойно уваженія. Нѣкопорые Историки сего народа увлеклись еще далѣ патриотическимъ своимъ усердіемъ: ссылаясь на сходство именъ, увѣряють они, что *Лиссабонъ* основанъ *Улиссомъ*, во время его странствованій! Не входя въ разбирашельство сихъ мнѣній, должны мы согласишься, что если мудрый Царь Ишаки дѣйствительно былъ основателемъ сего города, то онъ умѣлъ выбрать мѣсто. Сшюлица Португалліи находится, какъ извѣстно, подъ 38-мъ градус. Сѣверной широты; климатъ здѣсь умѣренный, земля плодоносная, окрестности прекрасныя и положеніе весьма выгодное для торговли. Величественный Тагъ, изливающейся въ море въ 3-хъ или 4-хъ миляхъ отъ Лиссабона, покрываетъ многочисленными судами всякой величины и всѣхъ націй. Ширина и глубина сей рѣки споль значительны, что самые большіе военные корабли могутъ подходить почти къ самому городу.

Лиссабонъ построень на холмахъ и, вмѣстѣ съ предмѣстіями, проспирается вдоль рѣки почти на три часа ѣзды. Улицы и зданія вообще неправильны, выключая той части города, которая разрушена была ужаснымъ землетрясеніемъ 1755-го года и попомъ выстроена по новому плану и въ лучшемъ вкусѣ. Здѣсь-то находишься прекрасная шорговая площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ публичными зданіями. Къ числу оныхъ принадлежатъ: Биржа, Таможня, такъ называемый *Индійскій домъ*, Коммерческая Палата, шесть Министерствъ, городской Совѣтъ и разныя другія Судилища. Нельзя не пожалеть, что нѣкоторыя изъ сихъ зданій не совсемъ еще приведены къ окончанію. Посреди площади возвышается бронзовая статуя Короля *Иосифа I*. Съ Западной стороны воспріемлетъ свое начало огромный Арсеналь, а съ Южной ограничиваюшая взоры прекрасною набережною. Къ Сѣверу проспираются отсюда при широкія, правильныя и превосходно обстроеныя улицы. Всѣ оныя ведутъ къ другой площади, называемой *Rocio* и доспомышной нѣкоторыми Историческими воспоминаніями. Здѣсь находился некогда домъ Инквизиціи, съ принадлежавшими къ оному темницами. Последнія сломаны до основанія и развалины оныхъ послужили для уравниенія площади и ближнихъ улицъ.

Я уже выше замѣнилъ, что собственно такъ называемый городъ выстроень весьма неправильно. Тщешно будете Вы искать чистоты въ Лиссабонѣ. Каждый житель, начиная съ 10-ти часовъ вечера, имѣетъ право, выбрасывать или выливать на улицу все, что ему угодно. Бѣда пѣшеходцу, а особливо

чужестранцу, который въ это время проходитьъ подъ окнами! — Мершвыя собаки, кошки, даже лошади выкидываются также, безъ всякихъ околичностей, на улицу.

Въ южныхъ странахъ Европы, гдѣ несносныя жары препяшесывуютъ жителямъ выходить, въ продолженіе дня, изъ домовъ своихъ, всѣ публичныя увеселенія начинаются вечеромъ. Въ сіе-шо время каждый многлюдный городъ пріобрѣтаетъ какую-то новую живость; улицы и площади наполняются гуляющими; прекрасно освѣщенные кофейныя дома привлекаютъ безчисленныя толпы посѣшителей. Но Лиссабонъ дѣлаетъ исключеніе изъ сего правила: съ 10-ти часовъ вечера городъ совершенно пустѣетъ. Реснораціи и конфекціныя лавки замираютъ и рѣдко, весьма рѣдко встрѣшите Вы двухъ или трехъ чело-вѣкъ, возвращающихся изъ Театра или изъ общества. — Освѣщеніе города, которое введено здѣсь не далѣе, какъ за 20 лѣтъ, можно назвать порядочнымъ; за то мостовыя вездѣ дурны. Нѣкоторыя площади и отдаленныя улицы совсѣмъ не вымощены. — Частныя дома рѣдко оплщаются красивою наружностію, но внутри расположены по большей части хорошо и покойно.

Кшо видѣлъ монастыри и церкви въ Испаніи, поплъ лежняго найдешъ любопытнаго въ здѣшнихъ. Число оныхъ въ Лиссабонѣ довольно значительна; но ни одна не оплщается изящесствомъ Архипескупуры, а еще менѣе драгоцѣнносію церковныхъ утварей или превосходными произведеніями Художеснвъ. Самый огромный монастырь находится посреди города и поному назы-

вается *С-нъ Франиско ди Чидде*. Монахи сей общины вознамбрились поспроить большую церковь, по образцу Собора Св. Петра въ Римѣ, и собрали на сей конецъ весьма значительныя суммы. Зданіе сіе начашо уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; главныя стѣны онаго выведены; но строеніе оспановилось и — какъ думающъ, навсегда оспанеется недокончаннымъ. — Церковь *Св. Доминика* почитается нынѣ огромнѣйшею въ Лиссабонѣ, но кромѣ величины своей не имѣеть ничего замѣчательнаго. — Великолѣпный монастырь *Эстрелла*, основанный покойною Королевою, *Донною Марією*, стоилъ Правительству нѣсколько милліоновъ, но также оспался безъ окончанія. Сверхъ того значоки весьма недовольны Архидіакону онаго и находящъ, что строеніе сіе взрено было людямъ, неимѣвшимъ для сего ни нужныхъ талантовъ, ни свѣденій.

Новый Королевскій дворець *Аджуда* (въ Лиссабонѣ) начашъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по обширному плану и въ новѣйшемъ вкусѣ; но едва ли оспдѣлана и прешья доля онаго. Ежегодно ошущается на сей предметъ по 400,000 крузадъ; но строеніе, не смотря на то, производится весьма медленно. Дворецъ сей имѣеть превосходное мѣстоположеніе: оный лежишь на холмѣ, съ коего открываются, во все стороны, разнообразныя и прелестнѣйшія виды. Въ самомъ зданіи есть нѣкоторыя ошибки, кои легко можно замѣнить, не будучи даже Архидіаконоромъ. Портикъ онаго украшенъ мраморными статуями, представляющими Мифологическія божеества. Все оныя суть произведенія Португальскихъ

Художниковъ. Сіи послѣдніе, желая увѣковѣчить имена свои, вопреки общему обыкновенію, вырѣзали оныя на пьедесталахъ. Сіе легко можешь привести въ заблужденіе просполоудимовъ, кои судя по именамъ, почтуютъ сіи фигуры за изображенія какихъ-либо знаменитыхъ соошечественниковъ и только будущъ удивляться странной ихъ одеждѣ и аштрибушамъ.

Публичныя гулянья въ Лиссабонѣ не значительны и едва ли заслуживаютъ сіе названіе. Тѣмъ достопримѣчательнѣе прекрасныя водоводы Альканшарскіе, находящіеся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Между двумя горами усроены гранишныя арки, въ лучшемъ древнемъ вкусѣ. Средняя изъ оныхъ, имѣющая въ вышину 350 фушовъ, собираетъ воду въ обширное хранилище, откуда можно снабжать оною городъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Вообще водоводъ сей построень весьма прочно и землетрясеніе 1755-го года не причинило оному ни малѣйшаго вреда.

(Съ Нѣмецкаго.)

Исландскій Стихотворецъ Торлаксонъ.

Недавно еще жилъ въ Исландіи Стихотворецъ и Проповѣдникъ *Торлаксонъ*, извѣстный своими переводами *Мильтонова Потеряннаго рая* и *Мессіады Клопштоковой*. Онъ скончался въ глубокой старости, оставивъ разительный примѣръ, сколь легко человеку, привыкшему къ размышленію и занятіямъ, добровольно отказатъ себѣ во всѣхъ внѣшнихъ удовольствіяхъ и даже во всемъ, что называется счастіемъ.

Почтенный спарець *Торлаксонъ*, имѣвшій пребываніе свое въ Баэгидѣ, жилъ въ самой бѣдной хижинѣ. Низкая дверь вела въ его комнашу, имѣвшую не болѣе 8-ми фушовъ въ длину и 6-ши въ ширину. Здѣсь помѣщалась его кровашь; а у дверей, прошивъ маленькаго чешыреугольнаго окна, споялъ споликъ, на кошоромъ онъ писалъ свои Спихошворенія. Но сіе бѣдное жилище имѣло самое живописное мѣстоположеніе, между двумя горами, посреди коихъ изливались ручьи и шумѣли водопады. Годовое его жалованье, ошъ двухъ приходовъ Баэгиды и Беки, соспавляло всего 30 шалеровъ; причемъ половину сей суммы надлежало ему ошдавать другому Проповѣднику, исправлявшему должность его въ Бекѣ. Изъ сего легко можно заключишь объ ограниченномъ образѣ жизни сего Пѣснопѣвца, который конечно могъ бы служишь образцемъ умѣренности и самоошверженія. При всемъ томъ, *Торлаксонъ* былъ доволенъ собою и свѣшомъ; ибо чувство внушрренняго его достоиинства вознаграждало его за всѣ минушныя выгоды жизни.

Скандинавская Липшерашура пошерпѣла весьма значительную пошерю ошъ того, что не весь переводъ *Мильтона* напечатанъ: оный не шолько превосходилъ всѣ другіе переводы, но въ нѣкошорыхъ мѣсшахъ, гдѣ упошребляющся выраженія, взяшыя изъ *Эдды*, *Торлаксонъ*, кажешся, превзошелъ самаго *Мильтона*. Въ переводѣ семъ принято шлопосложеніе, называемое *Fornirdalag*, подобное шому, какое упошреблено въ Спихошвореніяхъ *Сармундъ-Эдды*. — Въ послѣднихъ годахъ своей жизни, *Торлаксонъ* занимался переводомъ *Мессіады*, изъ кошорой привелъ къ окончанію 14 пѣсней.

Но онъ самъ признавался, что прудъ сей не столь былъ удаченъ, какъ его переводъ *Мильтона*. Ему тогда было 70 лѣтъ, и глубокая старость охладила уже, приѣшнымъ образомъ, быстрый полетъ его воображенія.

Жизнь *Торлаксона* прошекла въ прудахъ, неободряемыхъ никакою наградою. За то *тамъ*, въ вѣчной обитали свѣта и мудрости, Ангель-воздаятель вручишь ему неслѣдную палму безсмертія!

Съ Нѣм. С.

Мысли на гробъ друга.

Угасли послѣдніе лучи Авроры и наступила ночь въ подлунномъ мірѣ! Вся Природа одѣлась мрачнымъ ея покровомъ; все швореніе погружено въ сладкую дремолу. Безмолвствующъ долины и горы; опустили прелестныя рощи, едва колеблемы шихимъ дуоженіемъ прохладнаго вѣтерка; ошдаленный холмъ, увѣчаный шолѣшними древами, пахмурилъ угрюмое чело свое; умолкли сладкогласныя пипички, конхъ пѣніе раздавалось изъ ближняго лѣса; одинъ шолько ручеекъ, шихо кашащійся по долину, прерываетъ всеобщую тишину приѣшнымъ своимъ журчаніемъ.

Въ сей-шо часъ уединеннаго безмолвія, съ чувствіемъ горести и въ широкшвъ сердца, прихожу я бесѣдовать съ могилою друга. Орошаю слезами надгробную надпись, имъ самимъ, при жизни еще, предначертанную

О другъ незабвенный! Почшо я не во гробъ, вмѣстѣ съ тобою? Почшо прахъ мой не покоится, вмѣстѣ съ швоимъ, въ хладныхъ объятіяхъ земли? Почшо

однѣ только воспоминанія возобновляютъ въ душѣ моей образъ прежняго счастія, коимъ обязана я благошворной, драгоценной твоей дружбѣ?

Увы! Давно ли еще наслаждался я симъ блаженствомъ? Давно ли, сидя вмѣстѣ подъ сѣню прохладной рощицы, проводили мы цѣлые часы въ искренней, пріятной бесѣдѣ? Давно ли разсуждали мы вмѣстѣ о важнѣйшихъ, священнѣйшихъ предметахъ для человѣчества: о будущей жизни, о надеждахъ, просіявающихъ намъ за порогомъ смерти? Давно ли плѣнялись вмѣстѣ красошами Природы, споль же величественными, какъ и разнообразными? Давно ли, съ благоговѣнною душею, возносились къ Творцу ея, одинаково премудрому и непостижимому во всѣхъ Его созданіяхъ? Какъ часто великолѣпное свѣшило дня изливало послѣднее злато лучей своихъ на вершины густоспеленныхъ деревъ, между тѣмъ какъ мы, въ шрепешномъ безмолвіи, преклоняли колѣна свои на мягкую мураву и сердцемъ славословили Всевышняго, коего никакія хвалебныя пѣсни, никакое земное краснорѣчіе достойно прославить не могутъ!

Теперь предстоишь ты предъ небеснымъ Его престоломъ; предстоишь въ новомъ, чистѣйшемъ видѣ. Ты можешь быть проливаешь предъ Нимъ шеплыя молишвы о швоемъ другѣ, сиротѣющемъ въ сей юдоли плача и проливающемъ горькія слезы надъ швоею могилой!

Томный свѣтъ луны, посребряя прозрачные края быспро носимыхъ облаковъ, усугублялъ шайншвенное величіе ночи. Повсюду царшвовало безмолвіе. Мрачныя могилы, меня окружавшія, шіи печальныя

памятники плѣнности земной, соопшѣшсшвовали въ полной мѣрѣ мрачному расположенію души моей. Воспоминанія прежняго счасія расправляли, еще болѣе, сердечныя мои раны. Я не смѣлъ простирашь взоры свои въ будущность, которая безъ тебя не представляла мнѣ въ семъ подлунномъ мірѣ ничего ушѣшишельнаго. Чистый пламенникъ дружбы, озарявшій печальную спезію моей жизни, угасъ навѣки и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезли всѣ мои радости.

Но что я вижу? Мнѣ кажешся, что шѣнь швоя, подобно нѣкому Генію-ушѣшишелю, паришь надо мною? Кажешся, я слышу дружелюбный швой голосъ, увѣщающій меня къ швердосни и шерцѣнію. Мнѣ мнишся, что ты указываешь мнѣ на Небеса, кои содѣлались всегдашнимъ швоимъ обшпалшщемъ, и вмѣстѣ напоминаешь, что и я предназначенъ также для другаго, лучшаго міра. Что значишь сіе лучезарное свѣшило, сіяющее надъ швоею главою? Не это ли звѣзда Вѣры, долженшшвующая предводишь и ободряшь насъ на шерновомъ пуши жизни?

Такъ, другъ мой! Я буду слѣдовашь ободрительному швоему гласу: съ шерцѣніемъ буду переносишь испытанія земныя, кои шспосылаются на насъ ошъ благаго, нешповѣдимаго Провидѣнія. Свѣшильникъ Вѣры будешь моимъ пушеводшшелемъ, а жезлъ Надежды неизмѣннымъ спушникомъ. Такимъ образомъ, приближусь я къ шхой пршшани, гдѣ соединюсь съ шбою, дабы никогда уже не разлучашься.

Бьешъ часъ на колокольнѣ села моего, и унылый сей звукъ пробуждаешь меня изъ сладосшныхъ, ушѣшишельныхъ мечшаній. Все пушно и мершво вокругъ

меня. Самый сей звукъ, шомно ошдающійся въ окрестности, поспешенно изчезаетъ и прежнее безмолвіе царствуетъ на кладбищѣ. Еще пробилъ часъ — мыслилъ я — и еще однимъ часомъ приближился я къ смерти и къ соединенію съ шобою. Кто знаешь? Можешъ бышь скоро, скоро насщупишь ша минуша, въ которую шлѣнные оспашки швоего друга сокроюшся въ хладныя нѣдра сей же земли; а духъ его оплешитъ въ невѣдомый край, гдѣ, вмѣстѣ съ шобою, ожидашь будешъ блаженнаго разсвѣша жизни вѣчной!

Я. Гладковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ Н. И. Гнѣдигу.

Безъ лицемѣрства другъ, безъ зависти Писатель,
Врагъ владыкъ рѣмачей, шалашища почишатель,
Въ пріятельскомъ кругу стиховъ пріятный чшець,
Терпѣнія въ шрудахъ полезныхъ образецъ,
Свободномыслящій Поэшь безъ своевольства
И молодыхъ пѣвцовъ совѣтникъ безъ пошворства,
О Гнѣдигъ! Дай и мнѣ свой искренній совѣщъ!
Газетчикъ, Журналистъ и записной Поэшь,
Стихи печатаю и рассылаю даромъ;
О дѣляхъ не пекусь съ такимъ усерднымъ жаромъ.
Всхожу на чердаки къ Издашелямъ просишь,
Чтобъ соизволили въ Журналъ ихъ помѣстишь,
И самъ ихъ продаю и самъ же покупаю;
Хвалишь себя, хулишь другихъ я нанимаю;
Но славы не купилъ еще своимъ стихамъ.
Она, незваная, летишь къ другимъ Пѣвцамъ.
Или съ Зоидами гордись высокой связью,
Бросаю въ Авшоровъ прославившихся грязью;
Какъ мышъ въ швореньяхъ ихъ погрѣшностей ищю;
Ни опечашки имъ, ни шочки не прощю.
Кричу: разбой! пожаръ! надъ каждою бездѣлкой:
Что мѣлко для другихъ, то для меня не мѣлко.
На шишуль книги я, написанной съ умомъ,
Не рѣдко издаю ругательствъ цѣлый шомъ;
Надъ предисловіемъ пошью многи дѣша.
Довольно, если сѣшь лишь похвалишь Поэша,
Чтобъ мнѣ казался слогъ его и вялъ и грубъ;
Но громкая молва ни на одной изъ шрубъ

О знаменитости моей не протрубила!
Рецензии мои ждешь ранняя могила!

Иль въ цѣхъ Комическихъ вступая Авшоровъ:
Что день — то Опера, иль Водевиль годовъ;
Что день — въ афишахъ я, написанный, сіяю;
Насильно Публику смотришь себя собираю.
Осмѣиваю всѣхъ, кто смѣетъ быть острѣй
И чьи стихи моихъ забавнѣй и складнѣй.
Явлюсь ли какъ шворецъ или какъ предложитель;
Но образованный всегда зъваешь зритель.
Гласъ общій цѣнишь въ грошъ моихъ полсотни Драмъ,
И знаюшь многіе о нихъ изъ Эпиграммъ!
Злой *Вяземскій* мнѣ сплелъ изъ нихъ вѣнокъ шерновый.

А я въ опчаянны спѣшу на подвигъ новый:
Самъ объ извѣстности своей я хлопочу;
Самъ въ обществахъ о ней, какъ бѣшенный, кричу.
Бѣгу за Славою, лещащей въ колесницѣ;
Пою, держа подаль напѣвешный въ десницѣ:
„Танисшевенныхъ могилъ и раннихъ не забудь
И сладострашнѣе къ стихамъ бывалымъ будь!“
Но Слава оныхъ моихъ унылыхъ пѣсней дремлетъ
И оглушающимъ мольбамъ моимъ не внимлетъ.

О *Гильдигъ!* Научи, что дѣлать мнѣ съ собой?
Какъ подружисься мнѣ съ спосуемой молвой?
Какъ о стихахъ моихъ ее шрубишь заспаившь?
Чѣмъ можно мнѣ бласнушь и чѣмъ себя прославившь?
Пора, давно пора! Ахъ, время не спойшь,
И прозу и стихи и пѣсь оно умчишь . . .
Что вижу? ны меня совѣтъ не понимаешь
И жизнь не по часамъ, по пользѣ ны считаешь,

И презираешь шолкъ гонимелей — невѣждь!
Бышь можеть ты и правъ, что цѣпшь своихъ надеждь
Къ попомшву позднему, въ мѣръ лучшій переносишь
И Хрисша ради здѣсь вѣнцовъ себѣ не просишь.
Ты врагъ щеславія, а я покорный рабъ;
Дивлюсь тебѣ, хвалю, но въ слѣдъ идши я слабъ.
И многоль у тебя Героевъ на примѣнь,
Которые перья глупцовъ насмѣшки въ свѣтъ,
Умѣлибъ похвалы безумцевъ презирашь
И славы истинной съ достоинствомъ искашь?

Воейковъ.

Ребенокъ.

П р и ш ч а.

„Ай, Ванюшка! Ну, ну, живѣ!

Смотрите, какъ идешь!

Не бойся, миленькой!... Вошь, здѣсь лошадка ждешь,

Возьми скорѣ!,, —

Хоть Ванюшка сперва немножко оробѣлъ,

Но шагъ спупилъ; а шамъ смѣлѣ, да смѣлѣ,

И въ мѣсяць — бѣгашъ ужь умѣлъ.

*

Напрасно Кришика такъ часпо забываешь,

Что одобреніе шаланшы развиваешь!

— но —

Печашашъ позволяешся: Маія 2-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XVII.

П Р О З А.

Добродѣтельный Священникъ и пре- красная незнакомка.

Истинное происшествіе.

Теобальдъ, молодой Кандидатъ Богословіи, соединялъ въ себѣ всё достоинство, кромѣ — богатства. Окончивъ курсъ Наукъ въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ Университетовъ Германіи, ожидалъ онъ Пасторскаго мѣста, коего доходы были бы достаточны для него и пресарѣлой его матери. Между тѣмъ занимался онъ преподаваніемъ уроковъ въ языкахъ и Липпературѣ и, ограничиваясь необходимѣйшими издержками, откладывалъ, сколько могъ, для услажденія послѣднихъ дней доброй своей родительницы. Наконецъ открылось ему мѣсто младшаго Священника, въ одномъ городкѣ въ Саксоніи. *Теобальдъ* переселился туда немедленно и хотя доходы его были не весьма значительны, но избраніе постояннаго жилища и большее изобиліе, которое могъ онъ теперь раздѣлять съ своею матерью, представляли ему благопріятнѣйшую будущность.

Это было вскорѣ по окончаніи семилѣтней войны. Добрая спарушка, которая потеряла ошь оной значительныя потери, давно уже не пользовалась постояннымъ здоровьемъ. Нежныя попеченія сына и улучшенное его положеніе оживили, на нѣкоторое время, изнуренныя ея силы; но это было только предвѣщаніемъ близкаго конца ея. Мать *Теобальда* воспріяла тихую смерть, въ обѣщаныхъ неувѣрнаго своего сына.

Онъ оросилъ прахъ незабвенной горячими слезами и воздвигнулъ просшой памятникъ надъ ея могилою. Сюда любилъ онъ приходить по вечерамъ и предаваться печальнымъ своимъ размышленіямъ. Неподалеку ошь городского кладбища, находилось свѣтлое озеро, коего берегъ оспенъ былъ густыми кустарниками. *Теобальдъ* посѣщаль сіе уединенное мѣсто съ карандашемъ и книгою и, во все продолженіе лѣта, сочинялъ здѣсь проповѣди, кои гошвились говорить предъ своими прихожанами.

Въ одинъ прелесный вечеръ сидѣлъ онъ, по обыкновенію, въ сѣни кустарника и сочинялъ проповѣдь къ слѣдующему воскресенью, на слова Евангельскія: „*Блаженн милостивы, яко ти помилваны будутъ.*“ — Съ искреннимъ благоговѣніемъ и чувствуя всю важность своего сана, размышлялъ *Теобальдъ* о высокой и благошворной истинѣ сихъ словъ. Онъ сознавался, что будучи служителемъ Церкви, долженъ швовалъ онъ подавашъ собою похвальный примѣръ, въ исполненіи священныхъ обязанностей Христіанской любви и милосердія. Тѣмъ горесшнее было ему вспомнить, что при всемъ

добромъ желаніи, не только не имѣлъ онъ средствъ, помогашъ другимъ, но и самъ часто нуждался въ пособіи. *Теобальдъ* не ропсалъ на Провидѣніе; но сердце его было стѣснено и невольныя слезы покапались изъ глазъ его. Вдругъ величественное солнце, которое незадолго предъ тѣмъ скрылось за облако, снова надъ нимъ просіяло и озарило собою все швореніе. Тихія спруи озера позлапились его лучами и веселые жаворонки, порхавшіе между кустарниками, привѣтствовали его своими пѣснями. Душа *Теобальда* оживилась новымъ лучемъ радости и, присоединясь къ порожественному гласу всей Природы, прославилъ онъ Непосыжиимаго Творца земли и неба.

Послѣ нѣсколькихъ минушъ сладостнаго умиленія, *Теобальдъ* занялся снова своею проповѣдью. Планъ оной былъ уже задѣланъ, внушеніе наивно и убѣдительно краснорѣчье сердца видно было въ каждомъ выраженіи. Вдругъ улышалъ онъ, близъ себя, жалобныя стоны и вскорѣ разпозналъ тихій голосъ, прерываемый рыданіемъ. *Теобальдъ* приблизился къ сему мѣсту и увидѣлъ, на скалѣ берега, прекрасную женщину, споявшую на колѣняхъ и съ горькими слезами произносившую слѣдующіе стихи извѣснаго ему Сочинишеля:

„Любовны клятвы, увѣренья
Меня въ погибель вовлекли;
Печальной спраси заблужденья
Для бѣдной скоро прошекли.

Брожу съ раскаяньемъ, съ слезами;
Оспрады вѣсть додѣ небесами;
Одна лишь смерть въ моихъ глазахъ!
Я къ ней объяшья просшираю;
Ее найши я ожидаю
Въ сихъ хладныхъ, зеркальныхъ спруяхъ!“

Спихи сіи взяшы были изъ одной Повѣсти, коей несчастная Геронья окончила жизнь самовольною смертію. *Геовальдъ* не безъ причины заключаль, что незнакомка, произносившая оныя, хотѣла присудити къ столь же опчаянному шагу. Онъ почиталь долгомъ человечества и обязанностию своего званія, спасти сію несчастную опъ преднамѣреннаго ея самоубійства. Добродѣтельный служитель Церкви приблизился къ незнакомкѣ и хотѣль ободрити ея своими увѣщаніями. Но едва увидѣла она *Геовальда*, какъ испустила пронзительный крикъ и, съ быспроною испуганной серны, скрылась въ кустахъ. Священникъ послѣдовалъ за нею съ наибольшою скоростію; но она давно уже изчезла изъ глазъ его. Тщешно бродилъ онъ по лѣсу; щешно искалъ слѣдовъ незнакомки. Одинъ только бѣлый плапокъ ея, омоченный горькими слезами, нашель онъ на правѣ между кустарниками. Поздо вечеромъ возвратился онъ въ городъ, ушѣщадъ сладостною мыслію, что свасъ жизнь сей опчаянной женщины. Но сіе казалось ему недоспапочнымъ. Какъ усердный служитель Вѣры и другъ человечества, хотѣль бы опъ ушѣшннъ ея своими совѣшами, ободрити къ переселенію земныхъ спраданій, напомнити ей о воздаяніи, которое гешовишся намъ въ другой, лучшей

жизни. Доброе сіе намѣреніе заспаивало его надѣяться, что дальнѣйшія его разысканія, на счетъ незнакомки, будутъ имѣть счастливѣйшій успѣхъ.

Слѣдующее утро посвящилъ *Геобальдъ* окончанію проповѣди и исполненію другихъ обязанностей своего званія. Тотчасъ послѣ обѣда поспѣшилъ онъ въ церковь, гдѣ благочестивые его прихожане, готовившіеся къ Святому Причащенію, собрались для исповѣди. Мы уже выше сказали, что *Геобальдъ* былъ младшимъ Священникомъ. Товарищъ его пользовался въ городѣ доспойнымъ уваженіемъ и имѣлъ весьма многочисленную духовную паству. Превосходныя качества молодаго Паспора не могли также укрыться отъ внимательныхъ согражданъ. Они отдавали ему полную справедливостъ; но не имѣли причины, оставляя въ старого Духовника своего. *Геобальдъ* легко могъ предвидѣть, что если не всё, то по крайней мѣрѣ большая часть прихожанъ обращался къ сему послѣднему; но шѣмъ не менѣе поспѣшилъ въ церковь, починая сіе обязанностію своего званія. Онъ взялъ съ собою пригошовленную къ слѣдующему дню проповѣдь и перечишывая оную, ошмтчалъ и поправлялъ нѣкошорыя мѣсша карандашемъ. Вдругъ отворилась дверь алькова и прекрасная женщина, одышая въ простое бѣлое платье, благоговѣнно предстала предъ доспойнымъ служишелемъ Олшаря. Представыше себѣ изумленіе *Геобальда*, когда онъ узналъ въ ней вчерашнюю незнакомку.

Сія послѣдняя никакъ не думала, что молодой человекъ, коего несчастное появленіе спасло ей жизнь, былъ

щопъ самый Священникъ, предъ которымъ явилась она сегодня, дабы принести покаяніе во грѣхахъ своихъ. Опшчаянный шагъ, на который она посягала и сліаніе многообразнѣйшихъ чувствованій, колебавшихъ ея душу, не позволили ей вчера, замѣшить черны его. Она только видѣла въ немъ своего избавителя, ниспосланнаго самимъ Провидѣшемъ; ибо возвращаясь въ скромное свое жилище и размысливъ о преднамѣренномъ ея поспущѣ, стыдилась она себя самой и благословляла руку, ее удержавшую. Она вспомнила, что Вѣра и шеритніе суть лучшія опоры въ несчастіяхъ; что предающійся безропотно волю Всемилосердаго обрѣщаешь въ душѣ своей неизсякаемый источникъ оспрады и утѣшенія.

Эмilia — (такъ называлась незнакомка), — ободренная сими мыслями, явилась на другой день во храмъ, дабы принести тамъ искреннее покаяніе и чрезъ шо примириться съ Небомъ и съ собою. Но приближаясь къ мѣсту, гдѣ находился досшойный служитель Олшаря, почувствовала она невольный пренешъ. Слезы благоговѣнія и раскаянія капались по ея ланищамъ.

„Почтенный мужь,“ сказала она тихимъ голосомъ. „Весь городъ признаетъ Васъ досшойнымъ проповѣдникомъ Евангелія, дѣятельнымъ другомъ человечества, благошворнымъ утѣшителемъ несчастныхъ. Открываю предъ Вами всю глубину моего сердца. Вы видите злополучную женщину, которую минушное заблужденіе оппоргло ото всѣхъ связей, семейныхъ и общественныхъ. Вы видите изгнанницу, неимѣющую другаго прищанища, кромѣ храма Божія; ни другой опрады,

кроме сладких утешений Религии.“ — Рыдания прервали слова незнакомки; но добродетельный Священник ободрил ее, именем небеснаго Милосердія, коюго неизякаемый испочникъ открытъ для всѣхъ вѣрующихъ. Благочестивыя его увѣщанія, изложенныя съ искреннымъ краснорѣчіемъ души, извивались, подобно цѣлительному бальзаму, въ растворенныя раны ея сердца.

Незнакомка ободрилась и сказавъ *Теобальду* свое имя, состояніе и жилище, продолжала тихимъ голосомъ: „Долгая и бѣдсшвенная война лишила меня всего: итжныхъ родителей, имущества и увы! чести и добраго имени. Я была молода, легковѣрна и невинна. Последній походъ познакомилъ меня съ раненымъ Офицеромъ, который провелъ нѣсколько мѣсяцовъ въ нашемъ домѣ. Онъ былъ опасно боленъ; я имѣла о немъ попеченіе; это произвело между нами большую короткосшь, которая превратилась въ спрашную, взаимную любовь. Я не сомнѣвалась въ искренности его чувствозваній; но тогдашнія обстоятельствова препяшествовали нашему союзу. Мы поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности и ожидали только благопріятнѣйшаго времени, дабы повшорить предъ Олпаремъ сію кляшву. Онъ между тѣмъ выздоровѣлъ и долженъ былъ гошовиться къ опѣзду. Препяшествова успали взаимную спрашь нашу; мы забыли все и Ангель невинности оплешѣлъ опъ меня на вѣки. — Я здѣлалась машерью. Опедъ мой уже не находился въ живыхъ: бѣдсшвенныя послѣдствія войны повергли его, за нѣсколько времени предъ симъ, въ продолжительноую бользнь, опшверзшую ему двери гроба. Но бѣдная машъ моя — умерла съ печали! Я несчастная, которая доселѣ спшавилась въ примѣръ молодымъ дѣвицамъ,

здѣлалась нынѣ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, и всеобщаго презрѣнія. Ни одна изъ подружекъ моихъ не посѣдила злополучную; никто не хотѣлъ сказать мнѣ слова утѣшительнаго. Я жила въ совершенномъ уединеніи, проливая обильныя слезы горести и раскаянія. Наконецъ, печаль повергла меня въ жестокую болѣзнь. Я находилась уже предъ вратами смерти и ожидала ее, какъ добраго Генія, долженствовавшаго прекратить мои страданія. Но увѣ! благодѣтельная рука ея не закрыла глазъ моихъ и послѣ продолжительной болѣзни, безъ всякаго почти пособія Врачей, силы мои поспешно начали обновляться. Видно, еще не пришелъ часъ мой! Я выздоровѣла и, взявъ на руки своего младенца, просидѣла навсегда съ мѣсяцами, кои были свидѣтелями моего счастья и злополучія. Я знала, что въ здѣшнемъ городѣ живетъ моя тетка, пожилая и бездѣшная вдова, коей значительное имѣніе не понесло, во время войны, никакой ощутительной потери. Я рѣшилась явиться къ ней, броситься къ ногамъ ея и, именемъ родства и челоуѣколюбія, испросить ея помощи. Мнѣ казалось, что если не мои слезы, то по крайней мѣрѣ невинная улыбка моего ребенка пронетъ ея сердце. Но я ошиблась въ своемъ заключеніи. Тетка моя была холодна, какъ камень: не зная по опыту силы несчастія, не умѣла она соспрадать къ другимъ. Родственница моя, вмѣсто сожалѣнія, осыпала меня укоризнами; ставяда меня наравнѣ съ презрѣнными жертвами порока, закоснѣвшими въ своемъ развращеніи и повелительнымъ голосомъ совѣтовала мнѣ оставить ея домъ и городъ. Тщесно хотѣла я подвинушь ее къ сожалѣнію; тщесно обнимала ея колѣна. Тетка

моя была неумолима и я — опчаянная, поруганная, постигла къ ближнему озеру и хопила прекрапнишь свои сираданія самоубійсшвомъ. Непзвѣсшый чело-вѣкъ, кошорый въ сіе время приближился къ берегу, воспрешашсшвоваль мнѣ, исполнись сіе намѣреніе. Я скрплась въ кушарникахъ и вспрѣшила на пуши сшарую служивельницу моей пешки, сшель же добрую и чувешившельную, сколько Госножа ея была жестко-серда. Опчаянный видъ мой поразиль сію женщину: она уговорила меня возврапнись въ домъ и привела прямо въ шу комнашу, гдѣ находилась колыбель моего ребенка. Предсшавше себѣ, что я несчастная, оже-споченная горесшію и гошовившася къ смерши, со-всѣль забыла о семъ невинномъ швореніи и осшавила его въ домъ нечувешившельной родсшвенницы: — Я подошла къ колыбели; прекрасный младенець наслаж-дался крошкимъ сномъ невинности. Новое раскаяніе, новыя угрызения совѣсти поразили меня при семъ видѣ. — Я провела всю ночь и большую часть ушра въ слезахъ и въ молишвѣ; а шеперь явилась предъ Вами, почтенный мужъ, да ободрите меня ушѣшительнымъ гласомъ Вѣры и да примирите меня съ Небомъ, чрезъ посредничесшво Божешвеннаго Искупштеля. Да оп-пусшпшь Онъ мнѣ единсшвенное, кращковременное заблужденіе жизни, оплаканное сшоль горькими слезами и омышое сшоль долгими сшраданіями! Да опкроешъ Онъ мнѣ, въ непреложной любви Своей и неизреченномъ милосердіи, новый и неизсякаемый источникъ ушѣ-шенія!“

Гесбалдъ ободриль рыдающую несчастливцу Божешвенными словами Евангелія и прибавивъ нѣкопррря

наставленія, опіносившіяся непосредственно къ ея участи, возвѣспилъ ей, власнію своего сана, оплу-щеніе и помилованіе всѣхъ прежнихъ ея прегрѣшеній. Онъ совѣтовалъ Эмилиі, возвратиться въ домъ пенки и терпѣливо переносить всѣ ея укоризны, въ ожиданіи счастливой переменѣны, копорую, съ помощію Божіею, надѣялся произвести въ ея сердцѣ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мои желанія.

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ
Иль безпорядкомъ — все равно!
На свѣшѣ — въ эпюмъ зданьи шапкомъ —
Жизнь смирио значишь живь умно.
Успройся шы, какъ можно шише,
Чшобъ зависши не разбудяшь;
Безъ нужды не взбирайся выше,
Чшобъ послѣ шеи не сломишь.

*

Пусть будущъ во владѣннѣ скромномъ
Цвѣтникъ, при рученнѣ древа;
Олпаръ любви въ придѣлѣ шемномъ;
Для дружбы спуль, а много два;
За прапезой хлѣбъ-соль просшая;
Въ подвалѣ, гостѣ съ холмовъ Токая,
Душисшый вѣспникъ старины.

*

Двѣ, при карпины не на славу;
Приюшъ мечшанью — комелѣкъ
И про домашнюю забаву
Непозолоченный гудокъ.
Книгъ дюжина — хопъ не въ сафьянѣ,
Не рукъ, разсудка шоржесшво;
И деньга лишняя въ карманѣ
Про нищешу и сирѣшество.

*

Вошь все, чего бы въ скромну хашу
Ошь Неба я просишь дерзаль;
Тогдабъ къ хранишелю-Пейашу
Сь такой молишвою предсаль:
„Я не прошу о благъ новомъ;
„Мое мнѣ шолько сохрани,
„И ошь злословца будь покровомъ,
„И ошь глушца оборони.“

К. Вяземскій.

Берега Дона ()*

Все шѣжь берега, и поля, и холмы,
И шо же прекрасное небо!

Жуковскій.

Закашъ пылающій, какъ заревомъ, облишь
Послѣднимъ вечера сіяньемъ;
Луна въ безбрежности лазоревой паришь,
Сопровождаема молчаньемъ,

(*) Прекрасное сочиненіе молодого Поэта съ отлич-
нымъ дарованіемъ. Стихи его полны жизни, сла-
дости и силы; мечты не на счешъ здраваго
смысла; чувствованія благородны и не поддѣланы.
Сь сердечнымъ удовольствіемъ замѣчаемъ, что
онъ здѣлалъ Поэзію не забавою въ скукѣ, а по-
стояннымъ и главнымъ занятіемъ цѣлой жизни.
Этого недосааетъ многимъ соотечественникамъ
нашимъ, одареннымъ блестящимъ воображе-
ніемъ, разборчивымъ вкусомъ и хорошими позна-
ніями. Исканія и разсыянность задерживають
ихъ на дорогѣ къ славѣ. *Издатели.*

И злаломъ спелелся по дремлющимъ водамъ;
Какъ призракъ полночи, прохлада въ лиспьяхъ бродитъ;
И, жипель горнихъ мѣспъ, молишвы Ангель всходишь
Къ далекимъ небесамъ.

*

Покой и шишина протерлися окрестъ . . .
Все спишь . . Мечшанье лишъ не дремлешь! . .
Иду на берегъ швой, рѣка родимыхъ мѣспъ!
Мой жадный слухъ съ восторгомъ внемлешь
Плесканью волнъ швоихъ въ роскошныхъ берегахъ.
Такъ въ дни весны моеи струи швои капились!
Сшруи шогдашнія въ кипящей безднѣ скрылись:
Весна моя въ вѣкахъ! . . .

*

Задумчиво сажусь на брегъ знакомый швой;
Мнѣ слышно прежнихъ дней призванье
И все, что времена похишили съ собой,
Живишь ояшь воспоминанье.
Здѣсь жизни поприще открылось для меня;
Здѣсь дремлющій мой духъ къ познанию пробудился;
Познавши, спалъ желанъ и чувствомъ озарился,
Какъ мѣръ лучами дня.

*

Младенецъ слабый, здѣсь я встрѣтился съ судьбой;
Здѣсь мнѣ Поэзія предстала
И жизни нагошу украсила собой;
Душа безтрепешно вкушала
Таиншвеннаго сна прелестныя мечты. —
О возрастъ дѣшскихъ лѣшъ, безпечношью блаженный,
Въ кошоромъ и печаль и радость окрилены!
Куда сокрылся шы? . . .

*

Не измѣнились вы, родимыя мѣста;

Но опышомъ мечны ошьяшы!

Иль обнажилась мнѣ вся жизни нагоша.

Какъ прежде, радости крылашы;

Но крылья ошняшы годами у скорбей!

Лишь изрѣдка восторгъ въ струнахъ моихъ пылаешъ

И духъ украдкою знакомый гласъ внимаешъ

Подъ таиншвомъ ночей.

Все тихо!... Въперокъ, журчащій на берегахъ,

Слетѣвъ на волны, умираешъ . .

Какъ молневидный серпъ, пріавшій блескъ въ поляхъ,

Въ волнистыхъ классахъ уполаешъ;

Но вскорѣ, испребивъ препоны, въ красотѣ

Являешся очамъ средь классовъ побѣжденныхъ; —

Такъ серпъ луны горитъ средь облакъ раздробленныхъ,

Въ пущынной высотѣ.

Воспряньте предо мной, видѣнья первыхъ лѣтъ!

Спряхните мрачный прахъ забвенья!

Коснися вновь струнамъ, таиншвенный полешъ

Душъ роднаго вдохновенья!

Будь вѣренъ, какъ въ шѣ дни, когда мой духъ дерзалъ

Въ прекрасный, дальный мѣръ, мечашьями богашый,

Въ вѣкахъ минувшихъ жилъ — и лиры даръ крылашый

Ошчизнѣ посвящаль.

Я слышу: побѣдивъ спремленіе вѣковъ

И смерти грозныя ушагы,

Незримо надо мной варяшъ полки сыновъ

Ошчизны, доблесши и славы!

Вамъ гряну пѣснь хвалы, Героевъ соймъ родной;
Вамъ, брашья храбрые, прошивныхъ низложивши
И смертью славною опчизнѣ воскресивши
Свободу и покой!

*

Вы пали, какъ опъ горь опорванна скала,
Влекуща въ доль опушошенье;
Вы пали — и враговъ разтерзанныхъ шѣла
Вамъ были одръ успокоенья!
Вошце прошивниковъ шумѣли знамена!
Москва, Димитрій, Богъ грозой на нихъ возшали,
И вѣки на своихъ скрижаляхъ начертали
Великихъ имена.

*

Пѣвецъ грядущихъ дней, возсъвъ на сихъ брегахъ,
При шумѣ волнь освобожденныхъ,
Лобзаемъ вѣтеркомъ, бродящимъ на гробахъ
Мужей, и смертью несраженныхъ, —
(Какъ полночь низведешъ прохладу и покой
И опъ бреговъ своихъ въ шуманѣ Донъ возшанешъ), —
Пробудишь гласъ въ снрунахъ — и славный прахъ
воспрянешъ,
Плѣненный ихъ хвалою.

*

Питомцу грозныхъ бившъ речешъ ихъ гласъ святой:
„Живи для славы и опчизны
„И, какъ безъ сшраха жилъ, пади за край родной
„Безъ шрепеша и укоризны!“

И жаждою поржестеъ духъ гордый закипитъ!
Проснешся праздный мечъ въ десницѣ благородной
И воинъ, какъ орель, съ отвагою свободной,
 Ко славъ полетишь!

*

Такъ, въ наши времена, мы зрѣли: хищный Галль,
 Какъ бурный шокъ, грозой рожденной,
Тягчиль поля и огонь крылами обнималъ
 Верхи Москвы опущошенной!
Но Донъ воинспвенный опмщеньемъ зашумѣлъ:
Гласъ опчихъ водъ повлекъ сыновъ на пиръ кровавой;
Воздвиглись гранули — и нашъ орель двуглавоу
 Надъ Сеноу возгремѣлъ!

*

Примижь мои хвалы, поишель мирныхъ дней
 Моей весны невозвращимой!
Будь Геніемъ моимъ! Пускай, въ зимъ своей,
 На славный брегъ, шобой кропимой,
Придешъ питомецъ швой печалей грузъ слагашъ,
Бесѣдовашъ во мглѣ съ благимъ воспоминашьемъ
И, внявъ грядущаго далекихъ обещашьемъ,
 Ошъ жизни опдыхашъ!

Писаревъ.

Печашашъ позволешся: Маія 5-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XVIII.

П Р О З А.

Добродѣтельный Священникъ и пре- красная незнакомка.

(Окончаніе.)

На другой день, всѣ жители городка собрались въ церковь. Тетка *Эмлин*, одна изъ почешившихъ прихожанокъ, заняла обыкновенное свое мѣсто, прошивъ каяедры. Несчастливая ея племянница скрывалась позади всѣхъ, почти у самаго входа. Благочестивый Священникъ вышелъ на каяедру и началъ свою проповѣдь, съ истиннымъ краснорѣчіемъ сердца и вдохновенный высокими словами Евангелія, кои были шекспомъ его поученія: *Блаженн милостивы, яко тѣ помилваны будутъ.* Онъ распространялся о силѣ и важности любви Христіанской; о снисхожденіи, копорымъ мы, будучи всѣ подвержены слабостямъ, обязаны другъ другу; о печальномъ заблужденіи тѣхъ, кои, гордясь мнимыми своими добродѣтелями, съ презрѣніемъ взирающъ на бѣднаго грѣшника, можешъ быть давно уже примирившагося съ Богомъ; о несправедливости людей, кои самовольно цосшавляютъ себя

судьями другихъ и осуждая по наружности, отъказы-
ваютъ имъ даже и въ шомъ пособіи, на которое каждый
человѣкъ и Христіанинъ имѣетъ одинакое право.
Слезы умиленія блистали нѣсколько разъ въ глазахъ
Орашора; слушатели плакали всѣ безъ исключенія.
Тетка *Эмлин* казалась также весьма расстроганною;
но она скрывала свои слезы и какъ бы спыдилась
оныхъ.

„Повторимъ“ — заключилъ Орашоръ — „боже-
ественныя слова Искупишеля: *Блаженн милостивы,
яко ти помилованы будутъ.* И Онъ же изрекъ при
другомъ случаѣ: *Не осуждайте, да не осуждени будете!*
— Соединимъ, любезные братія, оба сіи священные
глагола и пошщимся исполнять оныя съ одинаковымъ
усердіемъ. Будемъ милосерды и снисходительны къ
ближнимъ своимъ, да воздастся и намъ, за предѣлами
здѣшней жизни, по мѣрѣ нашихъ дѣяній!“

При выходѣ изъ церкви, пешка *Эмлин* встрѣсилась
съ *Теобальдомъ*. Она отвѣчала на его привѣтствіе
съ примѣшною холодностію и прибавила: „Проповѣдь
Ваша прекрасная; но признайшесь, что она сочинена
на мой счетъ.“

„Совѣтъ нѣтъ, Милосердивая Государыня!“ отвѣ-
чала *Теобальдъ*. „Я изъяснялъ только слова Евангель-
скія, кои до всѣхъ равно касающся.“

Тетка. О, я знаю, что Вамъ на меня пожаловались.
Но посудите сами: что мнѣ дѣлать съ этою пле-
мянницею, лишившею себя чести и добраго имени?

Теобальдъ. Позвольте повторить вамъ священные
слова: „Не осуждайте, да не осуждени будете.“

Положимъ, что она виновна; но Богъ уже наказаль ее. Она успѣла уже омытъ свое прегрѣшеніе горькими слезами и искреннимъ раскаяніемъ. Вчера приходила она ко мнѣ на исповѣдь, и приномъ съ такимъ благочесніемъ, съ такимъ благоговѣніемъ, что я могу поспавить ее въ примѣръ моимъ прихожанамъ. Она несчастна. Кто далъ намъ право, увеличивашъ пѣгостное время ея бѣдствій? Кто будешъ столь жестокосердъ, чѣобы расправляшъ раны сердца ея новыми укоризнами? Кто опикажешъ въ покровѣ спранныцѣ, не имѣющей на землѣ никакаго пристанища? — По долгу званія своего, гоповъ я повторишъ предъ Вами и предъ цѣлымъ свѣтомъ, что человѣкъ, способный къ сему поступку, чуждъ Христіанской любви и милосердія. — Я Вамъ скажу еще болѣе: всѣ разысканія, кои успѣлъ я здѣлать на счетъ сей дѣвицы, обращаются въ ея пользу. Я увѣренъ, что она здѣлаешъ совершенно счастливымъ того, кто будешъ ея супругомъ. Если бы положеніе мое не было столь снѣспено, если бы я имѣлъ какіе-либо виды благопріятнѣйшей будущности; то клянусь, что сегодня же предложилъ бы ей мою руку и сердце. (*)

Тетка. Въ самомъ дѣлѣ? И Вы въ состояніи эпо здѣлать?

Тесвальдъ. Клянусь Вамъ Богомъ и увѣренъ, что Онъ благословишъ меня за сіе намѣреніе.

(*) Протестантскіе Пасшоры обыкновенно занимають первыя мѣста свои, не будучи еще женатыми. Они не прежде вступаютъ въ супружество, какъ получивъ выгоднѣйшій приходъ или, какимъ-либо образомъ, улучшивъ свое положеніе.

Тетка. Какъ? Вы, служишель Церкви? И такой соблазнь? — Развѣ Вы не знаете словъ *Давидовыхъ*: *Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста?*

Теоб. А Вы развѣ не знаете словъ *Евангельскихъ*: *Не хочу смерти грѣшника, но да обратится и живъ будетъ?*

Всѣ дальнѣйшія возраженія шешки опровергаль *Теобальдъ* изрѣченіями изъ священнаго Писанія, на кои она не могла ничего ошвѣчать. Въ семь разговорѣ дошли они до ея дома. Тетка просила Пастора взойти и повела его прямо въ ошдаленную комнашу, гдѣ находилась несчастная ея племянница. Сія держала на рукахъ своего малюшку и цѣловала его со слезами; но сіи слезы не сполько происходили ошъ горести, какъ ошъ благоговѣйнаго умиленія, возбужденнаго въ душѣ ея сладкими ушѣшеніями Религій.

Эмилія поблѣднѣла, когда увидѣла входящую шешку; но *Теобальдъ* ободрилъ ее. Онъ взялъ на руки улыбающагося младенца и осыпаль его всѣми возможными ласками.

„И эшотъ плодъ незаконной любви не перемѣнилъ бы Вашего намѣренія?“ спросила шешка.

„Напрошивъ,“ ошвѣчалъ *Теобальдъ*; „но скорѣе ушвердилъ бы меня въ оношь. Здѣсь вижу я два существа, имѣющія одинаковую нужду въ подпорѣ и пособіи. Я почель бы пріятнѣйшимъ долгошь, пріняшь на себя шо и другое, если бы шолько имѣль къ шому способы.“

Слова сіи и видъ благочестиваго умиленія, съ коимъ добрый Священникъ смотрѣлъ на младенца, пронули сердце пшкки. Она облилась слезами и — бросилась обнимать изумленную свою племянницу.

„Прости меня, любезная *Эмилія*,“ сказала она прерывающимся голосомъ. „Чувствую всю важность словъ, бывшихъ предметомъ сегодняшняго поученія: *Блаженн милостивы, яко ти поимлованы будутъ!* Благодарю почтеннаго служителя Церкви, исполковавашаго мнѣ смыслъ оныхъ споль прогашельнымъ образомъ. Прежде всего, должна я загладить вину свою предъ тобою, добрая *Эмилія*! Ты будешь опныиъ моею дочерью, хозяйкою въ моемъ домѣ и наслѣдницею всего имѣнія. Ишакъ у себя нѣтъ недоспашка въ приданомъ; а вошь — швой женихъ!“

Слова сіи, возвѣспившія *Эмиліи* споль неожиданную перемену въ ея участи, сильно на нее подвѣшвовали. Изумленіе, радость и признательность исполнили душу спрадалицы, давно уже чуждую пріятныхъ ощущеній. Но она едва успѣла возблагодарить Небо за ошкрывшее ей, новое благоденствіе; едва успѣла принять первое привѣшствіе досшойнаго жениха своего; какъ — сраженная полношю чувствій — упала на грудь его, блѣдная и бездыханная. Душа ея, насладившаяся одною шолько минушюю земнаго счастья, оплешѣла въ другой мѣрь, въ горнюю обшпель вѣчнаго, неопшемлемаго блаженства.

(Вольный переводъ съ Пшмецк.)

Анекдоты о Гаррикѣ.

Славный Англійскій Акшёръ *Гаррикъ* находился въ Парижѣ, въ 1763-мъ г. Онъ любопытствоваль видѣшь Версаль, куда и отправился въ сопровожденіи пѣкшорыхъ друзей своихъ. Герцогъ *д'Омонъ* приказаль дашь ему мѣсто въ галлерей, чрезъ кошорую Король *Людвикъ XV* обыкновенно проходилъ въ Придворную церковь. Государь сей предварень былъ о прибытіи *Гаррика*: желая видѣшь его, шель онъ медленно и даже здѣлаль нѣсколько шаговъ назадъ, чшобы лучше разсмошрѣшь сего знаменишаго Художника. Сіе было весьма пріятно для *Гаррика*, кошорый не менѣ желаль видѣшь Монарха. Въ шомъ же самый вечеръ, во время ужина, друзья *Гаррика* разсуждали о произведеніяхъ Искусства, украшавшихъ Паркъ и дворець Версальскій. „Я съ своей стороны докажу вамъ“, сказалъ онъ, „чшо я видѣль не одинъ шолько мраморъ и бронзу.“ Пошомъ, поставивъ друзей своихъ въ два ряда, вышелъ на минушу изъ залы и возвратился къ нимъ, принявъ на себя совсѣмъ другой видъ. Всѣ изумились и въ одинъ голосъ вскричали: „Эшо Король! Эшо *Людвикъ XV!*“ (*)

— Во время пребыванія своего въ Парижѣ, *Гаррикъ* часто обѣдаль у Г-жи *Клеронъ*, славной Акшприсы

(*) Искусство *Гаррика* въ подражаніи разнымъ лицамъ почши превосходило вѣрояше. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти *Фильдинга*, представиль онъ лицо сего Писателя съ такимъ сходшвомъ, чшо славный *Гогартъ* снялъ съ него портретшъ, кошорый и находишся при изданіи *Фильдинговыхъ* сочиненій.

того времени. Въ домъ ея собиралось множество Арписшовъ и каждый изъ нихъ, послѣ объѣда, старался показашь опышъ своего искусства. Въ одинъ вечеръ *Гаррикъ*, котораго лице, способности принимаешь на себя всѣ виды, было предметомъ всеобщаго удивленія, утверждалъ, что хорошему Акшѣру непременно должно знашь *гамму страстей*. Когда онъ замѣшилъ, что сіе выраженіе, при всей точности онаго, показалось для нѣкоторыхъ непонятнымъ; по, съ помощію одной только перемѣны своей физиогноміи, весьма живо изобразилъ онъ всѣ опшѣнки человѣческихъ страстей, переходя постепенно отъ самыхъ простыхъ къ самымъ сложнымъ.

— Во время того же путешествія случилось однажды, что Акшѣры Французской Комедіи, желая встрѣшиться *Гаррика*, собрались въ одной гостиницѣ, находившейся неподалеку отъ границы. Почтalionъ, который везъ его, былъ подкупленъ и повозка его изломалась въ условленномъ мѣстѣ. *Гаррикъ*, противъ воли своей и въ большой досадѣ, принужденъ былъ взойти въ гостиницу. Въ оной праздновали свадьбу. Родители невесты просили его садиться. Хорошій завтракъ и лучшее вино, до котораго *Гаррикъ* былъ большой охотникъ, заславили его забыть свою досаду. Это были Французскіе Акшѣры, кои хотѣли сыгратьъ съ нимъ шушку; но *Гаррикъ* не дался въ обманъ и, по окончаніи завтрака, обратился къ каждому изъ нихъ въ особенноти, называя его по имени. Должно замѣшшь, что онъ, до сихъ поръ, никогда ихъ не видывалъ; но зная ихъ имена изъ публичныхъ листовъ и судя по распочаемымъ въ оныхъ похваламъ ели Кри-

пикъ, умѣлъ онъ распознать каждого и — не здѣлалъ ни одной ошибки въ именахъ.

— *Гаррикъ* игралъ однажды ролю любезнаго молодого челоуѣка. Въ этомъ спектаклѣ находилась одна мать съ своею дочерью. Последняя, находившаяся въ самомъ цѣннущемъ возрастѣ, вдругъ сдѣлалась задумчива и лишилась обыкновенной своей веселости. Мать заключила, что дочь ея пишетъ въ сердцѣ какую-нибудь склонность. Съ особеннымъ вниманіемъ замѣчала обхожденіе ея съ молодыми людьми, находившимися въ ихъ обществѣ, но ничего не могла замѣтить; спрашивала дочь свою и получила въ отвѣтъ, что она ни къ кому изъ нихъ не чувствуетъ склонности. Прошло нѣсколько мѣсяцовъ; здоровье молодой дѣвицы примѣтно разрушалось и возбудило въ сердцѣ матери живѣйшія опасенія. Однажды, разговаривая о семъ съ гувернаншкою, узнала она, что дочь ея спала задумчивою съ того времени, какъ мать въ первый разъ взяла ее съ собою въ Театръ. „Не видала ли она тамъ, присовокупила гувернаншка, какого-нибудь любезнаго молодого челоуѣка, котораго здѣлался опаснымъ для ея спокойствія?“ ... Мать тотчасъ догадалась и, не говоря ни слова, поѣхала къ *Гаррику*, которому описала положеніе своей дочери. — „Была ли она послѣ того въ Театръ,“ спросилъ сей, „и видала ли меня въ другихъ роляхъ?“ — „Нѣтъ, она рѣшительно объявила, что никогда въ Театръ не поѣдетъ.“ — „Но ее надобно какъ-нибудь уговорить къ тому. Ложь позволительна въ подобныхъ случаяхъ. Скажите ей, что враги *Гаррика* уговорились, освиснать его и что онъ, узнавъ

о шомъ, приглашаетъ друзей своихъ къ завпрешнему представленію и проситъ ихъ защиты. Изъ благо-расположенія ко мнѣ, она вѣрно не откажется бытъ въ Театрѣ; а остальное я беру на себя.“ Молодая дѣвица не могла прошивишься желанію, спасти любимца своего отъ мнимой опасности, угрожающей его дарованіямъ. Она прѣзжаетъ въ спектакль и видитъ своего милаго *Гаррика*; — но какъ онъ не похожъ на того, котораго видѣла она въ первый разъ! *Гаррикъ* игралъ роль пьяницы. Въ первомъ дѣйствіи былъ онъ безъ мѣры; во второмъ былъ уже очень на веселѣ; въ третьемъ, въ совершенномъ безчувствіи, валялся въ грязи. Мнимые враги его и не думали свисашь; *Гаррикъ* былъ напрошивъ осыпанъ рукоплесканіями; но впечатлѣніе, произведенное въ молодой дѣвицѣ и шоль различное отъ перваго, совсѣмъ перемѣнило ея расположеніе. Она вдругъ изцѣлилась отъ тайной своей стращи и мало по малу возвратила свое здоровье; а признапельная машь возымѣла еще большее уваженіе къ *Гаррику*, которое и заслуживалъ онъ въ полной мѣрѣ, по своимъ дарованіямъ и качествамъ.

Съ Франц. С.

Краткое извѣстіе о всѣхъ, выходящихъ въ Россіи повременныхъ изданіяхъ и Журналахъ.

(Продолженіе.)

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какихъ городахъ.
105. Сіонскій Вѣстникъ . . .	1806	С. П.
106. Весенній цвѣшокъ . . .	1807	М.
107. Журн. изящныхъ Искусствъ	1807	М.
108. Экономическій Журналъ .	1807	С. П.
109. Журналъ полезныхъ изобрѣ- шеній	1807	М.
110. Статистическій Журналъ Россійской Имперіи . . .	1807	С. П.
111. Полная система пр. Сель- скаго домоводства . . .	1807	С. П.
112. Саширическій Театръ . . .	1808	М.
113. Геній время	1808	С. П.
114. Журналъ каррикатуръ (?)	1808	С. П.
115. Драмашическій Вѣстникъ .	1808	С. П.
116. Другъ юношества	1808	М.
117. Военный Журналъ	1808	С. П.
118. Аршиллерійскій Журналъ .	1808	С. П.
119. Аглая	1808	М.
120. Гармоническій Журналъ . .	1808	М.
121. Журналъ Медико-Физическ.	1808	М.
122. Парнасскій мошелекъ . . .	1808	М.
123. Рускій Вѣстникъ	1808	М.
124. Рускій карманный пѣсен- никъ (?)	1808	М.

	Въ коннорыкъ годахъ.	Въ какихъ городахъ.
125. Сѣверный зритель	1808	С. П.
126. С. Пешербургскія Сенатскія вѣдомости	1809	С. П.
127. Сѣверная Почта	1809	С. П.
128. Другъ дѣшей	1809	М.
129. Сѣверный Меркурій	1809	С. П.
130. Журналь новѣйшихъ путе- шесствій	1809	С. П.
131. Московскій Вѣстникъ	1809	М.
132. Ореады	1809	С. П.
133. Цѣвѣшникъ	1809	С. П.
134. Европейскій Музей	1810	С. П.
135. Журналь гитарный	1810	М.
136. Европейскія Лишшерашур- ныя газетны	1810	С. П.
137. Журналь для сердца (?)	1810	С. П.
138. Чтеніе въ бесѣдѣ Л. Р. С. (*)	1811	С. П.
139. Улей	1811	С. П.
140. Казанскія извѣстія	1811	Каз.
141. Журналь для фортепіано	1811	С. П.
142. Драматическій Журналь	1811	М.
143. Журналь всеобщей Врачеб- ной Науки	1811	С. П.
144. Сынъ отечества	1812	С. П.
145. Журналь всеобщаго Право- вѣденія	1812	С. П.

(*) Чтеніе въ бесѣдѣ не выходило въ извѣстные сроки; а пошому и не можеть бышь причислено къ по-временнымъ изданіямъ. К.

	Въ которыхъ годахъ.	Въ какихъ городахъ.
146. Хозяйственныя записки	1812	С. П.
147. Харьковскій еженедѣльникъ	1812	Хар.
148. Сибирскій Вѣспникъ	1812	С. П.
149. Муза или собесѣдникъ (?)	1812	С. П.
150. Воспочныя извѣстія	1813	Астрах.
151. Журналь для дѣшей	1813	С. П.
152. Рускій Инвалидъ	1813	С. П.
153. Кабинешъ Аспазіи	1815	С. П.
154. Демокришъ	1815	С. П.
155. Духъ Журналовъ	1815	С. П.
156. Дѣтскій Вѣспникъ	1815	С. П.
157. Дѣтскій Музей	1815	С. П.
158. Амфіонъ	1815	М.
159. Украинскій Вѣспникъ	1816	Хар.
160. Духовный годъ жизни Хри- стіянина	1816	С. П.
161. Другъ Россіянъ	1816	Ор.
162. Труды Харьковскаго Обще- ства Наукъ	1817	Хар.
163. С. Пешербургскій пустын- никъ	1817	С. П.
164. Сѣверный наблюдатель	1817	С. П.
165. Калліопа (*)	1817	М.
166. Журналь Императорскаго человѣколюбиваго Общества	1817	С. П.

(*) Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благо-
роднаго Пансіона. Книга сія выходила по частямъ;
а посему и не принадлежишь въ списокъ Журна-
ловъ. К.

	Въ копорыжъ годахъ.	Въ какихъ городахъ.
167. Волшебный фонарь . . .	1817	С. П.
168. Журналъ древней и новой Словесности . . .	1817	С. П.
169. Харьковскія извѣстія . .	1817	Хар.
170. Военный Журналъ . . .	1817	С. П.
171. Соревнователь просвѣщенія	1818	С. П.
172. Пантеонъ славныхъ мужей.	1818	С. П.
173. Благонамѣренный . . .	1818	С. П.
174. Воспочный Вѣспникъ . .	1818	С. П.
175. Прибавленія къ Санкшпе- тербургскимъ Вѣдомостямъ (Ученыя извѣстія) . . .	1819	С. П.
176. Невскій зритель . . .	1820	С. П.
177. Онечесшвенныя записки .	1820	С. П.
178. Магазинъ Естественной Исторіи	1820	М.

(Окончаніе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ * * *

Чувствительны мнѣ дружескія пени;
Но искренно забылъ я Геликонъ
И, признаюсь, закоренѣлый въ лѣни,
Не каюсь, люблю мой праздный сонъ.
Охопа пѣть владѣешь слабо мною;
Она прошла, какъ первая любовь.
Желалъ бы я воспламенишься вновь;
Но упомянь и сердцемъ и душою.
Иль жить нельзя опрадою иною?
Я заключилъ съ бездѣйствіемъ союзъ;
Ледяной счастливымъ усыплениемъ,
Я не хочу пришворнымъ изступлениемъ
Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

Баратынскій.

Р о л а н с ъ.

Вчера Вакхическихъ друзей,
Я въспылилъ кружокъ веселой.
Взошелъ — и слышу: „Здравствуй! Пей!“
Нѣшь! — молвилъ я съ шокской тяжелой.

Не пей, безпечные друзья,
Пришелъ къ вамъ другъ вашъ одичалый:
Хочу на мигъ забыться я,
Отъ жизни и любви усшальный.

Спучите чашами громчей;
Дружнѣй Гесерь и Вакха пойше!
Волненіе души моей
Хошь на мгновенье успокойше!

Мнѣ помогите освѣжить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напѣвомъ радости застольной!

Баронъ Дельвонъ.

Графиня М — рѣ,

которая вызвалась показашь мнѣ, съ подробнымъ описаніемъ,
модель горы *Монъ-Бланъ*.

Я жалуясь на Васъ, прекрасная Графиня!
Вы говорили мнѣ: „Смотрите: вошь *Монъ-Бланъ*!
Вошь вѣковые льды; вошь снѣжная пустыня;
Вошь спрашная гора, Альпійскій великанъ!“

Еще вы много говорили
О водопадахъ, о скалахъ,
О безднахъ, о живыхъ мосшахъ

И бѣлымъ пальчикомъ вездѣ меня водили.
О, эпошь мнѣ жожаый страхъ какъ милъ!
Но знаете ль: вѣдь онъ со мною пошушилъ?
А можешъ бышь не Вы ль, колдуя, забавлялись?
По чесши! вещи мнѣ совсѣмъ не шѣ казались:

На мѣсто *снѣга*, напрімѣръ,
Я видѣлъ свѣжія долины;

Но не видалъ я скаль, вершеповъ, ни пещерь.
Вездѣ алмазами горяція вершины;

Вездѣ волшебная, какъ Ваша, красоша,
И розы юныя алы —
Графини! какъ у Васъ прелестныя уста! . . .
Признайтесь, надо мной Вы подшучишь хошѣди?
Вашъ пальчикъ чародѣй: онъ все околдовалъ
И, какъ Фаншазія, умою моимъ игралъ! . . .
А я, съ недвижными глазами,
Забывъ себя и все, споялъ какъ ишукацѣ
И восхйщаясь только Вами,
Я не видалъ горы Монъ-Бланъ!

Ө. Глинка.

Барбось.

Б а с н я .

Барбось на солнышкѣ лежалъ,
Валялся, нѣжился и пихъ былъ, какъ шеленокъ;
Но вдругъ вскочилъ, залаялъ, завизжалъ! . . .
„Взбѣсился, можешь бышь?“ — Нѣшь, уськнулъ по-
варенокъ.

*

Филонъ меня бранишь. Причину я смекнулъ:
Его прйшель подспрекнулъ!

— ко —

О ш и б к а .

Въ Но. XV. Н. Л., на стр. 30-й, въ Баснѣ: *Скорбь и Фортуна*, ошибкою поставлено: *милостью*, вмѣсто: *малостью*.

Печаташь позволяешся: Маія 14-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XIX.

П Р О З А.

Замѣтанія на Краткое обозрѣнiе Русской Литтературы 1822-го года, напечатанное въ №. 5-мъ Сѣвернаго Архива 1823-го года.

„Мое мнѣнiе не есть спрoгiй и неотзовный приговоръ, но только мнѣнiе. Пусть всякой повѣритъ и „разсудитъ,“ — сказалъ Г. Булгаринъ въ *Краткомъ обозрѣнiи Русской Литтературы 1822-го года*. Примѣняя слова его къ себѣ, приспупаю къ повѣркѣ нѣкоторыхъ его мнѣнiй, показавшихся мнѣ ошибочными. Немногие у насъ дають себѣ трудъ мыслить; еще менѣе число тѣхъ, кои мыслятъ въ слухъ. Тѣмъ благодарнѣе должны мы быть къ Писателямъ, покушающимся на такое предпрiятiе; но тѣмъ неупоминѣе и щекотливѣе обязаны мы быть въ разборѣ предлагаемыхъ суждений. Полу-испины вреднѣе въ нашемъ бытѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь. Тамъ, гдѣ испины обнаруживаются множествами голосовъ, мнѣнiя превращаются прiямъ мнѣнiемъ общественнымъ или заглушаются и погибають непримѣнно. У насъ же каждый печальный звукъ долго опзывается и прiемлетъ нѣкошорую существенность.

Въ началѣ сшапши своей, Обзорѣвашель, въ чертахъ живыхъ и полныхъ истины, означаетъ опасшенія Липшерашуры народа съ правоспвеннымъ бышнемъ его; отношенія, разпшельныя въ другихъ Государсвахъ, но у насъ едва примѣшныя. Эшо справедливо! Но справедливо ли полагаешъ онъ причину недоспапка въ хорошихъ Авшорахъ, въ недоспапкѣ чпшашелей? Одишь хорошій Авшоръ рождаетъ сошнп чпшашелей; но цѣлый народъ чпшашелей не произведеть ни единаго, даже посредспвеннаго Авшора.

Чешь, заняшь мѣспо въ *позлащепныхъ шкафахъ свѣтскаго челошпка*, о копхъ упоминаешъ Г. Булгарпнь, еспь нежджное вдохновеніе. Авшорское дарованіе, кошего чештолюбіе спремшся попашь за спекло, можешъ оспашься подь спудомъ, безъ значптельнаго ущерба для пользы Лпшшерашурной и общеспвенной. Конечно, Писашелямъ поощреніе нужно, но не шо, кошего желашь цмъ Г. Булгарпнь. Не шупъ ищешъ онъ причины задержанія успѣховъ нашихъ на Лпшшерашурномъ поприщѣ. Если не чпшашели зажпгаютъ въ Авшорѣ искру дарованія, шо ещѣ болѣе не они налагають на него оковы. Напрасно Обзорѣвашель присвопваешъ себѣ здѣсь сѣпованіе Писашелей, жалующпхся на недоспапшюкъ Чпшашелей, когда имъ надлежало бы жаловашься на одну Природу, щедрую къ нимъ въ недоспапкахъ! Хорошія кнпги чпшашюхся у насъ охешно или, по крайней мѣрѣ, чшобы не судпшь по наружностп, охешно разкупающся. *Исторія Государства Россійскаго, Теорія о налогахъ, Опытъ о Партизанскомъ дѣйствіи*, сочпненія различнаго содержанія и достоинсшва, — но одпмъ словомъ, сочпненія Европейскія доведены, въ скорсе время,

до вѣснорого изданія. Во Франціи или Германіи иная книга выдерживаетъ пять, шесть изданій непрерывно, это правда; но забывашъ не должно, что Нѣмецкій или Французскій Писатель пишетъ для всей Европы, а нашъ только для Россіи.

Будемъ справедливы и основательны въ укоризнахъ своихъ. Жалобы на равнодушіе Публики къ прудамъ Рускихъ Писателей, на приспращіе нашего общества къ языку Французскому, на холодноспъ женщинъ къ усиліямъ нашимъ, угодилъ имъ своимъ стихами и прозою, умѣстны были во времена *Живописца* и *Собесѣдника*. Нынѣ такое сѣпованіе есть Анахронизмъ; нынѣ, если Рускимъ Писателямъ жаловашься, такъ не на это. Тогда мало читалось: теперь и того менѣе печатается. Охота къ чтенію, жажда познаній очевидно усиливается въ наше время и въ нашемъ поколѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что отличная часть читателей нашихъ преимущественно отдается чтенію иностранныхъ книгъ; но не пошому ли, что иностранныя произведенія удовлетворяютъ болѣе господствующимъ требованіямъ нашего поколѣнія; соглашаются болѣе съ степенью образованности умовъ? Посмотрише, съ какою жадноспію наша молодежь читаетъ Газеты и Журналы иностранные! Можно ли, по совѣсти, требовать отъ нее, чтобы она съ тѣмъ же рвеніемъ и прилжжаніемъ читала наши Журналы? Что сказано о періодическихъ изданіяхъ, то можно примѣнить вообще и къ другимъ книгамъ.

Литтература должна бытъ выраженіемъ характера и мнѣній народа: судя по книгамъ, которыя у насъ печатаются, можно заключить, что у насъ или нѣтъ

Литтературы, или нѣтъ ни мнѣній, ни характера; но послѣдняго предположенія и допустить нельзя. Утверждаешь, что у насъ не пишутъ оцѣ того, что не читающъ, — значить утверждаешь, что нѣмцы не говорятъ оцѣ того, что его не слушающъ. Развяжишь языкъ нѣмца и онъ будетъ имѣть слушателей. Дайше намъ Авторовъ; пробудишь благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ и — Читатели родятся. Они гоговы; многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего оцѣ насъ дослышались не могутъ и обращающа по неволѣ къ шѣмъ, кои не лепечутъ, а говорятъ. Рускія книги до сей поры читающа одними *Артистами*; но у *любителей* должны онѣ быть еще въ маломъ употребленіи. Древняя медаль можешь имѣть цѣну въ глазахъ Антикварія; но незнаюкъ предпочтешь ей всегда ходячую монету. Бѣда въ томъ, что Писатели наши выпускающъ мало ходячихъ монетъ. Радуешься пока, что хотя иностранныя сочиненія находяща у насъ въ обращеніи; пользуясь ими, мы готовимся познавать цѣну и своихъ богатствъ, когда Писатели наши будутъ бить, изъ ошечественныхъ рудъ, монету для народнаго обихода.

Мысль Г. *Булгарина*, что извѣстность лучшихъ Литтераторовъ нашихъ зависеть должна обыкновенно оцѣ какихъ-нибудь благопріятныхъ обстоятельствъ (*), кажется мнѣ совершенно ошибочною и даже предосудительною, какъ для самихъ дарованій, такъ и для мнѣнія

(*) „Изрѣдка встрѣчающа примѣры, что нѣкоторыя „необыкновенные Литтераторы, заслуживъ славу, „успѣли пріобрѣсть извѣстность въ Россіи. Но „и въ семъ случаѣ какимъ-нибудь благопріятнымъ

общественнаго. *Державинъ* конечно не чинамъ и почестямъ своимъ обязанъ, что Россія зашвердила сплхи его; но скорѣе можно опредѣлишь, что дарованіе его было первую степенью успѣховъ его по службѣ. Съ чувствомъ народной гордости, можемъ не его одного выставишь исключеніемъ изъ правила, изложеннаго Г. *Булгаринъ* м. Скажемъ болѣе: съ величайшею охотою оправдать сіе мнѣніе, хотя однимъ примѣромъ, не находимъ въ спискѣ испинно-заслуженныхъ Писателей нашихъ ни одного, который обязанъ былъ бы за извѣстность заслугъ своихъ Лицпсерацурныхъ, выслугамъ свѣскимъ и побочнымъ. Нельзя не замѣишь, что мы имѣемъ какое-то уничиженіе, намъ однимъ свойственное; уничиженіе, ослѣпляющее насъ на счетъ шѣхъ изъ соощечеспвенниковъ нашихъ, коими по справедливости могли бы мы наиболее гордиться, и передъ собою и передъ иностранцами. Намъ все какъ будто не вѣришь, что можемъ въ числѣ современниковъ нашихъ имѣшь Писателей отличныхъ. Если слава ихъ, разсыявъ всѣ препоны и достигнувъ лучезарнаго полдня, уже слишкомъ несмерпимымъ блескомъ свѣишь намъ въ глаза; то мы стараемся увѣришь себя и другихъ, что блескъ эиошь заемный. Другіе спѣшили бы радовашься появленію свѣшила и привѣщспвовашь его чувствомъ признашельнымъ; мы спѣшимъ ушѣишьишьишь шѣмъ, что и въ эиомъ солнцѣ ешь пята. Сіе смиреніе нѣкоторыхъ, можешъ бышь впрочемъ и благонамѣренныхъ людей, шѣмъ па-

„обстояшеспшвомъ надлежало прежде вывеспть спхъ
 „людей на пушь счастья или ошлччпшь другимъ
 „родомъ знаменпоспши, чтобы во всемъ блескъ
 „выказашь ихъ достоинспва.“ *Булгаринъ*.

губишь, что оно не хотя угождаетъ и зависти, также по своимъ расчетамъ непризнающей дарованій, и если не въ побужденіяхъ, то по крайней мѣрѣ въ дѣйствіяхъ своихъ слизаешься съ нею въ одно чувство.

Дороговизна Русскихъ книгъ безъ сомнѣнія убавишся, по словамъ Обозрѣвателя, по мѣрѣ, какъ продажа ихъ болѣе распространится; но забывать не должно, что донынѣ и самыя средства къ печатанію дороже у насъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ. Книжная торговля не получишь благонамѣреннаго направленія, пока будешь въ рукахъ однихъ торговцевъ, пекущихся, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе о собствѣнныхъ выгодахъ, чѣмъ о пользѣ общественной. Для достиженія истинно-народной цѣли въ печатаніи и продажѣ книгъ, необходимо на первый случай заведеніе *Общества Типографическаго*, составленнаго изъ Липператоровъ и другихъ ревностныхъ друзей успѣховъ просвѣщенія. Польза общественная была бы первымъ побужденіемъ и главною мѣшою шрудовъ ихъ благородныхъ; а выручка умѣренная — доспашочнымъ обезпеченіемъ капиталовъ, употребленныхъ ими.

Разборы сочиненій, вышедшихъ въ 1822-мъ году и упомянутыхъ въ спискѣ Г. Булгарина, кажется, вообще слишкомъ поверхностны и также, по мнѣнію нашему, содержатъ довольно ошибочныхъ предположеній. Замѣшимъ главнѣйшія :

Если Г. Булгарину трудно повѣрить, чтобы нѣсколько легкихъ и мѣлкихъ прозаическихъ сочиненій, (впрочемъ, на какихъ вѣсахъ опредѣляешь онъ легкость и мѣлкость оныхъ сочиненій?) — помѣщенныхъ въ *Московскихъ Журналахъ*, могли преобразовать языкъ до такой степени,

на какой онъ находится въ наше время; то почему же вѣришь и удосовѣряешь онъ, что одинъ Ломоносовъ по справедливости назвашься можешь преобразователемъ языка? И Ломоносовъ написалъ не болѣе, какъ два Похвальные слова и слабое начертаніе Руской Исторіи. Его Грамматика и Рипорика, о коихъ упоминаешь Обзоръвашель, не могутъ утвердишь за нимъ чести преобразованія: во первыхъ потому, что ни Грамматика, ни Рипорика никогда не могутъ преобразовать языкъ, а только установить его правила, такъ сказать собрать и обнародовать его законы; во вторыхъ потому, что ни ша, ни другая не оспались у насъ не только классическими, но даже и классными или училищными твореніями. Признашь Ломоносова преобразователемъ Рускаго стихосложенія, дѣло другое. Въ нашемъ Стихотворствѣ и понынѣ, болѣе или менѣе, господствуютъ еще правила и формы, имъ введенныя; но какъ назвашь его преобразователемъ нынѣ существующаго прозаическаго слога, когда никто не пишетъ по его образцу?

Похвальное сужденіе Обзоръвашеля о книгѣ *Лабома* (*), найдешь, вѣроятно, много противниковъ, какъ во Франціи, такъ и въ людяхъ, свѣдущихъ въ искусствѣ Военномъ.

Упомянувъ о *Собраніи образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ*, кажется, Обзоръвашель обязанъ былъ сказать утвердительно, что всѣ шаковыя *собранія*, доселѣ у насъ вышедшія, погрѣшаютъ въ составленіи

(*) Исторія о низверженіи Наполеона. Г. Булгаричъ хочетъ увѣришь Россіянъ, что Г. Лабомъ считается нынѣ однимъ изъ лучшихъ Военныхъ Писателей.

своёмъ прошивъ изящности. У пась, гдѣ всего два или три испинцо образцовые Писателя, выдается по нѣскольку помовъ образцовыхъ (*) сочиненій! Если пѣришь на слово нашимъ распочительнымъ собирашьямъ; то иностраннымъ Лишперашурамъ пришлось бы спыднись предъ нашею, бесплодію своему. Но къ сожалѣнію должно признашья, что если Книгопродавецъ для выгодъ своихъ можетъ выспавишь нѣсколько помовъ образцовыхъ спихонвореній Рускихъ; то испинный Лишперашоръ, по совѣси, наберешъ ихъ не болѣе, какъ на одинъ помъ и что не тяжеловѣсный.

Извѣстіе о собраніи сочиненій Графа Хвостова должно было бы по справедливости осшавишь безъ уваженія, еслибъ послѣднія спроки не содержали мнѣнія, вовсе необдуманнаго, хошя и выспавленнаго съ какою-то увѣришельностию, „Легче и надежнѣе судишь о По-ашахъ, кошорые еще не перешли за средину своего „Лишперашурнаго поприща, нежели о людяхъ, кошорые „уже совершили оное.“ Совсѣмъ напрошивъ! Единспвенно о послѣднихъ и можно судишь ушвердишельно и окончашельно; о другихъ всякій судъ ешь шодько временный и шакъ сказашъ задашочный. Оцѣнка и расплаша бываетъ по окончаніи, а не въ продолженіи шрудовъ. Упошребивъ слово: *надежнѣе*, не хошѣлъ ли Г. *Булгаринъ* сказашъ, что о Писателяхъ въ возрастѣ усовершеншвованія, можно давашъ приговоры и спрогіе, въ надеждѣ, что они исправяшья, а что худый

(*) Не надлежало бы называшъ шакія книги собраніемъ образцовыхъ, а лучшихъ или избранныхъ сочиненій и переводовъ.

Писатель, уже перешедший за эпоху возрастъ, долженъ оставленъ быть въ покоѣ, какъ больной безнадежный осматриваемъ бываетъ жалостливыми Врачами? Быть можешь! Но въ такомъ случаѣ, приговоръ его сбывается на двусмысленныя изреченія древнихъ Оракуловъ; и свойственна ли сія двусмысленность независимости и опроверженности, симъ двумъ наследственнымъ добродѣтелямъ Республики Словесности? У насъ хорошихъ Писателей щадить не любящъ; но за то, какъ бережливо, какъ сострадательно обходящяся съ худыми. Имъ только и живье у Кришниковъ нашихъ; они ихъ носятъ на рукахъ!

Спашья *Библиографія* въ *Сынъ отечества* была бы точно важна, какъ говоришь Г. Булгаринъ, еслибъ Издапель обрабатывалъ ее щадительнѣе и посщенно давалъ въ ней опчешъ своимъ Чищателямъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, заслуживающихъ вниманіе. Въ предъидущихъ годахъ она была гораздо занимательнѣе и полезнѣе; нынѣ же, признающяся должно, достоинство ея весьма понизилось. Нынѣ современная Руская Библиографія по большей части ни что иное, какъ списокъ съ книжныхъ объявленій или, еще правильнѣе, выписка, безъ разборчивости составленная; ибо, когда съ точностію упоминается въ ней о *бриллиантовыхъ книжкахъ для милыхъ дѣтей* и тому подобныхъ, нѣкошорыя сочиненія, въ особенності же переводы, испинно Европейскаго достоинства, пропускающяся безъ вниманія.

Литтературныя прибавленія къ Сыну отечества, „Сіе изданіе должно почитать оеобливимъ Журналомъ“ говоришь Обзоръщатель. Осмѣлимся сказать, что сіе повременное изданіе никакъ журналомъ починаемо быть

не можешь, а развѣ сборникомъ Повѣстей, и вопреки мнѣнію его, часто не весьма отличныхъ ни по выбору, ни по слѣгу своему. Прилагательное Литтературна, приданное къ прибавленіямъ, даетъ право требовать еще нѣхъ болѣе разнообразія, изящности и разборчивости въ выборѣ спашей, однимъ словомъ: болѣе Липшерашурнаго достоинства.

Мнѣніе Обозрѣвателя о Вѣстникѣ Европы, отличающа по благородной Литтературной независимости, суждой всѣхъ партій и чистотѣ языка, не пріемлется мною безъ исключенія. Скажу откровенно, что признаю въ нѣкоторыхъ спашьяхъ его независимость, суждую чистоты языка; но во многихъ другихъ не нахожу отчужденія еще партій, которая существуетъ въ Липшерашурѣ нашей. По истиннѣ, Республика Словесности не раздѣлена у насъ на партіи; но въ ней отдѣляется одна партія посредственности, не золотой, а развѣ свицовой; не той, которую воспѣвалъ Горацій, но той, которая еще современныхъ ему Бавіевъ и Мевіевъ считаешь клеветовъ своихъ въ прощивадкахъ Писателей знаменитыхъ и образцовыхъ.

Уважаю Г. Гильдига и дарованіе его, многими опытами ознаменованное; но самымъ уваженіемъ къ нему побуждаемый, скажу не зачинаясь, что вопреки мнѣнію Обозрѣвателя и многихъ другихъ, не признаю въ Рыбакахъ его особенной услуги Поэзіи. Мы слишкомъ очерснѣли; въ бышу нашихъ Тицировъ и Мелибеевъ такъ мало Буколической изящности и свободы; вѣкъ ихъ такъ мало похожъ на золотой вѣкъ, что Идилліи и Эклоги наши, не смотря на достоинство стихосложенія, всегда будутъ холодны и пасмурны, какъ небо,

которое большую часть года однимъ мракомъ одѣваетъ Природу, вовсе не Темпейскую.

Охопно соглашаюсь съ Обзоръвашелемъ во мнѣніи его о достоинствѣ *Думъ Г. Рыльева*; но несправедливо, кажется, полагаешь онъ, что сей родъ стихотвореній *занимаетъ средину между Элегіею и Геройдою*. По содержанию своему относясь онъ къ роду повѣствовательному, а по формамъ своимъ къ лирическому. Что же можешь быть въ нихъ общаго съ Элегіею, извѣсною намъ по образцамъ, оставленнымъ Тибулломъ и новѣйшими Поэтами, или съ Героидами Овидія и многихъ Французскихъ Поэтовъ, отличившихся по слѣдамъ его?

Намъ, кажется, также неосновательнымъ упрекъ, дѣлаемый Обзоръвашелемъ *богатымъ Рускимъ Болрамъ, что они не любятъ, по примѣру Англичанъ, Французовъ и Нѣмцовъ, предаваться трудностямъ отдаленнаго путешествія* и ограничивающаго обыкновенно *Парижемъ, Италіею и Лондономъ*. Далекія и неизвѣстныя страны могутъ возбуждать безпокойное или ученое любопытство иностранцевъ, кои, не выѣзжая изъ земель своихъ, пользуются всеми сокровищами образованности Государственной и зрѣлаго просвѣщенія; но наши путешественники, движимые другимъ любопытствомъ, ѣздя по классическимъ землямъ образованности Европейской, чтобы удовлетворять потребностямъ, менѣе отвлеченнымъ и болѣе намъ сроднымъ. Не споримъ, что похвально описывать сокровенный источникъ Нила и разбирать на мѣстѣ таинственные Героглифы; но искашь источники благосостоянія народовъ и Правительствъ, учишься тайнамъ Государственной Науки

въ тѣхъ странахъ, гдѣ преподается она издавна и все-народно, еще того похвальнѣе и шокращъ полезнѣе. (*)

Князь Вяземскій.

Москва,

Прибавленіе.

Въ Библіографіи нашихъ Журналовъ, мы находимъ только извѣщенія, въ прехъ словахъ, о *Карманнелъ коноваль*, о *Совершенной Стралухъ*, о *Всеобщемъ Секретарь*, *Викокуръ*, объ *Оракулъ* и проч., изрѣдка о вновь напечатанномъ Поученіи и еще рѣже о какомъ-нибудь собраніи Стихошвореній, съ неминуемою похвалою Авшору, по комиссіи ошъ того же Авшора. Напрощивъ того о переводахъ значительныхъ сочиненій, ни слова или по крайней мѣрѣ ни о сочиненіи, ни о достоинствѣ перевода, не бывало наспоющей Рецензіи. Любитель чиненія узнаешъ о нихъ только по книжнымъ кашалогамъ и бѣдный переводчикъ, за годовый шрудъ свой, награждается только безгласнымъ одобреніемъ Чипашеля. Изъ числа шаковыхъ переводовъ пришли мнѣ шеперь на память: 1-е) *Картина Политическихъ перемѣнъ въ Европъ*, соч. *Ансильона*, 2-е) *Всеобщая Исторія Гр. Сегюра*, 3-е) о *Крестовыхъ по-*

(*) *Примѣчаніе.* Написанныя мною замѣчанія давалъ я на разсмотрѣніе извѣстному Лишшерашору, ко-его хвалишь не спану, боясь прошивъ воли вы-дашь шайну его имени. По благосклонности ко мнѣ добавилъ онъ сказанное мною, нѣсколькими своими замѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы я воспользо-вался ими. Угажая болѣе пользу Чипашелей, не-жели свою, не могу сдѣлать лучшаго изъ нихъ упошребленія, какъ напечатать ихъ въ наспоющемъ видѣ, въ ошдѣльномъ прибавленіи. *Соч.*

годахъ Г. Мишо, о копорой нынѣ упомянуто только Г. Булгаринымъ въ Сѣверномъ Архивѣ. (*)

Мнѣ кажется здѣсь ксѣши было бы поставишь на видъ: *Новикова Ученя Въдомости* 1777-го года или *Санктпетербургскій Вѣстникъ* 78 и 79-го годовъ, изданія Г. Брайки. Оба Издашеля держались болѣе условій Европейскихъ Журналовъ, нежели нынѣшніе: оба были шрудолубивѣе и щекотливѣе къ своему званію. Ксѣши бы также намѣкнушь хопя слегка, какъ послѣдніе исполнили свою обязанность въ опіношеніи къ Испоріи Карамзина и пропівуположишь имъ Французскихъ Журналистовъ, высшая напрімѣръ *le Courrier*, копорый не полѣнился пройти всѣ 8 шомовъ Испоріи (Р. Г.), сдѣлашь изъ нихъ прекрасный перечень и на шакомъ быспромѣ ходу еще указываль на замѣчашелныя мѣста по собышіямъ или по красотѣ слога.

Чшо же касаешся до причинъ худыхъ успѣховъ въ пашей Словесности, шо можно, къ изложеннымъ Вами, прибавишь и шо, чшо наши Авшоры болѣшею часшю не имѣли классическаго руководспва къ ученію; пишущь самоучкою и мимоходомъ, бывъ развлекаемы свѣшпомъ, обязанностями по службѣ или исканіями, счишаясь въ оной; чшо они пишущь не по спроси, не по необходимой потребности изливать свои чувшва, сообщашь свои наблюденія, играшь своимъ воображеніемъ; но изъ одного шолько шщеславія, добиваясь шолько шого, чшобъ нѣкогда сесшрица, дядюшка, или пріѣзжій изъ деревни сосѣдъ увидѣль ихъ, наравнѣ съ другими,

(*) О сей послѣдней книгѣ было также упомянуто и въ Р. И. Изд.

сидящихъ чопорно за долгимъ столомъ, въ нашихъ публичныхъ Литтературныхъ собраніяхъ. Господствующая же спрасть ихъ — къ многочисленнымъ знакомствамъ, къ чинамъ и опличіямъ безъ большихъ усилій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К ъ Л е т ъ.

Душь холодныхъ упованье,
Непріязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляетъ Элизей!
Такъ, досшойнъ ты укора:
Для чего въ твоихъ водахъ
Погибаетъ безъ разбора
Памяшь горестей и благъ?
Прочь, съ нещаднымъ утѣшеньемъ!
Я минувшее люблю
И вѣкъ утѣхъ забвеньемъ
Муку забвенья не куплю.

Баратынскій.

Р о м а н с ъ.

„Скажише: что любовь такое,
И что за существо она?
Что въ ней, или доброе или злое?
Къ чему любовь сошворена?“

Паспушка милая, жлая,
Спросила старца на клѣткѣ,
Главу свою къ нему склоняя,
Держа цѣпочку въ своей рукѣ.

Старикъ, взглянувши на цѣпочку,
Со вздохомъ дѣвущкѣ сказалъ:
„Ахъ! Беретися мой дружочикъ,
Чтобы и швей цѣпъ не уваль!“

„Смотри, цвѣпочикъ швой ужъ вянешь;
Валяся шебельки съ него.
Въ немъ скоро живости не спанешь;
Покинешь шы сама его.“

* ..

„Любовь мгновенно разцвѣщаетъ,
Нужна минуша, взглядъ одинъ!
Она свой ядъ распространяешъ
И мы завянемъ опъ кручинъ!“

*

„Любовь не зрима, но ужасна!
Опъ ней придешъ шы внѣ себя!
Другому будешъ шы подластшла;
Заванешъ, бросаешъ и шебя.“

*

Пастушка громко засмѣялась,
Не вѣря шаричка словамъ.
Какъ серна легкая помчалась,
По правкѣ къ чистымъ ручейкамъ.

*

Но встрѣшясь съ Тирсисомъ, взглянула:
Онъ вдругъ ее обворожилъ.
Вошь пушъ она сказавъ вздохнула:
„Шарикъ-шо правду говорилъ.“

А. Княжнинъ.

Печашашъ позволяешся: Маія 20-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XX.

П Р О З А.

П р и т ѣ и.

(Изъ Круммахера.)

1.

Кедры Ливанскіе.

Гирамъ, Владыка Тира и Саломонъ, Царь Израильскій, прогуливались нѣкогда на високахъ Ливана. Объ руку шествовали Цари, подъ благовонною сѣнію высокихъ кедровъ. И Гирамъ восхищался мудрыми рѣчами сына Давидова.

И долу, подъ стопами ихъ, далеко простирались грады и села, процвѣшавшія въ мирѣ и благоденствіи. Ибо когда Саломонъ и Гирамъ, заключивъ взаимный союзъ, сдѣлались друзьями, то и народы ихъ жили въ брашскомъ согласіи.

И Цари, безмолвствуя, долго взирали въ синюю даль, на цвѣшущую надежду земледѣла.

И Гирамъ, Владыка Тира, пронувшій до глубины сердца симъ восхишительнымъ зрѣлищемъ, обратился къ Саломону и сказалъ: „Сколь счастливы Цари-благодѣтели! Не стоимъ ли мы, какъ кедры сіи, на

высопѣ своей и земли наши не процвѣтають ли вокругъ насъ?“

„Кедръ истинно Царское древо!“ — отвѣчалъ Саломонъ. — „Онъ выше всѣхъ и видъ его величественъ. Онъ растетъ на высотахъ Ливана и пьетъ изъ ручья, не имѣя нужды въ ручейкѣ, орошающемъ стопы его. Онъ корнями обнимаетъ утесы подземные и купаетъ главу свою въ синевѣ небесной. Сколько вѣковъ уже буря ревѣла вокругъ вершинъ сихъ и грома съ прескомъ гремяли надъ челою угрюмага лѣса! Но кедръ, не зная пошребностей низкаго дола, непоколебимъ и свободенъ, какъ Ангель. И пошому самому онъ называется древомъ Божиимъ, пишомцемъ Іеговы и представляешь намъ изображение Помазанника Господня!“

„Одного лишь недосажаетъ у него:“ — возразилъ Гирамъ — „благоуханнаго цвѣша и плода пишательнаго и прохладительнаго.“ —

„Ты издѣваешься, Гирамъ!“ — отвѣчалъ Саломонъ съ улыбкою — „или говоришь, какъ Владыка корыслолюбиваго града. Не благоухаетъ ли весь кедръ? И начшо величественному Царю горь прохладительный плодъ? Не онъ ли несетъ черезъ бурныя пучины пловца дерзновеннаго? Не онъ ли сооружаетъ чершогги Царскіе? И скоро, Гирамъ, скоро на Сіонѣ возникнешъ онъ храмомъ Іеговы! Другъ мой! ешь плоды, благороднѣйшіе шѣхъ, кошорые лѣсшашъ нашему вкусу!“

Между шѣмъ, какъ они бесѣдовали, внезапно поднялась гроза надъ Ливаномъ и грянулъ страшный громъ. Цари, исполненные благоговѣнія, стояли, безмолвствуя, въ самой дикой чашѣ лѣса. Молніе-

носная стрѣла, разорвавъ мрачную тучу, устремилась на Ливанъ и раздробила огнь вершины до корня огромный кедръ, кошорый, шреща, низринулся съ крушизны ушеса. Со свисшомъ и ревомъ прошекла гроза по небу.

И Цари, подошедь къ разбишому кедру, вѣщали: „Чшо значишь все величїе земное предъ лицемъ Всесильнаго? Онъ свиваетъ небеса, какъ ризу и земля предъ Нимъ, какъ капля въ безднѣ Океана! Кшо ушопишь прошиву Царя Царей?“

Послѣ долгаго молчанїя, стоя надъ низринутымъ кедромъ, Гирамъ сказалъ: „Когда вижу Природу въ ея ужасномъ величїи, созиданїе храмовъ Творцу Вселенной кажется мнѣ предирїашиемъ младенческимъ! Начшо Ему храмы, бренными руками сооружаемые?“

„Не Онъ“, — ошвѣшествовалъ мудрый Царь Израїля — „а человекъ имѣетъ въ нихъ нужду. Безпредѣльное созданїе міра смиряетъ человека и повергаетъ его во прахъ, изъ котораго образовано шѣло его. Но собешвенное шворенїе его, какъ бы окружая и приближая къ нему Незримаго и Вездѣсущаго, возношишь его изъ праха. Твердыня костей не есть душа еще человека. Гирамъ! и мы происхожденїя Божешвеннаго.“ . . .

Снова воцарилось молчанїе. Потомъ сказалъ Владыка Тира: „Ахъ! Царская жизнь наша подобна сему кедру прежде грозы!“

„Конечно! — вѣщаль Саломонъ — „Да будетъ она подобна и кедру послѣ грозы! Чувствуешь ли, Гирамъ, какое благоуханїе, послѣ смерти его, разливаешся по лѣсу?“

Ж е л у д ь.

Старый, благочестивый Браминь, обрадованный рожденіемъ правнука, вѣщаль: „Я пойду благодарить великаго Духа и Ошца Природы, насъ благословившаго. Да дася Онъ мнѣ случай, оказать ему признательность мою какимъ-либо добрымъ дѣяніемъ!“ —

Цвѣсть чистой радости есть благодарность, а плодъ ея — благошворительность.

Съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія къ великому, благошворному Духу, спарець вступилъ въ долину и подь сѣни древесныя. Каждая мысль его была молишва. — Еще сверкали капли свѣжаго дождя на травкахъ, цвѣсахъ и листьяхъ. Природа казалась ему обновленною и прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, хотя уже девятая весна промчалась надъ главою его. — „Природа! Твореніе благаго Духа!“ — вѣщаль онъ — „никогда ты не спарѣшь для шого, кто по созданію „узнаешь Создателя!“

Спарецъ продолжалъ путь свой. Вдругъ увидѣлъ онъ желудь на пропшпанной тропинкѣ. Уже плодшворная сила дождя разорвала внѣшнюю его скорлупу; но отростокъ не могъ еще укоренишья на швердой, песчаной почвѣ.

Браминь, наклонясь, поднялъ желудь и сказалъ: „Хорошо, что дорога привела меня сюда! Нога странника легко могла бы тебя раздавить; солнечный лучъ, можешь быть, засушилъ бы тебя. Прими мое благодареніе, Всемогущій! Ты доставилъ мнѣ случай,

здѣлать добро и доказать на дѣлѣ мое внутреннее чувство, вспомогаясь непостижимымъ намѣреніямъ Природы, изливающей на насъ щедроты свои при каждомъ дыханіи жизни. И малѣйшее добро, ей оказываемое, есть сладкая обязанность.“

Юноша, споявшій за дубомъ, внималъ словамъ Брамины. Подошедъ къ нему, онъ улыбнулся съ язвительною насмѣшкою.

„Чему ты смѣешься?“ — спросилъ его спарець.

„Твоему дѣшкому предпріятію“ — отвѣчалъ ему юноша. — „Прилично ли тебѣ радоваться тому, что ты спасъ бышіе желуды? —

„Юноша!“ — вѣщала Брамина — „видя меня въ первый разъ, можешь ли проникнуть въ мысли мои? И почему насмѣхаешься надъ малою услугою, кою я тебѣ оказалъ? — Для нея съя не имѣешь преимущества передъ деревомъ. Одно безъ другаго существовать не можешь. И добродѣтель, сынъ мой, начинаешь малымъ и восходишь поспешно къ высшему. Но чѣмъ болѣе она приближается къ первоначальному своему источнику и совершенству, тѣмъ болѣе сближается она и съ простою. Тогда малѣйшее и высочайшее равны для нея. Брама проливаетъ лучи и росу какъ на пальмовое дерево, такъ и на малѣйшую травку.“

Такъ вѣщала благочестивый спарець, смотря съ улыбкою на юношу.

Исполненный почтенія, юноша, молча, удалился. Онъ видѣлъ спарца во всемъ достоинствѣ его и желалъ

подражашь ему. Ибо самое легкомысліе принуждено въ душѣ почитать добродѣтель.

Браминъ направилъ путь свой къ холму, со всѣхъ сторонъ обросшему шерніемъ. Съ нимъ встрѣтился куонецъ и спросилъ его: „Ужели ты намѣренъ возрастншь дубъ изъ сего желудя? Едва ли будешь ты наслаждаться его шѣнью!“

„Развѣ при насажденіи“ — возразилъ старецъ — „должны мы имѣть въ виду одну только шѣнь древесную и собственную пользу? Развѣ Природа такъ поступаетъ? Другъ мой! кшо сажалъ не со вчерашняго и прешьяго дня, шощъ въ самомъ насажденіи находишь свою обязанность и свое удовольствіе.“

Взошедъ на холмъ, зарылъ онъ желудъ на вершинѣ онаго, подъ шерніемъ и рачительно засыпалъ его землею и мохомъ.

„Какъ? среди шерніа ты съешь?“ — воскликнулъ пастухъ. „Ты худо печешься о питомцѣ швоемъ!“

„Любезный другъ мой!“ — возразилъ старецъ — „доколѣ расшѣніе нѣжно и юно — шерніе будетъ защищать его прошиву вѣтровъ и поврежденія; но когда возростешъ, оно само пробьешъ себѣ дорогу; ибо это дубъ! Сынъ мой! Я сему научился у Природы: мудрая машерь сія взвѣшиваетъ и нѣжность и силы своихъ питомцевъ.“

Старецъ, совершивъ свою работу, весело возвращался домой. „Кшо строишь на большой дорогѣ“, — думалъ онъ самъ въ себѣ — „шощъ имѣешь много

порицателей. Но человекъ опытный идетъ своимъ путемъ.“

Приближаясь къ хижинѣ, дѣти и внуки побѣжали къ нему на встрѣчу и спрашивали: „Гдѣ ты былъ такъ долго?“ — Славъ въ средину ихъ, онъ разсказалъ имъ все, что съ нимъ случилось. Младшіе ласкались къ старцу, между тѣмъ какъ старшіе ловили съ ушей его мудрыя рѣчи.

„О!“ — вѣцалъ наконецъ Браминъ — „нигдѣ не бываешь лучше, какъ въ нѣдрѣ Природы, когда мы дѣтски любимъ отца ея; нигдѣ не бываетъ пріятнѣе, какъ въ кругу своего семейства. Такъ! благошворный Брама! (возкликнулъ онъ, восхищенный и взирая на небо). — Въ нѣдрѣ Природы и тихой, семейственной жизни воздвигнуешь свой храмъ священный!“

Вновь посаженный дубъ возвысился въ пышной красотѣ и содѣлался деревомъ тѣннѣйшимъ и сильнымъ. Тогда старецъ скончался. Дѣти погребли его на холмѣ, подъ дубомъ. Смотря на величественное дерево и внимая шопшупу его листьевъ, вспоминали они добродѣтельную жизнь и мудрыя рѣчи старца, разсказывали объ немъ другъ другу и стараясь подражать ему.

Слова благочестиваго и мудраго мужа то же, что сѣмя въ плодородной почвѣ.

3.

Смерть Эглона.

Въ городѣ Газѣ, на берегу моря лежащемъ, жилъ благочестивый мужъ, по имени Эглонь, котораго

многіе годы былъ Судією города и владѣль несмѣшными богашспвами.

Всѣ прославляли справедливостъ и кротостъ его болѣе, нежели сокровища; а бѣдные шайно называли его ошцемъ своимъ.

И когда насчалъ день его смерши, созвалъ онъ къ себѣ друзей и брашьевъ, съ дѣшыми ихъ, и вѣщаль: „Други! я умираю: Ангель смерши явился мнѣ въ минувшую ночь и я чувствую тихое вѣяніе крыль его. Ишакъ, не предавайшесь горесши, но радуишесь со мною!“ Всѣ, вокругъ него споявшіе, съ изумленіемъ взирая другъ на друга, говорили: „Въ первый разъ да будущъ днесъ несправедливы слова Эглона!“

„Дѣши!“ — вѣщаль онъ съ улыбкою — „удалише ошъ васъ печаль и шщешныя надежды: я спою на рубежѣ дней моихъ! Въ шрешій разъ уже вижу предъ собою Ангела смерши, и пошому не чуждъ и не шращенъ мнѣ видъ его. Но сегодня, въ первый разъ, онъ являешся мнѣ съ улыбкою; шакъ почшо же не слѣдовашь за нимъ съ радостію?“

Друзья, смотря на него очами удивленія, хранили молчаніе.

Но умирающій, замѣшивъ, что они не понимающъ его, сказалъ: „Я расскажу вамъ жизнь мою — и слова мои вамъ будущъ понятны.“

„Юностъ моя, чуждая горесши, прошекала среди радостей и я не зналъ еще всей важности бышійя. Когда возмужалъ, сдѣлали меня Судією въ Газѣ и всѣ довѣряли моимъ приговорамъ. Сверхъ того осчасливила меня любовь жены, кошорую гласъ народа прославлялъ прекраснѣйшею и добродѣшельнѣйшею изъ

дщерей моей опчизны. — И всё называли меня благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. — Тогда Богъ ниспослалъ на меня тяжкую болѣзнь, продолжавшуюся нѣсколько мѣсяцевъ. Мудрость Врачей казалась тщетною. „Онъ умреть!“ — вѣщали они единогласно. — Тутъ въ первый разъ явился мнѣ Ангелъ смерти въ страшномъ видѣ, и я умолялъ его, да пройдетъ онъ мимо!“

„Онъ прошелъ. Я вспалъ съ одра недуга — и жизнь казалась мнѣ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Жена родила мнѣ двухъ дѣшей, прелесныхъ, какъ два гранатныя древа и каждый день ихъ развитія былъ для меня прекраснѣйшимъ днемъ весеннимъ. Всё говорили: „Эглонъ счастливѣйшій изъ смертныхъ! Чего днесъ недоспаешь къ его благополучю?“

„Вдругъ злокачественная язва примчалась къ намъ изъ страны, орошаемой Ниломъ — и дѣши умерли — оба, мальчикъ и дѣвочка. Свирѣпая язва коснулась хладною рукою и матери. „Дѣши мои увяли!“ — говорила она слабѣющимъ гласомъ. — „Эглонъ! другой мѣръ сохранишь и возвращишь ихъ намъ.“ — Съ этими словами она испустила послѣднее дыханіе — и я споялъ одинъ на пышныхъ коврахъ моихъ: счастливый домъ мой вдругъ обратился въ пустыню!“

„Внѣ себя отъ горести и опчаянія, звалъ я Ангела смерти, губителя чадъ и жены моей; но когда прошелъ онъ мимо меня, я вѣщаль: „Въ пучинахъ морскихъ опшщу жестокаго, дабы съединилъ меня съ милымъ сердцу! Чшо днесъ осшалось мнѣ на землѣ и въ жизни?“

„Съ разшерзаннымъ сердцемъ пошекъ я среди мраковъ ночи къ берегу морскому; но дорогою услышаль вздохи и жалобные вопли въ хижинѣ. Я вошелъ, думая найши въ ней шоварища моей горести.“

„Боже! Какое зрѣлище представилось очамъ моимъ! Женщина, лежа на землѣ, шерзала себѣ грудь и власы; а пяшero дѣшей вокругъ нея съ рыданіемъ умоляли о кускѣ насущнаго хлѣба. Сшарець, шрепещущій и согбенный лѣшами, споялъ поодаль. Я содрогнулся. Пошомъ спросиль о причинѣ ихъ плача.“

„При послѣдней бурѣ“ — вѣщаль спарець — „море пошлоило вмѣстѣ съ ладією и мужа сей женщины, моего сына. Одинъ богашый человекъ, у кошораго занялъ онъ деньги для своего пушешествія, перебуешъ ихъ шеперь назадъ; и какъ мы не въ силахъ заплашишь, шо онъ взялъ у насъ все, что мы имѣли, а завпра выгонишь насъ изъ хижины, если голодъ не освободишь насъ прежде ошъ сего бѣдствія.“

„Почшо же вы не пошли къ Эглону, Судіѣ въ Газѣ?“ спросиль я. Тушь машь опверзла усша и вѣщала: „Эглонъ живешъ въ чершогохъ; Эглонъ счашпливѣйшій въ шстранѣ сей!“ — „Сверхъ шого — присовокупиль спарець — „долгъ сей справедливъ и самъ Эглонъ призналъ его шаковымъ.“

„Боже небесный! — возкликнулъ я. — Гдѣ правосудіе швое, Эглонъ? — И я осшался у нихъ въ рыбачьей куцѣ и, подкрѣпивъ ихъ пищею, сказалъ имъ на другое ушро: „Вы зрише предъ собою Эглona, Судю Газы; идите въ домъ мой — шамъ найдеше помощь и правосудіе.“

„Друзья мои! Съ шѣхъ цорь, познавъ самага себя и проникнувъ въ хижины бѣдности, соблюдалъ я истинное правосудіе. Такъ я на землѣ наслаждался, страдалъ и дѣйствовалъ! Въ наслажденіи, смерть являлась мнѣ Ангеломъ-губителемъ; когда негодовалъ я на спраданія, она казалась мнѣ грознымъ спражемъ, подающимъ узнику роковую чашу; — но теперь я вижу въ ней друга, ведущаго меня къ любви моей!“

При сихъ словахъ онъ приникъ лицомъ къ изголовью и скончался.

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мое уединеніе.

Опъ свѣша вдалекѣ
Я моему Пенасу
Нашель просую хашу
Въ пусынномъ чердакѣ.
Здѣсь лѣспница крушая,
Со входа по спѣнѣ
Улишкой зависая,
Въ пошьмахъ ведеть ко мнѣ.
Годовъ угрюмой Геній
Съ нея перилы снялъ
И пняжкія ступени
Избилъ и раскачалъ;
Но зная пушь Парнасской
Опъ юношескихъ лѣшъ,
Съ ея вершины тряской
Не падаетъ Поэшь.
Подъ нимъ дрожатъ ступени
И нѣма со всѣхъ споронъ;
Но вѣрно ходишь онъ
Къ своей любимой сѣни.

Благодарю боговъ!
Въ моемъ уединенѣ
Свобода — рай пѣвцовъ,
Живое размышленье
И пищина шрудовъ.

Умѣренность благая
Пріюшь мой убрала:
Здѣсь роскошь выписная
Пріема не нашла.
Завѣсою богашой
Не занавѣшенъ свѣшъ;
Поль шашкой и покашой
Коврами не одѣшъ;
Ни бронзы драгоцѣнной,
Ни зеркаль, ни картинъ:
Все бѣдно и смиренно,
Какъ сирый Фебовъ сынъ.
У стѣнки некрасивой
Споишь мой столъ простой,
Хранишель молчаливой
Всего, что Геній мой,
Мечташель говорливой,
Досужною порой
Пѣвцу-Анахорешу
Наединѣ внушилъ
И строго запрешилъ
Казашъ слѣпому свѣшу.
Предъ нимъ моя рука
Широкими рядами
Изъ полокъ, межъ стѣнами
И вверхъ до пополка,
Пріюшь уединенный
Соорудила вамъ,
О Рускія Камены,
Священныя вѣкамъ!

Ты здѣсь, во славу зримый
 Снѣговъ полярныхъ сынь,
 Пѣвецъ непобѣдимый
 И Геній-исполнѣнь,
 Ошважный, какъ свобода,
 И быспрый, какъ перунь!
 Ты спроень, какъ Природа,
 Какъ небо, вѣчно юнь! —
 И ты, кумирь Поэша
 Съ высокою душой,
 Какъ яркая комеша
 Горящей полосой
 На Рускомъ небосклонѣ
 Возникшій въ дни побѣдъ
 И мудрую на тронѣ
 Прославившій Поэшь!
 Твой голосъ величавый
 Гремишь изъ рода въ родъ
 И вѣчно не замрешь
 Въ устахъ полночной славы. —
 И ты, любимый сынъ
 Фаншазіи чудесной,
 Пѣвецъ любви небесной
 И Сѣверныхъ дружинъ;
 То нѣжный и прекрасный,
 Какъ сердца первый жаръ;
 То смѣлый и ужасный,
 Какъ мщенія ударъ!
 Твой гласъ душъ унылой,
 Какъ Ангела привѣшь,
 Внушаетъ тайной силой
 Надежду въ моръ бѣдъ;

Въ спрдаальцѣ оживляешь
Покорность Небесамъ
И грустный забываешь,
Что онъ еще — не шамъ! —
Пишомцы вдохновенья!
Вы здѣсь, и Геній мой
Мірскія наслажденья
Съ мірскою суешой
Презришельно бросаешь
Предъ Музою во прахъ
И зря, какъ ваеъ вѣнчаешь
Безмерпіе въ вѣкахъ,
Приподнимаешь крылы
И чувствуешь въ крилахъ
Торжешвенныя силы.

Счастливъ, кто жребій свой
Изъ урны роковой
Самъ избиралъ и вынулъ
И шумный свѣтъ покинулъ
Для неизмѣнныхъ благъ!
Умѣреннымъ богашый,
Въ тиши укромной хашы,
Въ спасительныхъ шрудахъ,
Онъ дни свои проводишь
Съ волшебницей-мечшой;
За славою не ходишь
И незнакомъ съ молвой.
Безвѣспность золошая
Хранишь его ошъ бѣдъ
И ласковая спая
Докучливыхъ суешъ

Ненужнаго для свѣша
Не вызовешъ на свѣшъ. —
О боги! кровь Поэша
Да будешъ вѣчно шихъ!
Я не ищу фортуны,
Ни почешей мѣрскихъ;
Труды, безвѣстность, спруны —
Блаженство дней моихъ.
А ты, моя свобода,
Храни души покой;
Мнѣ Музы и Природа
Прекраснѣе съ шобой;
Съ шобой мечшы живѣе,
Отважнѣй думъ полешъ
И пѣснь моя звучнѣе;
Съ шобою — я Поэшь!

Н. Языковъ.

Д е р ш ь.

Ж е н щ и н ы.

Предавшись милому обману,
Пришомъ спрашась и шолковъ злыхъ,
Всѣ наши женщины похожи на Діану
Въ любовныхъ подвигахъ своихъ.
За взглядъ нескромный Акшеона
Ему до смерти мешашъ онѣ
И — обольщашъ въ тишинѣ
Безпечнаго Эндиміона.

В. Туманскій.

Печашашъ позволяешся: Маія 23-го дня, 1823 года.
Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXI.

П Р О З А.

П р и т ѣ и.

(Продолженіе.)

4.

Сонъ Сократа.

Насталъ пошъ день, въ который Сократъ долженъ былъ испить роковую чашу. Уже, рано поуспру, любимые ученики собрались вокругъ него. Въ уныломъ безмолвіи спояли они у одра спокойнаго спарца; иные проливали слезы.

Мудрый спрадалецъ, приподнявъ главу, въцалъ: „Почшо сіе важное молчаніе, мои возлюбленные? Я расскажу вамъ нѣчто веселое; расскажу видѣніе, въ минувшую ночь мнѣ приснившееся.“

„И пы могъ спать и видѣшь даже сны веселые?“ — сказаль добродушный *Аполлодоръ*. — „Я всю ночь не смыкаль очей моихъ.“

„Добрый *Аполлодоръ*“ — отвѣщивоваль Сократъ съ улыбкою. — „Какую цѣну имѣла бы прошекшая жизнь моя, еслибъ она не усладила послѣдняго сна моего?“

Ужели не увѣренъ ты, Аполлодоръ, что я посвящилъ ее любви небесной? “

Многіе голоса пронумой признашельности были утвердительнымъ отвѣтомъ. — Аполлодоръ, безмолвствуя, могъ отвѣчать лишь двумя слезами.

„Такъ!“ — продолжалъ Сократъ — „кто посвящаетъ жизнь свою служенію небесной любви, тому испосылаетъ она Харисы прелестныхъ: онѣ шайно и незримо украшаютъ блескомъ неба и облакаютъ въ амброзическое благоуханіе всѣ часы его жизни, какъ часы радости, такъ и спраданія.“

„Но сіи прелестныя сестры болѣе всего заботятся объ немъ въ послѣдній часъ его жизни. Ибо часъ сей важнѣе другихъ и имѣетъ большую нужду въ свѣтѣ небесномъ. Такъ послѣдній часъ умирающаго дня есть прекраснѣйшій: заря вечерняя обшекаетъ его, подобно пурпурному попоку свѣта изъ Элизіума.“

„Но за нею слѣдуетъ мрачная ночь“, — прервалъ его спокойный Ксенофонъ.

„Для нашего только полушарія.“ — возразилъ Сократъ. — „Наша заря вечерняя не есть ли утренняя заря для другой половины міра?“

„Итакъ внимлише, мои милые!“ — продолжалъ Сократъ. „Поелику *царство тьней*, такъ называемое смертными, скоро содѣлается для меня *царствомъ свѣта*, (такъ будушь называть его души опочившихъ) и я ближе къ нему, нежели вы всѣ; по и рѣчь моя, можешь бышь, возвѣстишь вамъ много новаго. Итакъ внимлише!“

„Самыя Харисы оспавляютъ своего любимца въ послѣдній часъ его; ибо онѣ, предшесвуя ему, приго-

шворяють для него жизнь небесную, украсивши земную. Но онъ не оставляетъ его безъ помощи: онъ ниспосылають умирающему прехъ Геніевъ, украшенныхъ небесною прелестію.“

„И сіи Посланики суть: *Сонъ*, веселый братъ и вмѣстѣ радостный образъ Ангела смерти; *Греза*, изображеніе протекшей жизни и предвѣспница другаго міра, парящая посреди обоихъ — и за ними шествуетъ *Ангель смерти*, лучезарнѣе и прекраснѣе своихъ спутниковъ. — Такъ! Аполлдоръ — первые не оставляли меня въ последнюю ночь, а послѣдній являлся издали. Ужели мнѣ спрашивать его приближенія? Я жду его съ нетерпѣніемъ.“

Очи пшомцевъ знаменитаго мудреца наполнились слезами и унылая тишина воцарилась въ шемницѣ.

По долгомъ молчаніи Сократъ продолжалъ: „Едва не забылъ я рассказать вамъ о самомъ видѣніи! Сонъ разсыпалъ на меня щедрою рукою свои усыпительныя зерна и, правду сказать, я нуждался въ силахъ къ тому подвигу, который днесь долженъ я буду совершить, съ душою бодрою и веселою. Но въ объятіяхъ бальзамическаго сна подкрѣпилъ я не одиѣ плесныя силы: благошворный Морфей просвѣтилъ и духовное око мое.“

„Тутъ прекрасный юноша подошелъ ко мнѣ. На лицѣ его царствовали тихое спокойствіе и ясная важность, достойныя сего небеснаго видѣнія. Въ десницѣ держалъ онъ горящій пламянникъ; багряный вѣщъ онаго, подобно вечерней зарѣ, разлился по мраку шемницы моей.“

„Чѣмъ пріяшше и радостнѣе являлся для меня сіяющій образъ юноши, шѣмъ унылѣе и мрачнѣе казалась мнѣ ночь шемницы мой.“

„Тогда небесный юноша мало по малу преклонялъ къ землѣ свой пламяникъ. Я простеръ, казалось, къ нему руки, зывая: „Что ты предприемлешь?“

„Я погашаю пламяникъ!“ — отвѣчалъ онъ.“

„Ахъ! оставь его! — умолялъ я видѣніе — „онъ проливаешь ушѣшищельный свѣтъ на унылый мракъ шемницы.“

„Эшо пламяникъ жизни земной!“ — отвѣчалъ онъ съ улыбкою. „Онъ уже болѣе шеебъ не нуженъ; ибо какъ скоро онъ пошухнешъ, земное око швое закроется на вѣки и ты воспаришь со мною объ руку къ лучшему міру, гдѣ озаришь шеебя сіяніе чистое, вѣчное! На что шеебъ днесъ еще пламяникъ земный, въ самомъ себѣ сгарающій?“

„О! шакъ пошуми его скорѣе! — возкликнулъ я и — проснулся. Я былъ еще въ шемницѣ. Ахъ! почшо было сіе одно лишь сновидѣніе? — думалъ я самъ въ себѣ. Но, смощрише! — Мнѣ несущъ уже чашу, кошпорая обратишь его въ истину.“

Тюремный спражъ вошелъ съ опрокомъ, державшимъ чашу съ ядомъ. Вопли учениковъ Сократа раздались по шемницѣ. И шюремный спражъ проливалъ слезы умиленія.

Гиллель и Маймонъ или искушеніе Божіе.

Мудрый Гиллель, наснавникъ младаго Маймона, радовался уму и прекраснымъ качествамъ своего питомца;

но вскорѣ узналъ, что юноша, слѣпкомъ падясь на свою мудрость, совершенно пренебрегаетъ молитвою. Ибо Маймонъ думалъ самъ въ себя: „Къ чему молитва? Ужели Всевѣдущему нужны слова наши, чтобы помогать намъ? Въ такомъ случаѣ Онъ былъ бы подобенъ намъ, сынамъ праха. Ужели человѣческія моленія и воздыханія могутъ переменить судьбы Предвѣчнаго? Ужели Премудрый не спанетъ Самъ ниспосылая намъ добраго и полезнаго?“

Таковы были сужденія юноши.

Но Гиллель сокрушался душою, что Маймонъ почтипаетъ себя мудре Слова Божія и рѣшился вывести его изъ заблужденія.

Маймонъ, пришедъ однажды въ садъ своего насажденника, заспалъ его сѣдаяго подъ нѣвною пальмовыхъ деревьевъ и опирающагося главою на длани. — „О чемъ ты размышляешь, Гиллель?“ — спросилъ его юноша.

„Я имѣлъ друга,“ — отвѣщивовалъ насажденникъ — „жившаго произведеніями земли своей, щедро вознаграждавшей труды его. Но теперь онъ бросилъ плугъ и борону, надясь, что пашня безъ воздѣлыванія будетъ приносить плоды. Увы! сколь ошибается человекъ сей! Онъ впадаетъ въ крайнюю бѣдность.“

„Не завладѣло ли уныніе душою его или не лишился ли онъ разума?“ — спросилъ юноша.

„Ни то, ни другое!“ — отвѣчалъ Гиллель. — „Онъ крошечкаго нрава и хорошо насавленъ въ Божественной и человѣческой мудрости; но говоритъ: „Господь всемилосливъ. Онъ легко можетъ мнѣ давать пищу: почто преклоняю мнѣ главу къ землѣ и работаю въ пощѣ“

лица моего? Господь всемилосливъ: Онъ prospреть надо мнсю благоу десницу и благословишь домъ мой!“ — Можно ли прошивуръчишь ему?“

„Какъ?“ — возразилъ юноша — „не значишь ли эшо искушаешь Господа Бога? Развѣ ты не шакъ училъ меня?“

„Я посшараюсь вывешти его изъ заблужденія.“ — сказалъ Гиммель съ улыбкою. — „Ты, любезный Маймонъ, ты шощь самый другъ, о кошоромъ говорю.“

„Я?“ — спросилъ юноша, ужаснувшись. Но спарецъ продолжалъ съ кротостію: „Не искушаешь ли и ты Господа? Развѣ молишва значишь менѣе, нежели работа? Духовный даръ не превосходитѣ ли плода полевого? И Тошъ, Кошорый повелѣваешь шобъ преклоняшь главу къ землѣ для приобрѣшенія земнаго плода, — не Тошъ ли Онъ самый, Кошорый велишь шобъ возносишь, главу шивою къ Небу, для обрѣшенія плода небеснаго? — Ахъ! сынъ мой! — будь смиренъ, вѣрь и молися!“

Такъ вѣщаль благочешивый наставникъ и возрѣль на небо. Вмѣспѣ съ нимъ и юноша вознесъ свои очи горъ и помоллился Всемогущему.

6.

Розовая почка.

Мальчикъ, стоя у розоваго куша, съ распусшивши-мися цвѣтами и почками, размашприваль съ рѣзвою радостію шо одну, шо другую розу; шо нѣжные листки, шо неразвернувшіяся почки. Ошець, сида въ шѣвнешной бесѣдкѣ, смошрѣль на него издали. Взоръ его покоился съ какимъ-шо неизъяснимымъ восшоргомъ на любимца своего сердца. „Мнѣ слышишся“ — говорилъ

онъ самъ себѣ — „какъ будто шепчетъ мнѣ изъ розоваго куста пророческій гласъ: не зришь ли въ почкахъ и цвѣсахъ изображеніе грядущихъ родительскихъ радостей? — Не оиъ сего ли опрокъ кажешся мнѣ прекраснѣе и драгоцѣннѣе у куста съ цвѣтущими розами?“

Такъ говорилъ отецъ; но мальчикъ не переставалъ разсмапривать и удивляться прекраснымъ цвѣтамъ. Удивленіе изящному рождаетъ любовь къ испинѣ. Опрокъ хопѣлъ узнать, какъ изъ почки образуешся роза и, сложивъ руки, неподвижнымъ взоромъ смопрѣлъ на почку. Отецъ улыбался. Такъ улыбающся, можешъ бышь, сущесства высшія, видя, что мудрецъ земли успремляешъ вооруженное око на звѣзду или во внутренность насѣкомаго.

Мальчикъ скоро узналъ, что всѣ спаранія его щипены. Наконецъ, сорвавъ почку, раскрылъ ее и разсмапривалъ со вниманіемъ внутренность ея. Отецъ, подошедъ къ нему, спросилъ: „О чемъ размышляешъ пышноль важно, сынъ мой?“

„Ахъ! бапюшка!“ — опвѣшесповалъ мальчикъ — „мнѣ весьма хопѣлось узнать, какимъ образомъ почка дѣлаешся розою, и пошому я сорвалъ и распустилъ ее; но нашель одни лишь некрасивые листочки съ складками и морщинами. Ахъ! я вѣрно повредилъ ихъ!“

„Ничего, сынъ мой!“ — возразилъ отецъ — „Природа шворипъ въ изобиліи. Она заботипся не только о нашихъ нуждахъ, но и объ удовольвореніи нашихъ удовольснвій и любопытства. Ты по крайней мѣрѣ

сегодня научился тому, что не легко проникать в тайны Природы.“

„Но я через то не сдѣлался умнѣе,“ — сказалъ мальчикъ.

„Это правда; но по крайней мѣрѣ ты имѣлъ искреннее намѣреніе, сдѣлаешься умнѣе. Доброе намѣреніе само собою уже похвально. Успѣхъ не всегда зависитъ отъ челоуѣка. Положимъ, что и увѣнчаемся онымъ; но и тогда добрая воля все еще осмѣется нашимъ лучшимъ удѣломъ.“

„Такъ скажите же мнѣ, бапюшка!“ — сказалъ мальчикъ по крашкѣ молчаніи: — „какимъ образомъ почка дѣлается розою?“

„Я могу только сказать тебѣ въ трехъ словахъ, что дѣлается: почка возрастаетъ, величиною, красою и прелестію, до надлежащаго совершенства. Все прочее споль же мало извѣстно мнѣ, какъ и тебѣ. Природа являетъ намъ совершенно-изящное; но скрываетъ руку, копорою производитъ его.“

Мальчикъ, снова поднявъ сорванную почку, сказалъ: „Когда почка можетъ такъ прекрасно образоваться, прекраснѣе всего, что производишь рука челоуѣческая; — то зачѣмъ она не можетъ защитить себя противъ слабаго перста младенца? — Зачѣмъ можетъ она споль много и вмѣстѣ споль мало?“

„Ужели она сама собою образовалась, сынъ мой?“ — спросилъ отецъ, взглянувъ на него съ улыбкою.

„О! вѣрно и цвѣшны — (опившисшвовалъ опрокъ) — какъ мы, имѣющъ манеры и опца, кошорые ихъ рашяпъ, пишающъ и ледюющъ!“

„Одного Опца съ нами! — възкликнулъ пронупый отецъ — „но мы не видѣмъ Его; мы чувствуемъ только могущество и любовь Его въ насъ самихъ и вокругъ насъ!

Такъ вѣщаль отецъ. Въ мальчикѣ пробудилось какое-то новое чувство; ибо отецъ вложилъ ему сокровище въ сердце.

Съ того времени смотрѣлъ онъ на розовый кустъ и на полевые цвѣты, какъ на мирныя, сродныя ему существа и возраспалъ мужествомъ, мудростию и красотою.

Отецъ пересказалъ весь разговоръ сей нѣжной мащери опрока.

„Сколь тѣсно иногда сближается“ — говорила она — „невинная простота съ высочайшею испиною!“

(Окананіе впредь.)

Отрывки изъ Записокъ Г-жи Кампанъ. (*)

Королева *Марія Антуанетта* родилась, какъ извѣстно, въ самый день Лиссабонскаго землетрясенія. Сіе странное снеченіе обезпокоительствъ возбуждало въ ней прискорбныя воспоминанія, хошя впрочемъ Государыня сія никогда не была суевѣрною. Извѣстный *Гасснеръ* находился въ Вѣнѣ, въ шо время, какъ она была помолвлена за Дофина. Императрица *Марія Терезія*, копорая смѣялась надъ мечпаніями сего мнимаго прорицателя, но любила иногда съ нимъ разговаривать, спросила его однажды: „Скажице: будешъ ли счастлива моя *Антуанетта*?“ *Гасснеръ* казался смущеннымъ и сохранялъ молчаніе. Когдажъ Императрица наспопательно пребывала ошвѣпа; шо оцъ сказалъ: „Государыня! Каждый изъ насъ имѣешъ свой крестъ!“ — По случаю бракосочетанія Королевы съ *Людвикомъ XVI*, сожженъ былъ въ Парижѣ великолѣпный фейерверкъ. Многочисленное снеченіе народа превосходило всякое описаніе; мѣры, приняшыя для сохраненія порядка, были весьма слабы и недоспапочноы и — нѣсколько сощъ человекъ лишились присемъ жизни! — Сіе подало поводъ къ множеству печальныхъ и шрогашельныхъ сценъ, изъ коихъ одна заслуживаетъ особенное примѣчаніе. Въ необозри-

(*) Г-жа *Кампанъ* находилась при покойной Королевѣ Французской *Маріи Антуанеттѣ*, въ званіи первой Камеръ-Фрау и пользовалась особенною ея довѣренностію. Записки ея, недавно напечатанныя въ Парижѣ, содержатъ въ себѣ множество любопытныхъ анекдотовъ. Мы надѣемся угодишь нашимъ Читайтелямъ, сообщивъ имъ нѣкоторыя опривки изъ сей занимательной книги. *Изд.*

мой полкъ людей, кои, шѣсими будучи со всѣхъ споронъ лошадами и экипажами, укрылись во рвы, окружавшіе площадь, находился одинъ молодой человекъ съ своею невѣстою. Они уже нѣсколько лѣтъ любили другъ друга; но обстоятельства преняспововали досель ихъ союзу. Наконецъ, всѣ затрудненія исчезли и — на другой день праздника должныспововали они всупить въ бракъ. Молодой человекъ по подавалъ руку прекрасной своей подругѣ, по шелъ впередъ, очищая ей дорогу въ волнующейся толпѣ. Но крикъ и шумъ, опасность и смяшеніе умножались ежеминушно. „Послѣднія силы меня оспавляютъ,“ сказала невѣста. „Я не могу ийти далѣ.“ — „Есть еще средство:“ отвѣчалъ женихъ, „садись ко мнѣ на плеча.“ Молодой человекъ чувствувешъ, что совѣтъ его былъ исполненъ и желаніе, спасши свою любезную, придаешъ ему новыя силы. Съ великимъ шрудомъ прочищаетъ онъ себѣ дорогу и наконецъ, послѣ многихъ толчковъ и запыхавшись отъ ушомшельнаго напряженія, освобождается онъ изъ толпы и выходитъ на край площади. Здѣсь слагаетъ онъ сладкое свое бремя; сажаетъ прекрасную спутницу на первую скамью; съ воспоргомъ въ душѣ обращаетъ къ ней свои взоры и — видитъ, что это была не она! — Другая женщина воспользовалась благонамѣреннымъ его совѣтомъ, между шѣмъ какъ несчастная невѣста его испустила послѣднее дыханіе!

Въ послѣднія минуты *Людовика XV*, всѣ знатныя особы собрались во дворецъ и наполняли внутреннія комнаты. Многочисленный народъ толпился вокругъ. Съ каждымъ мгновеніемъ ожидали извѣстія о кончинѣ

Короля. Дофинъ и прочіе Принцы и Принцессы вознамѣрились осматривъ дворець въ ту самую минуту, когда объявлять имъ объ оной. Законы приличія запрещали однакожь, давашь какія-либо почныя повеленія на счещъ ихъ опрѣзда, пока Король находился еще въ живыхъ. Для сего-то Шшальмейстеры уговорились съ людьми, бывшими въ комнашѣ Е. В-ва, чшобы сін послѣдніе постшавили на окно горящую свѣчу и — потушили оную, какъ скоро Король скончасшея По прешествіи королскаго времени, свѣча была погашена. По сему знаку, Шшальмейстеры, дежурные Офицеры и Пажи сѣли на лошадей своихъ; а экипажи, находившіеся уже въ готовности, были подвезены. — Дофинъ осматривался между шѣмъ въ комнашахъ своей супруги. Ужасный и почти громоподобный шумъ раздался въ ближней залѣ: это была шолпа Придворныхъ, кои стѣшили прешествовашъ новаго своего Монарха. *Людвикъ XVI* и супруга его узнали, чшо съ сей минушы началось ихъ Царствование. По вѣкошерому невольному движенію, пропущшему всѣхъ присушествовавшихъ, упали оба они на колѣна и, со слезами на глазахъ, воскликнули: „Боже! Буди нашимъ душеводителемъ и защитникомъ! Мы слишкомъ молоды вступаемъ въ Правленіе!“

Людвикъ XVI, будучи Дофиномъ, оказывалъ совершенное равнодушіе къ своей супругѣ. Въ послѣдствіи уже, по вступленіи его на престоль, умѣла она пріобрѣсти его привязанность. — Въ первое время глубокаго шраура, когда всѣ другія разсѣянія почишались неозволишельными, предложилъ онъ ей прогуливашься

по садамъ Шуази. Высокіе супруги вышли изъ дворца своего съ малочисленною свитною и Король велъ Королеву подъ руку. Примѣръ сей произвелъ столь сильное дѣйствіе на Придворныхъ, что на другой же день многіе мужья, кои нѣсколько лѣтъ находились въ явномъ несогласіи съ своими супругами, появились съ ними на террасѣ и дружескиенно прогуливались, по цѣлымъ часамъ, рука съ рукою!

По смерти *Людвика XV*, Дворъ переехалъ, на нѣкоторое время, въ небольшой охотничій домъ, находившійся въ Булонскомъ лѣсу. Здѣсь-то, въ назначенный для сего день, предшавлялись Ихъ В-вамъ всѣ Дамы, имѣвшія пріѣздъ ко Двору. Каждая изъ нихъ почтнула обязанностію, принеся свои поздравленія новымъ Государямъ. Самыя старыя изъявляли при семъ случаѣ такую же гоповность и усердіе, какъ и самыя молодыя. Маленькіе черные чепцы съ большими крыльями придавали нѣкоторымъ изъ первыхъ довольно смѣшной видъ; но *Марія Антуанетта*, коей всѣ поступки означены были понкимъ чувствомъ приличія, сохраняла всю свою важность и достоинство. Къ несчастію, легкомысленная шушка одной изъ Придворныхъ Дамъ подвергла Королеву незаслуженному порицанію. Это была Маркиза *Клермонъ-Тоннеръ*, которая, по обязанности своего званія, должна была стоять за стуломъ Ея В-ва. Продолжительная церемонія ушомла ея силы и Маркиза нашла гораздо покойнѣе, сѣсть на полъ. Присемъ скрылась она за нѣкоторый родъ снѣны, которую составляли фижмы Королевы и прочихъ присутствовавшихъ Дамъ. Но чтобы обратить на себя вниманіе

сихъ послѣднихъ, дергала она ихъ за плащѣ и смѣшила пошомъ гримасами, всякаго рода. Дѣшская сія шалость соснабляла разительный контрастъ съ пишиною и важностію, кои господствовали во всей залѣ. Сама Королева не могла воздержаться опъ смѣха и нѣсколько разъ закрывала себѣ лицо вѣромъ. Эшаго было уже довольно, чшобы возбудишь прошивъ нея снрогій приговоръ пожилыхъ Дамъ. Онѣ единогласно рѣшили: чшо Королева издѣвается надъ почтенными особами, кои представлялись ей съ шакимъ усердіемъ; чшо она любитъ однѣхъ шолько молодыхъ женщинъ; чшо нарушаетъ самыя обыкновенныя правила присшойности и приличія и — чшо ни одна изъ нихъ не возвратишся болѣе ко Двору. — Враги *Маріи Антуанетты* воспользовались даже симъ случаемъ, дабы, на другой же день, сочинишь на счепъ ея весьма оскорбительную пѣсню.

(Прод. въ слѣдующ. No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Капля.

(Восточный Апологъ.)

Съ лазурныхъ нивъ упала капля въ море.
Къ кому приспашь? Сироткѣ бѣдной горе!
Но на нее взглянулъ дня свѣшлый богъ —
И взглядъ его былъ ей надеждъ залогъ.
Ее сокрылъ онъ въ раковинѣ скудной
И съ каплею свершился жребій чудной:
Богатый перль, дождавшись лучшихъ дней,
Блесшишь она въ вѣицѣ Царя Царей!

*

Умѣй терпѣшь! Придешь награды время:
Въ смиреніи величья зрѣешь сѣмя.

К. Вяземскій.

Вопль души.

*„Господи Боже спасенія моего! Во дни воззвахъ и
въ нощи предъ Тобою; . . . яко животъ мой аду при-
ближися . . .“*

Я умираю опъ шоски! . . .
Ко мнѣ, мой Боже, пришеки!
Души усшалою гибнушь силы;
Огонь очей пошухъ въ слезахъ
И жажду я, въ моихъ бѣдахъ,
Какъ ложа брачнаго — могилы! . . .
Я, въ море брошенный пловець,
Тону въ волнахъ моей печали.
Услышь послѣдній гласъ, Творецъ!
Успя, изсохнувъ, замолчали;

Тоска въ душѣ, какъ зной, кипишь;
Но сердце въ грусти не молчишь:
Спрадая, какъ дыня больное,
Оно, безъ мыслей, вопіешь
И плачемъ дѣтскимъ, *все родное*
Безъ словъ, шоской къ себѣ зовешь! . . .
Но нѣтъ мнѣ на землѣ роднаго!
Ошъ неба Твоего свяшаго
Одной себѣ опрады жду!
Въ груди пожаръ; кругомъ тревоги;
Колочій шернь изъѣлъ мнѣ ноги;
Едва бользенный, иду
Въ безвѣстный цушь, чрезъ знойны снечи —
И смушны ды за мной, какъ цѣпи! . . .
Какъ грушенъ грушнымъ Божій свѣщъ! —
Но для души моей несчастной
На всей землѣ Твоей прекрасной,
Творецъ! ужель опрады нѣтъ?
Подай знакомую мнѣ руку!
Любви дыханьемъ подкрѣпи:
Тогда снесу я жизни муку;
Скажу душѣ моей: „Терпи!“ —

Ө. Глинка.

17-го Февраля, 1823.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXII.

П Р О З А.

П р и т ѣ и.

(Окончаніе.)

7.

Давидова арфа.

Давидъ, Царь Израильскій, сидѣлъ однажды на вы-
соцѣ Сіона. Глава его склонялась къ арфѣ, безмолвно
у ногъ его споявшей.

Гадъ, Пророкъ Израиля, подошедъ къ нему, спросилъ:
„О чемъ ты думаешь, Царь?“

„О непосшоянной судьбинѣ моей!“ — отвѣчалъ
ему Давидъ. — „Сколько Гимновъ благодарности и
радости и вмѣстѣ сколько пѣсней печали и сокрушенія
извлекались изъ струнъ моей арфы!“

„Да будешь ты подобенъ арфѣ!“ — вѣщалъ Пророкъ.

„Что значатъ слова сіи?“ — спросилъ Царь.

„Горестишь и радостишь“ — отвѣщившовавъ Пророкъ —
„извлекали изъ струнъ швоей арфы звуки небесныя:
шакъ печаль и радости да настрояшь сердце и жизнь
швою къ арфѣ небесной!“

Давидъ всшалъ и грянулъ въ струны.

Совершенство.

Амосъ, посѣдивъ однажды друга своего Бильдада, засталъ его опирающаго съдую главу о длань и горько плачущаго.

„О чемъ ты сокрушаешься?“ — спросилъ его Амосъ.

Бильдадъ безмолвно указалъ на одръ, гдѣ находился трупъ юности, единственнаго сына его, умерщвленнаго язвою. „Смошри!“ — говорилъ онъ — „Вопшь надежда моя — добыча плѣнія!“

„Надежда швоя миновалась;“ — отвѣщивовалъ Амосъ — „но Ввра можешъ ушѣшашъ себя въ горесши.“

„Увы! Ввра безильна съ шѣхъ поръ, какъ Любовь и Надежда моя разрушились;“ — проспоналъ Бильдадъ. — „Не образовалъ ли, не лелѣялъ ли я щасельною рукою прекрасныя дарованія опрока? — И днесъ, когда оныя съ каждымъ днемъ приближались уже къ совершеншву“ . . . Пошоки слезъ прервали рѣчь горяющаго.

„Бильдадъ! — сказалъ Амосъ послѣ долгаго молчанія. — „Ты сокрушаешься о томъ, что не могъ довершишь своего шворенія. — Какъ? Бильдадъ! Ужели вѣчная Любовь, вдохнувшая въ опрока душу и дарованія, — ужели не довершишь она шого, что сю начашо?“

Мшистая роза.

Геній, хранящій цвѣшы и въ шихую ночь окропляющій ихъ прохладною росою, дремалъ въ одно весеннее ушро, подъ шѣнію розоваго кушпа.

Пробудившись, сказалъ онъ съ видомъ, исполненнымъ веселія: „Прекраснѣйшее изъ чадъ моихъ! Благодарю тебя за оживительное благоуханіе и прохладную тѣнь твою! Въщай! Недоспаешь ли что у тебя? Я съ радостію исполню твою просьбу.“

„Укрась меня новою прелестію!“ — умолялъ его розовый кустъ.

И Геній цвѣшовъ облекъ любимое чадо свое въ одежду изъ проспаго моха.

Сколь прелестно возсіяла, въ скромномъ семь нарядѣ, *листая роза*, прекраснѣйшая въ своемъ родѣ!

Прелестная Аделаида! Сбрось ослѣпляющія блески и дорогіе камни и слѣдуй мановенію махери-Природы!

10.

Роза и лилія.

Мальвина стояла съ ошцемъ своимъ у лиліи, процвѣтавшей подъ розовымъ кустомъ. Съ яркою бѣлизною, подобно лучу дневному, возносился прекрасный цвѣтъ, съ главою ошверзшою и благовонною.

Надъ нею висѣла распутившаяся, полная роза и разливала багряное сіяніе на серебристыя листочки лиліи, — и благоуханія ихъ сливались.

„О! какой прекрасной союзъ!“ — возкликнула Мальвина и склонилась главою къ цвѣшамъ.

„Эшо союзъ невинности и любви!“ — сказалъ опецъ.

Тутъ подошелъ къ нимъ Оскаръ, скромный другъ Мальвины. Нѣжный пурпуръ разлился по ланишамъ дѣвы, подобно ошблеску розы на листахъ лиліи.

Отецъ, взглянувъ на дочь свою, сказалъ: „Не правда ли, Мальвина, что цѣсны имѣющъ также и языкъ свой и значеніе?“

„Но только для невинности и любви!“ — примолвилъ Оскаръ.

В. Тило.

Отрывки изъ Записокъ Г-жи Кампанъ.

(Продолженіе.)

Г-жа *Бертенъ* имѣла тогда извѣстнѣйшій модный магазинъ въ Парижѣ и почиталась какъ бы преобразовательницею Дамскаго туалета. Герцогиня *Орлеанская* представила ее Королевы и вскоре Г-жа *Бертенъ* присоединена была къ Шашу Предворныхъ служителей, съ титуломъ *Медиетки Ея Величества*. Общественности сіе имѣло для Королевы весьма невыгодныя послѣдствія. Дешевъ ошличалась она прошлагою въ своей одеждѣ; но съ сего времени наряды здѣлались однимъ изъ главныхъ ея заботъ. Разумѣется, что всѣ знатныя Дамы послѣдовали ея примѣру: каждая изъ нихъ желала имѣть такіе же уборы, такіе же цѣсны и перья, какія видѣла на Королевы. Расходы молодыхъ женщинъ увеличились до безконечности; нѣкошорыя изъ нихъ — наиболее легкомысленныя — входили въ долги; мужья и машеры роптали; новыя несогласія возникали въ семействахъ; многие супруги охладѣли другъ къ другу, а нѣкошорыя и совсѣмъ принуждены были расстаться. Враги Королевы приписывали все сіе бѣдственному ея примѣру. — Во всѣхъ женскихъ нарядахъ произошла существенная перемена. Головные

уборы, опть соединенія флера, цвѣповъ и перьевъ, достигли шакой вышины, что Дамы не находили болѣе каретъ, въ коихъ бы свободно могли помѣститься. Нѣкоторыя изъ нихъ принуждены были наклонять голову впередъ; другія смотрѣли въ окно, во все время, пока онѣ ѣхали; иныя наконецъ спановились въ каретѣ на колѣни, дабы не повредишь смѣшнаго зданія, воздвигнушаго на ихъ головѣ. Современные Писатели сьраведливо замѣтили, что если бы Мода сія была продолжительною, то оная произвела бы существенную перемѣну въ Архипешкурѣ. Всѣ двери въ комнашахъ, Театральныя ложи и проч. надлежало бы дѣлать гораздо выше.

Спрожайшій эпикетъ господствовалъ въ уборной Ея В-ва; на все были извѣстныя, неизмѣнныя правила. Когда Королева одѣвалась; то главныя дѣйствующія лица были присемь дежурная Шпашевъ-Дама и Камеръ-Фрейлина (*), а имъ уже помогали одна старшая и двѣ младшихъ Камеръ-Фрау. Но и между обязанностями первыхъ находилось существенное различіе: одна (т. е. Шпашевъ-Дама) подавала Королевѣ рубашку и воду для мытья рукъ, а другая надѣвала на нее плашь. Но если при семъ случаѣ находилась Принцесса крови; то Шпашевъ-Дама уступала ей свои права, не иначе однакожъ, какъ

(*) Такъ перевели мы выраженіе: Dame d'Atours; ибо права и обязанности сихъ Дамъ были почти тѣ же, кои при другихъ Дворахъ присвоены Камеръ-Фрейлинамъ. Главное различіе состояло въ томъ, что Dame d'Atours могла бышь и замужняя. К.

чрезъ посредничество первой Камеръ-Фрау. Обычаи сіи наблюдались въ спрочайшей точности; ибо каждая изъ сихъ Дамъ почитала оныя принадлежащими къ ея правамъ. — Однажды, посреди зимы, случилось, что Королева была уже совсѣмъ раздѣша и я пригошвила для нея свѣжее бѣлье. Въ эту самую минушу входить Шшашсъ-Дама, поспѣшно скидаешъ свою перчатку и беретъ у меня рубашку. Между шѣмъ ошворяешся дверь; входить Герцогиня *Орлеанская* и сѣвшишъ воспользовашъя своимъ правомъ. Но эшикешъ запрещаетъ Шшашсъ-Дамѣ, подаетъ рубашку самой Герцогинѣ; она подаетъ оную мнѣ, а я вручаю Принцессѣ. Въ эту минушу опять ошворяешся дверь; входить Графиня *Прованская*, супруга Королевскаго брата и — Герцогиня *Орлеанская* находишся принужденною, уступить ей свое право. Между шѣмъ бѣдная *Марія Антуанетта* стояла съ сложенными на крестѣ руками и дрожала отъ холоду. Графиня *Прованская* сжалилась надъ ея положеніемъ; вопреки эшикешу, не скинула своихъ перчатокъ; поспѣшно набросила на нее рубашку и — испортила весь головной уборъ. Королева засмѣялась, дабы скрышъ свою досаду; но сказала сквозь зубы: „Какъ эшо несносно! Какъ эшо шягосшно!“

Беременность Королевы произвела всеобщую и живѣйшую радость. Ея В-во почувствовало первыя боли 11-го Декабря 1778-го года. Всѣ особы Королевскаго Дома, Принцы крови и Верховные Чиновники Двора собрались во дворецъ 18-го числа и проводили

шамъ всю ночь. Принцесса, нынѣшняя Герцогиня *Ангулемская*, произведена на свѣшь 19-го Декабря, около полудня. Сшаринный обычай, допускашь въ комнату Королевы, при разрѣшеніи ея ошъ бремени, всѣхъ любопытныхъ, безъ различія званія и соспоянія, соблюденъ былъ и при семъ случаѣ и, можно сказашь, съ излишнею шочностію. Едва Аккушёръ *Вермонъ* успѣлъ сказашь: „Королева разрѣшилась“, какъ многочисленная толпа людей вломилась въ комнату и припомъ съ шакимъ шумомъ, кошорый едва не споиль ей жизни. Король, предвидѣвшій сіе обстоятельство, заблаговременно приказаль, укрѣпиль веревками огромныя ширмы, кои со всѣхъ спорошь окружали постелю Королевы. Безъ сей предосторожности, оныя были бы конечно опрокинушы. — Комната Ея В-ва до шакой степени наполнилась людьми всякаго званія, что въ оной нельзи было повернушь. Казалось, что мы находились на большой публичной площади. Два Савояра, безъ всякихъ околичностей, взмошились на мебели, дабы шѣмъ удобнѣе видѣшь Королеву, коей кровашъ стояла противъ камина. Сія шумная толпа, а можешъ бышь и кака-нибудь ошибка со спороши Аккушѣра, зашруднила — на нѣкоторое время — обыкновенныя послѣдствія разрѣшенія. Кровь подпялась у ней въ голову; судорожныя движенія обезобразили лицо; испуганный *Вермонъ* кричалъ: „Королевѣ нуженъ воздухъ! Теплой воды! Надобно пустишь ей кровь изъ ноги!“ По причинѣ холоднаго времени года, окна замазаны были бумагою; но Король ошвориль ихъ съ шакою силою, кошорую одна шолько нѣжность къ супругѣ своей могла ему придашь. Прин-

цесса *Ламбалль* (*) упала въ обморокъ и была вынесена изъ комнаты. — Послѣ кровопусканія, Королева пришла въ себя. Между тѣмъ толпа любопытныхъ не думала еще удалиться изъ комнаты. Надлежало наконецъ употребить силу, дабы разогнать оную. — Впрочемъ, при семъ случаѣ, шягосшный сей обычай былъ навсегда опмѣненъ. (**)

Во время жестокой зимы 1783-го и 1784-го годовъ выдалъ Король, для пособія бѣднымъ, 3 милліона изъ собственной своей казны. Королева опказывала себѣ въ обыкновенныхъ увеселеніяхъ, дабы сбереженные чрезъ шо деньги употребить для сей же цѣли. Желая дать своимъ дѣтямъ полезный урокъ въ благошворительности, приказала она мнѣ, призвать изъ Парижа купца съ игрушками и выбрать лучшія, пославши оныя, на канунъ Новаго года, въ ея кабинетъ. Когда сіе было исполнено; шо Королева взяла за руку дѣшей своихъ и показавъ имъ красивыя куколки и Механическія вещицы, прибавила: „Я имѣла намѣреніе,

(*) *Марія Терезія Луиза Бурбонъ-Пантвевръ*, Принцесса *Ламбалль*, урожденная Принцесса *Кариньянъ-Савойская*, была въ сіе время Оберъ-Гофмейшпринною Французскаго Двора и искреннимъ другомъ несчастливой Королевы. Усердная приверженность къ Бурбонскому Дому стоила ей жизни. Сія почтенная и добродѣтельная женщина, чуждая всѣхъ честолюбивыхъ видовъ и извѣстная народу своими благошвореніями, пала ошъ руки убійць въ Сеншябрѣ 1792-го года. К.

(**) Оный былъ однакожь возобновленъ въ новѣйшія времена, при разрѣшеніи ошъ бремени Герцогини *Берри*. К.

подарить вамъ это для Новаго года; но бѣдные такъ нынѣ спрадужь ошъ жестокой зимы, что я употребила всѣ свои деньги, дабы снабдить ихъ хлѣбомъ, платьемъ и дровами. И такъ вамъ осшаешся на эшошъ разъ одно только удовольствіе — посмошрѣшь на сіи новыя игрушки.“ — Когда Королева ошвела назадъ дѣшей своихъ; шо, обращаясь ко мнѣ, сказала: „Я должна однакожь здѣлашь маленькую издержку, кошорую нахожу необходимою. Конечно многія машери постушили сегодня такъ же, какъ и я. Но зачѣмъ и купцу оставашься въ накладѣ?“ — Королева приказала выдать сему послѣднему 50 луидоровъ, дабы вознаградишь его за расходы, причиненныя пупешесшвіемъ и вмѣстѣ упшшшить въ шошь, что шовары его ошшались нераспроданными.

Земскіе Чины собрались. Несогласія, вскорѣ возникшія между разными Сословіями, произвели живѣйшія опасенія въ Ихъ В-вахъ и во всѣхъ приверженцахъ Монархіи. Королева поздно ложилась въ постелю или, лучше сказать, сія несчастная Государыня, не имѣла ни минушы покоя. Въ одинъ вечеръ, въ послѣднихъ числахъ Маія, сидѣла она въ своей комнашъ и рассказывала мнѣ разныя досшопамяшныя происшешвія, случившіяся въ теченіе дня. Чешыре восковыя свѣчи горѣли на шуалешъ. Вдругъ одна изъ нихъ погасла. Я поспшшила засвѣшшшь оную; но вскорѣ пошухли еще двѣ. Сіе произвело невольный ужась въ Королевѣ. „Несчастіе,“ сказала она, пожимая мнѣ руку, „можешъ здѣлашь насъ суевѣрными. Если эша чешвертая свѣча погаснешъ, подобно шремъ первымъ; шо

признаюсь, что я почту сіе худымъ предзнаменованіемъ.“ Случилось, что она дѣйствительно погасла. Мы поспѣшили замѣшить Королевѣ, что свѣчи сіи были вѣроятно вылиты въ одной формѣ и имѣли какой-нибудь общій недоспашокъ; ибо она догарала до извѣснаго шолько мѣста и угасала въ шомъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ были засвѣчены.

Депушаты Гражданскаго Сословія прибыли въ Версаль, съ самыми неблагопріятными предубѣжденіями противъ Двора. Злонамѣренныя клеветы легко распространились изъ Парижа въ провинціи. Помянушые Депушаты, повѣривъ онымъ, воображали, что Король любивъ до излишества лакомый шполь, а Королева истощаетъ Государственную Казну, для удовлетворенія неумѣренной своей роскоши. Почши всѣ они хотѣли видѣть Малый Трианонъ, гдѣ Дворъ имѣлъ шогда свое пребываніе. Совершенная простота сего увеселишельнаго дома совсѣмъ не соотвѣшествовала ихъ ожиданіямъ. Нѣкошорые думали, что великолѣпнѣйшія комнашы были ошъ нихъ скрышы и шребовали ошъ Надзирашелей, показашъ имъ всѣ безъ исключенія. Они упоминали между прочимъ объ одной комнашѣ, кошорая, по ихъ мнѣнію, украшена была драгоцѣнными камнями и вишыми шполпами, въ коихъ блишали сафиры и яхоншы! Когда рассказывали Королевѣ о сей мнимой пышности; шю она долго не могла придумашъ, что подало поводъ къ шполь шельному слуху. Она говорила о шомъ Королю; а сей, судя по описанію, кошорое дѣлали Депушаты Надзирашелямъ Трианона, заключалъ, что они искали

великолѣпной декораціи, здѣланной при Людовикѣ XV для Фоншенеблоскаго Театра. (Оная сосостояла, какъ извѣстно, изъ искусственныхъ алмазовъ). Легко могло спастись, что Гвардейцы, кои получивъ отпускъ, возвращались въ свои дома, рассказывали о всемъ, видѣнномъ ими при Дворѣ, съ неумѣреннымъ увеличеніемъ и вводили чрезъ то въ заблужденіе легковѣрныхъ своихъ согражданъ.

Въ Маршѣ погожъ года начала Королева заниматься пригошвленіями къ своему опѣзду. Въ печеніе сего мѣсяца была я при ней дежурною и имѣла множество довѣренныхъ порученій, относительно къ сему путешествію. Я съ прискорбіемъ видѣла всѣ сіи предосторожности, кои казались мнѣ столь же излишними, какъ и опасными. Я осмѣлилась замѣнить, что Королева Французская повсюду найдешь себѣ плашье и бѣлье. Но предшавленія мои были безплодны: она хотѣла имѣть въ Брюсселѣ полный гардеробъ, какъ для себя, шакъ и для дѣшей. Я ходила по городу и исправляла всѣ сіи покупки, одна и закушанная такимъ образомъ, чпобы меня не узнали. У одной швен заказывала я полдюжины рубашекъ, у другой еще полдюжины и ш. д. Сестра моя пригошвила полный гардеробъ для Принцессы, по мѣркѣ своей дочери; а я ошдавала шинь плашье для Дофина, по мѣркѣ моего сына. Королева непремѣнно хотѣла взять свою дорожную шкашулку. Она была довольно велика; а пошому и казалось труднымъ, вынести оную неприемъшнымъ образомъ. Я съ швердоспію прошивилась сему намѣренію; но никакъ не могла убѣдиль Королеву.

Чтожь было послѣдствіемъ? Одна изъ служительницъ, давно уже находившаяся при гардеробѣ Ея В-ва и впрочемъ извѣстная безпорочносію своего поведенія, успѣшила донести погдашнему Меру *Метину* о сихъ тайныхъ, но не довольно скрытыхъ приговорахъ.

(Окончаніе впродъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С т а н с ы .

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.

*

Вѣрь потѣ надеждъ обольщающей,
Кипю бодръ душою. бодръ умомъ;
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ Судьбой насмѣшливой знакомъ.

*

Надѣйся, юноши кипящіе!
Летише: крылья вамъ даны!
Для васъ — и замыслы блестящіе
И сердца пламенные сны!

*

Но вы судьбину испытавшіе,
Тщесу утѣхъ, печали власшь;
Вы, знанье бышя принявшіе,
Себѣ на шягостную часшь!

*

Гоните прочь ихъ рой прельстительный!
Такъ! Доживайше жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

*

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ шрупы мершвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встающъ со скрежешомъ зубовъ; —

*

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснешесь только для сшраданія,
Для боли тяжкой прежнихъ ранъ.

Баратынскій.

Къ Сидевиллю.

Переводъ. (*)

Ты мнѣ велишь пылашь душою;
Ошдай же мнѣ любви дни
И мой закашъ соедини
Съ моею ушренной зарёю!
Я бросилъ Вакховы края,
Эроша вѣшренное племя;
Ошъ нихъ безжалосшное время
Уводишь за руку меня.

Кто удержишь его посмѣешь?
Нѣшь! Покоряюся ему —
И жишь перадосшно шому,
Кшо жишь по лѣшамъ не умѣешь.

Ошавимъ юношамъ — вино,
Зашти, игры, заблужденья!
Мы только два живемъ мгновенья:
Пусть будетъ мудросши одно!

(*) И очень близкой, извѣстныхъ стиховъ:

Si vous voulez, que j'aime encore. Изд.

Иль навсегда вы убъжали,
Безпечность, радость ошь меня?
Въ васъ находилъ ошраду я
Въ моей довѣрчивой печали.

Ахъ! дважды ждешъ кончина насъ:
Забышь любовь, не бышь любимымъ, —
Вошь смерть съ мученьемъ несперпимымъ!
Окончишь дни — ошрадный часъ!

Такъ я оплакивалъ измѣну
Мяшежныхъ, юношескихъ дней
И жизни невозвращной цѣну
Какъ будшо чувствовалъ живѣй.

Тогда съ небесъ своихъ неожиданно
На гласъ мой дружба низошла:
Она душѣ непостоянной
Ошрадна, какъ любовь была.

Прельщенный гостъею моею,
И свѣшомъ озарень ея,
Пошелъ за ней; но плакалъ я,
Чшо могъ ищши я лишь за нею.

1822.

В. Тургеневъ

К. А. О. Ш й.

Вашъ мужъ меня пожаловалъ въ Поэша.
Скажишежь: можноль мнѣ,
Въ день Вашихъ именинь, явишься безъ куплета?
Нѣшь, нѣшь! хошь объ одной спрунѣ

Моя златая лира;
Но можно, право, и на ней
Желашь Вамъ, нѣжная *Пльмира* —
На дню сно радостей, а въ жизни сполько дней,
Чтобъ отъ дѣшей-дѣшей
Дождашься взрослыхъ ужь людей!

Головинъ.

Въ Стихопвореніи *Кн. Вяземскаго*: *Мои желанія*,
помѣщенномъ въ *Новостяхъ Литт.*, No. XVII, стр.
59-я, по ошибкѣ переписчика, во второмъ куплетѣ
пропущенъ *шестой* стихъ. Долгомъ почишаемъ пере-
печатывать здѣсь послѣднюю половину сего куплета,
въ наспоющемъ онаго видѣ:

За трапезой хлѣбъ-соль протая,
Съ приправой ласкъ молодой жены;
Въ подвалѣ, господь съ холмовъ Токал,
Душиспный вѣшникъ спарины.

Печаташь позволяешя: Юня 7-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. *Бируковъ*.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXIII.

П Р О З А.

Отрывки изъ Записокъ Г-жи Кампанъ.

(Окончаніе.)

Послѣ несчастнаго путешествія въ Вареннѣ, пришла я къ Королевѣ по утру, въ ту самую минуту, когда она вспавала съ постели. Въ лицѣ ея не замѣтила я большой перемѣны. Но *Марія Антуанетта*, сказавъ мнѣ по обыкновенію нѣсколько ласковыхъ словъ, сняла свой чепецъ и я съ удивленіемъ и ужасомъ увидѣла, что волосы ея, *въ одну ночь*, посѣдѣли отъ печали. Засимъ Королева показала мнѣ кольцо, которое хотѣла она подарить Принцессѣ *Ламбаль*. Оно внутри раскрывалось и заключало въ себѣ локонъ сихъ волосъ, съ надписью вокругъ: „*Несчастіе заставило ихъ посѣдѣть.*“

Ея В-во призвала меня въ свой кабинетъ и объявила, что имѣешь большую нужду въ моемъ пособіи. Сіе касалось до переговоровъ, кои производила она въ сіе время съ Г-мн *Барнавомъ*, *Дюпоромъ* и Александромъ *Ламетомъ*. Королева сказала мнѣ между прочимъ, что *Барнавъ* есть человекъ, достойный вся-

каго уваженія. Это меня удивило; ибо при отъездѣ моемъ изъ Парижа, слышала я о немъ многіе, весьма неблагопріятныя отзывы. Я сообщила сіе замѣчаніе Королевѣ; она не могла скрыть своего изумленія, но прибавила, что сей молодой человекъ перемѣнился въ свою пользу. „Онъ имѣетъ острый умъ и благородныя чувства (говорила она) и принадлежитъ къ тому классу людей, кои оплачиваются превосходнымъ воспитаніемъ и умѣютъ цѣнить свое достоинство, но которыхъ честолюбіе вводитъ иногда въ заблужденіе. Нѣкоторое чувство гордости, коего не могу я осуждать въ человекѣ средняго Сословія, заставило его одобрить все, что только открываетъ путь къ славѣ и чести для того сословія, въ коемъ онъ родился. Если когда-нибудь обстоятельство перемѣнится въ нашу пользу; то мы конечно не забудемъ *Барнава*.“ Столь благопріятное мнѣніе и жаръ, съ коимъ Королева защищала оное, приводилъ меня въ безпрестанно большее изумленіе. *Марія Антуанетта* вывела меня изъ онаго, рассказавъ нѣкоторыя подробности путешествія своего изъ Варенна въ Парижъ. Въ самомъ дѣлѣ, поведеніе *Барнава* при семъ случаѣ было весьма похвально, между тѣмъ какъ Республиканская грубость *Петіона* оскорбляла ея чувствительность. Сей послѣдній, находясь въ Королевской каретѣ, ѣлъ и пилъ во все время съ величайшею неопытностію; бросалъ, мимо Короля, оглоданныя кости и не думалъ поблагодарить Принцессу *Елисавету*, когда Ея Высочество налила ему рюмку вина. Всѣ сіи оскорбительныя неучливости были преднамѣренныя; ибо *Петіонъ* не былъ впрочемъ человекъ безъ воспитанія. Поведеніе

его возбудило, по словам Королевы, живѣйшее негодованіе въ *Барнавѣ*. — *Людвигъ XVI* начиналъ говорить съ *Петіономъ* о наспоющемъ положеніи Франціи и о необходимости, дать надлежащую силу исполнительній власти. *Петіонъ* ошвѣчалъ на сіе въ сноль грубыхъ и дерзкихъ выраженіяхъ, что Король переспалъ говорить и до самаго Парижа сохранялъ глубокое молчаніе. — Маленькій *Дофинь* сидѣлъ на колѣняхъ у Мера. Сей послѣдній вздумалъ играть прекрасными его, бѣлокурыми волосами и обривалъ оныя около своихъ пальцевъ. Въ жару разговора забылся онъ до такой степени, что *Дофинь* началъ кричать. „Ондайше мнѣ моего сына,“ сказала тогда Королева. „Онъ совсѣмъ не привыкъ къ такимъ ласкамъ.“

Ихъ В-ва оспанавливались въ Вареннѣ, у шамшняго Мера, именемъ *Соса*. Эшо былъ купецъ, торговавшій мѣлочными шоварами. Король долго съ нимъ разговаривалъ о причинахъ, побудившихъ его ошавить Парижъ. Онъ спарался доказать полезность сей мѣры, при коей дѣйствительно не имѣлъ другой цѣли, кромѣ благоденствія своихъ подданныхъ. Эшошъ человекъ могъ бы спасти Короля. — *Марія Антуанетта* сидѣла посреди лавки, между двумя кипами свѣчь и разговаривала съ хозяйкою. — Казалось, что Г-жа *Сосъ* имѣла первенство въ домѣ. Муж посматривалъ на нее ошъ времени до времени, какъ бы испрашивая ея совѣша. Трогательныя прозбы Королевы не могли убѣдить жестокосердой хозяйки. „Чего Вы шребуешѣ? Государыня!“ говорила она.

„Положеніе Ваше конечно печально; но Вы сами видите, что всякое пособіе съ нашей стороны было бы опасно для моего мужа. Ему пошчасъ опрубяшь голову! А жена прежде всего должна печься о своемъ мужѣ.“ — „Не спорю!“ возразила Королева. „Но вспомните, что супругъ мой вашъ Государь, что онъ долго былъ блюстителемъ вашего благоденствія и желаетъ бытъ имъ и впередъ.“ Г-жа *Сось* опять начала говорить объ опасностяхъ, коимъ подвергался ея мужъ. Въ эту минушу прибыли Королевскіе Адъютанты и — возвращеніе въ Парижъ было положено. Старшая Камеръ-Фрау Дефина, надѣясь, что при нѣкоторомъ замедленіи, Г. *Буллье* подоспѣетъ съ войсками, бросилась въ посшелю и говорила, что спраждаетъ жестокою коликою. Она испускала жалобные крики и казалась умирающею. Королева пошчасъ пришла къ ней. Сія Дама съ чувствомъ пожала ей руку и шѣмъ дала ей замѣшить свою невинную хитрость. Ея В-во говорила, что не можешь оставишь въ такомъ состояніи женщину, которая привнесла ей столь важную жертву, послѣдовавъ ей добровольно въ семь опасномъ пушешествіи. Но сей невинный обманъ былъ вскорѣ проникнушь и — опъѣздъ Ихъ В-въ воспослѣдовалъ немедленно.

Однажды, когда неисшовая толпа народа проникла во внушреннія комнаты Тюльерійскаго Дворца, одна ревностная Якобинка остановилась предъ Королевою и осмыала ее ужаснѣйшими укоризнами. Ея В-во спросила эту женщину: видала ли она ее прежде? „Нѣтъ!“ отвѣчала она. „Скажи мнѣ: (продолжала

Королева) не имѣешь ли шы на меня какого-нибудь личнаго неудовольствія?“— „О нѣтъ!“ возразила сія женщина; „но Вы причину народныхъ бѣдствій.“— „Тебѣ эшо сказывали (ошвѣчала *Марія Антуанетта*); но тебя обманули. Будучи супругою Короля вашего и машерью Дофина, я испиная Француженка; я не увижу болѣе моего ошечества и полько во Франціи могу бышь счастливою или несчастливою. Я и была счастлива, когда вы меня любили.“ Сіи слова до шакой спешени распрогали ожеспоченную Республиканку. чшо она начала плакать, просила у Королевы прощенія и сказала ей: „Я Васъ не знала; но шеперь я вижу, чшо Вы имѣете доброе сердце.“

Геркуланъ и Помпея.

(Изъ Н. Friedländer's Ansichten von Italien.)

Посвящено отъ Переводчика доброму своему шестю и дядь почтеннаго Автора, Г. Доктору Медицины *Иоахиму Фридендеру* въ Бродахъ, чшо въ Галлиціи.

Геркуланъ и Помпея! Какіе звуки для Сѣвернаго слуха! Какія мѣсна изящныхъ наслажденій! Оныя были бы достпащочны для привлеченія путешешвенниковъ въ Италію, если бы прекрасная сія страна и не заключала въ себѣ другихъ достопамятностей. — Мы шри раза посѣщали Помпею. Посѣшшимъ оживишь воспоминанія наши въ слѣдующемъ, крапкомъ описаніи.

Когда отъ *Torre dell' Annunziata* (чшо въ 10-ти миляхъ отъ Неаполя) поворошите на одну милю въ спорону; по первый предметъ, предспавающійся взору, ешь шакъ называемое *Казино* или *Вилла Аріева*. Чшо оная принадлежала сему, впрочемъ неизвѣсшному челоувѣку, — сіе заключаюшь изъ нѣкопрыхъ надгробныхъ камней, находящихся въ окрешностяхъ. Желашельно было бы, отккрышь въ сихъ мѣстахъ слѣды *Цицероновой*. Изъ сочиненій его извѣсно, чшо онъ весьма любилъ свой *Помпеанумъ*. — *Вилла Аріева* содержишь въ себѣ множешво небольшихъ комнашь. Наибольшее вниманіе заслуживаюшь бани, расположенныя съ удобностію и опдѣланныя въ изящнѣйшемъ вкусѣ. По различнымъ градусамъ шемпературы и дабы переходъ изъ шеплой бани (*calidarium*) на свѣжій воздухъ не причинялъ вреда

здоровью, — каждый купавшійся могъ выбратьъ для себя комнапку и поспешенно переходить изъ теплаго въ холодный, а пошомъ въ уборной покой (Teridarium, Frigidarium и Apydytarium). — Сады, принадлежащій къ сей Виллѣ, окруженъ прекраснымъ поршикомъ, подъ сѣнію коего древніе обитатели конечно искали защиты отъ полдневнаго зноя. Подъ симъ поршикомъ находящяся обширныя погреба. Вдоль одной каменной стѣны виденъ длинный рядъ амфоръ (глиняныхъ сосудовъ), кои нынѣ, вмѣсто спараго вина, наполнены Вулканическимъ пепломъ. — При взрываніяхъ найдены здѣсь два женскіе скелета, а близъ ворошь еще два. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ держалъ въ рукѣ ключъ, а другой кошелекъ. Внезапная погибель постигла сихъ женщинъ живыми, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ покоились усопшіе ихъ предки. Вдоль всей дороги, до самыхъ ворошь Помпейскихъ, возвышающяся съ обѣихъ сторонъ красивыя гробницы. Здѣсь также виденъ сшоль, окруженный каменными скамьями. На немъ совершались нѣкогда семейныя пиршества и приносились жертвы, въ воспоминаніе умершихъ. Особеннаго вниманія заслуживающъ — прекрасная гробница *Аллея-Либела* и богато украшенныя памятники *Мануція Фауста* и *Неволи Тихи*. Какъ ижеженъ барельефъ, представляющій сію женщину, въ лодкѣ, управляемой печальными Геніями! — Одна гробница, имѣющая видъ башни, не менѣе привлекательна. Внутренность ея украшена живописью, копорая почти изгладилась отъ времени и сырости. На ней примѣтны однакожь слѣды дельфиновъ, кои имѣли въ Древности счастливѣйшее зна-

менованіе. (*) — Засимъ слѣдують надгробные памятники *Амиліата* и *Жрицы Маміи*. Сей послѣдній слугишь не только вмѣстилищемъ ея праха, но и пріятнымъ мѣстомъ отдохновенія для путешественниковъ: предъ гробницею возвышася прекрасная, полукруглая скамья, а позади ея находишя надпись: *Mammae P. F., Sacerdoti publicae locus sepulturae, datus Decurionum Decreto.* — Въ сей же гробницѣ найдена стекляная урна съ пепломъ; а въ 1812-мъ году вырышь, неподалеку отъ нея, скелеть съ кошелькомъ въ рукахъ, въ коемъ находилось 69 золотыхъ и 120 серебряныхъ монеть.

Улицы древняго города довольно узки. Посреди ихъ прямыши глубокіе слѣды колесъ; а по обѣимъ сторонамъ находяшя прощшвары для пѣшеходцовъ. Безкровельные дома стоятъ рядомъ одинъ подлѣ другаго и ясно показывають первобытное свое назначеніе и промышленность древнихъ обиташелей. — Не шрудно еще распознать лавки, гдѣ продавались нѣкогда пряныя коренья и благовонныя вещества. Въ снѣжнахъ вмазаны большіе кувшны; а на мраморныхъ плисахъ осшались слѣды сшоявшей на нихъ посуды. Чицероне нашъ, указывая на одинъ изъ сихъ домовъ, возкликнулъ: „Ecco la Caffeteria di Pompeja!“ (Вотъ кофейный домъ Помпейскій!) Можно шакже видѣшь ручныя мельницы, печи хлѣбниковъ и множество разныхъ надписей, начертанныхъ на снѣжнахъ. Здѣсь

(*) Древніе думали, что дельфины, на хребтахъ своихъ, переносили шѣла умершихъ въ обиташель вѣчнаго блаженства.

недостаешь — однихъ только жипелей; но отсутствіе ихъ кажется какъ бы временнымъ. Мы однакожь воспользуемся имъ, дабы проникнуть во внутренность домовъ. Они вообще имѣють выходъ на дворъ, окружаемый галлереею. Полы выложены Мозаикою, а стѣны расписаны яркими и довольно еще свѣжими красками. Особливо прельстили насъ комнаты въ одномъ домѣ, на стѣнахъ коего, съ великимъ искусствомъ, изображены нѣкоторыя сцены изъ *Овидіевыхъ Превращеній*. — Госпепріимное *Saloe!* привѣтствуетъ насъ у многихъ дверей; а вкусъ, пышность и веселіе дышуть, кажется, во всякомъ уголкѣ.

Изъ числа публичныхъ зданій посѣтили мы во первыхъ храмъ *Изиды*. Мы вошли въ преддверіе, окруженное столпами Дорического Ордена. Въ самомъ храмѣ возвышаются при жертвенника и одинъ припшоръ, на стѣнахъ коего изображены, лепною работою, разныя эмблемы Египетскаго богослуженія. Здѣсь же находится выходъ къ источнику, въ коемъ жрецы *Изиды* совершали умовеніе. — Пройдя сего храма существуетъ и шеверъ небольшой каналъ, проведенный въ 15-мъ столѣтіи изъ рѣки Сарны, по приказанію Графа Николая *д'Алани* и для удобнѣйшихъ сношеній съ оружейнымъ заводомъ въ *Torre dell' Annunziata*. Странно, что при семъ случаѣ Помпея не была еще открыта. — Изъ преддверія помпанскаго храма ведетъ небольшая лѣстница во внутренность онаго. Здѣсь видны камни, на коихъ стояли нѣкогда статуи. Посреди храма устроено нѣкошораго рода возвышеніе; на немъ, какъ должно полагашь, находилось изображеніе богини.

Нигдѣ не можно получитьь сколько яснаго понятія объ устроеніи древнихъ Театровъ, какъ въ Помпеи, гдѣ и понынѣ сохранились два, почти въ совершенной цѣлости. Мы съ подробностію могли разсмотрѣть всѣ ихъ части Cavea, Оркестръ, Proscenium, сцену съ премея выходами (*) и Postscenium. Одно изъ сихъ зданій гораздо менѣе другаго и можешь бытъ служило *Одеономъ* (**), или употреблялось для однихъ только пробныхъ представлений. — Позади большаго Театра находилась площадь, окруженная галлереею и имѣющая видъ продолговатаго чепвероугольника. Дорическія колонны сей галлерей здѣланы изъ кирпича, съ разноцвѣтными украшеніями, кои придають имъ весьма пріятный видъ. Площадь сія извѣстна подъ названіемъ *Солдатской*; ибо полагають, что въ маленькихъ комнашкахъ, находящихся подъ поршикомъ, жили нѣкогда Помпейскіе воины. Имъ же приписываются имена и другія надписи, начертанныя на стѣнахъ галлерей, по большей части безъ всякаго искусства и старанія. Но одно мѣсто въ сочиненіяхъ *Витрувія* заставляетъ думать, что площадь сія имѣла совсѣмъ дру-

(*) Среднія двери назывались у Древнихъ *Valvae Regiae*, ибо служили только для входа и выхода владѣтельныхъ особъ. Боковыя двери назывались *Hospitalia*.

(**) Подъ именемъ *Одеона* разумѣли Древніе то зданіе, которое назначено было для состязанія Спихотворцевъ и Музыкантовъ, также и для предварительнаго чтенія новыхъ Драмаическихкихъ пьесъ, кои подвергались здѣсь суду Публики, прежде, нежели отдаваемы были на Театръ.

гое назначеніе. Сей Писатель именно совѣдуетъ, построишь позади Театра открытую галерею, въ коей бы народъ, въ ненастную погоду, могъ найтисебѣ пристанище и которая бы представляла также обширное мѣсто, для расположенія Хора (*). Легко можешь спастись, что здѣсь послѣдовали его совѣту.

Въ семъ достопамятномъ городѣ не можно почти здѣлать шагу безъ того, чтобы чему-нибудь не научился, чѣмъ-нибудь воспользоваться. Дѣятельность Древнихъ и любовь ихъ къ изящному являющаяся здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Самое прилѣжное чтеніе ученыхъ Антикваріевъ не можешь предсказать намъ столь живаго понятія о временахъ отдаленныхъ, какое приобретаемъ мы здѣсь, чрезъ одно, почти минушное созерцаніе.

(Окончаніе въ слѣдующ. No.)

(*) Vitruvii lib. V, Cap. 9.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ночь на Средиземномъ морѣ,

19-го Юля, 1822-го года.

(Опрывокъ изъ моего путешествія.)

Ужь сумракъ ночи разшилялъ
Невидимыя крила;
Спражь молчаливо управлялъ
Движеніемъ кормила;
Лишь изрѣдка своимъ шестомъ
Компасу прикасался;
Почили спутники кругомъ —
И жребій всѣхъ оберегался
Одною опышною рукой.
Съ пушеводителя магнита
Онъ не спускаешъ взоръ нѣмой —
И мимо правишь ось граница,
Который выросъ подъ водой; —
И непримѣнно загоралась
Звѣзда въ слѣдъ за другой звѣздой
И ночь надъ бездною воцарялась . . .
Межъ нѣмъ Воспочная страна
Внезапнымъ свѣтомъ просіяла:
Какъ раскаленный шаръ, луна
Изъ моря тихо выплывала . . .
Чѣмъ болѣе она изъ воды
На небо возносилась; —
Тѣмъ болѣе съ голубыхъ вышъ
Свѣшляла и сребрилась —

И осіянная въ лучахъ,
Склоненная на волны,
Соорудила на спруяхъ
Алмазный столць огромный.
Съ чудесною картиной сей
Мой взоръ не разспавался;
Межъ тѣмъ ярче и ярчѣй
Сводъ неба разгарался —

И какъ великъ восторгъ былъ мой,
Когда я заняшый глубокою мечшою,
Склонившись съ палубы, увидѣлъ подь собою
Другія небеса и сонмъ свѣспилъ другой!
Ошвсюду солнцами и небомъ окруженный
Въ смяшеньи чувспвъ моихъ я мнилъ,
Чшо вдругъ съ землею разлученный
Бездонной вѣчноспи я въ Океанѣ плыль . . .

О, какъ люблю я восхищасься
Великолѣпною картиною небесъ!
Съ звѣздами пламенной душой люблю сливасься —
И прочъ ошъ сей юдоли слезъ,
Паришь на крыліяхъ безмершья,
Туда, въ лазоревую стѣнь!
Нѣшь! Не желалъ я долголѣшья
Въ спранѣ, гдѣ все, какъ дымъ и тѣнь!
Нѣшь! Никогда прелщень я не былъ здѣшнимъ
міромъ

И никогда я не былъ имъ любимъ;
Не преклонаяся я передъ его кумиромъ
Челомъ возвышеннымъ моимъ;
Мой гласъ ласкашельсшва не расшочаль предъ
нимъ!

Пороку я не улыбался,
Въ полпѣ Анахорешомъ жилъ;
Съ другой планеты я здѣсь брошеннымъ казался
И страннымъ существомъ для многихъ въ свѣшъ былъ.
Покрышый тайнымъ покрываломъ
Моихъ, несходныхъ съ ними думъ,
И духомъ возгордась божественнымъ началомъ,
Я презиралъ сей дольний шумъ . . .
Такъ! Съ свѣпомъ разлучень я вѣчною враждою —
И съ нимъ желѣзною спѣною
Насъ грозный опышъ раздѣлилъ!
.

Авр. Норовъ.

Милой дѣвѣ.

Твоею памяшью, улыбкою швоей
Повеселѣлъ мой уголокъ пустынной:
Повсюду шы со мной, со сладоспью очей,
Съ волшебствомъ усшъ и съ ласкою невинной.
Блаженъ, кто сохранилъ, какъ я, въ душѣ своей
Среди снѣговъ живое вдохновенье,
Надежду шихую среди печальныхъ дней
И образъ швой — въ любовь и въ ушѣшенье!

В. Тумановъ.

Вечерняя прогулка.

Элегія.

Бывало, въ юности моей,
Красы весеннія Природы,
Зари румяный блескъ, рѣки сребристы воды,
Въ лѣсу поющій соловей —
Все, все мнѣ душу восхищало,
И если горестъ крылась въ ней,
Меня прелесная Природа ушѣшала!

*

Теперь — душа моя увяла —
И меркнешъ неба ясный свѣтъ;
Не для меня весна цвѣтешъ:
Мнѣ осень ранняя настала!
Пріятные часы вечерней тишины
Не возбуждашъ во мнѣ угасшія мечтанья;
Счастливой юности прошли златые сны,
Исчезли всѣ очарованья! — —

*

Бывало, съ нѣжною душой,
Я былъ поклонникомъ прелесныхъ:
Въ нихъ видѣлъ Ангеловъ небесныхъ,
Ниспосланныхъ Творцомъ украсишь міръ земной,
Въ ихъ образѣ мои сбывалися мечтанья;
Я безъ надежды ихъ любилъ
И — наслажденье находилъ
Среди жеспокаго страданья!
Веселье и шоска, и страхъ и ожиданья
Сливались во мнѣ: я плакалъ и грусилъ;
Но вѣрно счастливѣе былъ! . . .

*

Теперь, съ унылою душой,
Смошрю я часто на прелесныхъ;
Какъ прежде вижу въ нихъ посланницъ я небесныхъ,
Но только ихъ крыло не вѣстъ надо мной!
Увы! Разсудокъ мой холодный
Могущество свое надъ сердцемъ утвердилъ
И къ размышленію ошкрывъ мнѣ путь свободный,
Ошрады пагубной, но сладостной лишилъ.
Часы счастливаго забвенья
Невозвращимо прошекли;
Фаншазію, любовь, даръ сладкій пѣснопѣнья —
Все, все съ собою увлекли.
Увижуль юныхъ дѣвъ, блестящихъ красою,
Плѣняющихъ умомъ, и нравомъ, и душою; —
Ихъ слово каждое, ихъ каждый скромный взоръ
Напоминашъ мнѣ судьбы жестокой приговоръ
И я невольную слезу отъ нихъ сокрою!

31-го Маія, 1823.

К.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXIV.

П Р О З А.

Привидѣніе въ Падерборнскомъ лѣсу.

(Подр. Англійскому.)

Въ то время, когда новѣйшіе успѣхи увеселительной Физики и очарованія Фаншасмагоріи мало еще были извѣсны въ Ирландіи, находились шамъ, въ одномъ приморскомъ городѣ, два Офицера, связанные между собою узами родства и дружбы. Оба они состояли на половинномъ жалованьи и пользовались всеми удовольствіями, кои представляла имъ молодость, пылкость характера и независимость ихъ положенія. Однажды, послѣ веселаго обѣда, за которымъ не щадили вина, опирались они на корабль, готовый къ отплытію въ Данцигъ. Тамъ посѣдили они знакомаго Капитана; должны были выпить еще нѣсколько рюмокъ, дабы пожелать ему счастливаго пути; заснули въ каютѣ и — никто не разбудилъ ихъ, когда корабль снялся съ якоря. — Наконецъ, Ирландцы наши проснулись и изъявили желаніе, возвратиться на отечественный берегъ; но жестокой Сѣверо-Западный вѣтръ дѣлалъ сіе невозможнымъ и они — прошивъ

воли своей — принуждены были продолжать сіе путешествіе. Впрочемъ, они не долго о томъ сокрушались: кошельки ихъ были полны, обязанности службы не удерживали ихъ въ Ирландіи, а сверхъ того вспомнили они, что имѣли родственника въ Шпешшинѣ, коего могли посѣнить при семъ случаѣ.

Умѣренный климатъ Саксоніи и гостепріимство ея обитателей понравились имъ до такой степени, что они предприняли обойти пѣшкомъ всю Германію. Рекомендательныя письма, коими снабдилъ ихъ упомянутый родственникъ, богатый и почешвый купецъ въ Шпешшинѣ, открывали имъ входъ въ лучшіе дома, почши во всѣхъ городахъ, которые они посѣщали. Благодаря веселому и опкровенному своему характеру, не только находили они дружественный пріемъ, но и вскорѣ пріобрѣтали искреннюю пріязнь своихъ хозяевъ.

Путешественники наши мало участвовали въ разговорахъ; ибо худо разумѣли по Нѣмецки и не всегда находили переводчиковъ. Но они шѣмъ не менѣ казались пріятными собесѣдниками; умножали шумную веселость дружескихъ обѣдовъ; шанцовали безъ усталости съ Германскими красавицами; охотно участвовали въ Музыкѣ и нерѣдко пѣли Ирландскія пѣсни, коихъ пріятные голоса плѣняли всѣхъ слушателей.

Однажды, когда находились они въ Падерборнѣ, все лучшее общество сего города съѣхалось на охоту. Прапорщикъ О. (одинъ изъ нашихъ Ирландцевъ) нашель въ числѣ егерей молодого челоуѣка, коего лицо показалось ему знакомымъ. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ его между музыкантами одного полка, въ кошоромъ

онъ служилъ. *О.* ушвердился въ семь мнѣнїи, когда замѣшилъ, что егеръ понимаетъ по Англійски. Онъ подозвалъ его къ себѣ; но сей увѣрялъ, что Прапорщикъ ошибаешься, что онъ никогда не былъ въ Ирландїи, что родился и воспитанъ въ Падерборнѣ и выучился Англійскому языку въ тамошней школѣ. „Опець мой,“ прибавилъ онъ, „назначалъ меня къ купеческому званію, и имѣя нѣкоторыя сношенія съ Британскими островами, желалъ, чтобы я занимался симъ языкомъ. Но обстоятельство лишили насъ всего имѣнїа и я принужденъ былъ искашь себѣ пропитанїа въ другомъ, болѣе скромномъ состоянїи.“ Всѣ сіи подробности удосповѣрили Прапорщика, что онъ дѣйствительно обманулся.

По окончанїи охоты, многочисленное общество возвратилось въ загородный домъ, гдѣ данъ былъ блистательный обѣдъ. Къ концу ешшла, разговоръ оживился необыкновеннымъ образомъ. Ирландцы наши замѣтили, что между собесѣдниками ихъ происходилъ жаркій споръ; но не понимали, что было предметомъ онаго. Наконецъ хозяева, проникнувъ ихъ любопытство, приказали позвать молодаго егеря, который бы могъ служишь имъ переводчикомъ. Сей послѣдній объявилъ имъ, что общество занимается разсужденїемъ о вопросѣ, который вѣроятно останется навсегда неразрѣшеннымъ: „Могутъ ли умершіе, въ какомъ-либо видѣ, являться живымъ?“ Мнѣнїя гостей были весьма различны; но всѣ они желали знать, что скажутъ о семъ чужестранцы. Прапорщикъ *О.* отвѣчалъ съ обыкновенною своею живоснїю, что онъ швердо увѣренъ въ невозможности шаковыхъ

явленій и что, въ доказательство сего, готовъ провесити цѣлую ночь на кладбищѣ или въ какомъ-либо мѣстѣ, гдѣ, по народнымъ преданіямъ, являюща мертвацы. Соопечественникъ его щещно убѣждалъ молодого своего друга, не подвергаться сему опыту; ибо, хоща онъ и самъ худо вѣрилъ привидѣніямъ, но боялся, чтобы живое и пылкое воображеніе его шоварища не сыграло съ нимъ шушки. Благонамѣренныя совѣты его не были однакожь уважены и Прапорщикъ швердо рѣшился доказать свою неустрашимость. Мѣстомъ опыта назначенъ былъ сосновый лѣсъ, въ небольшомъ разстояніи отъ дома. Должно замѣнить, что кладбище находилось на противуположной сторонѣ города, можешь бышь въ 3-хъ или въ 4-хъ (Англійскихъ) миляхъ отъ сего мѣста. Не смотря на то, между суевѣрными людьми существовало древнее преданіе, будто бы сей лѣсъ посѣщается мертвацами. Впрочемъ, общество не требовало, чтобы Прапорщикъ *О.* проводилъ тамъ всю ночь. Онъ принужденъ былъ напрошивъ дать слово, возвратишься чрезъ полчаса. Въ противномъ случаѣ, шоварищъ его, Поручикъ *М.*, рѣшился слѣдовать за нимъ, вмѣстѣ съ егеремъ: условіе, на которое *О.* согласился съ великимъ трудомъ.

Мы уже выше сказали, что Поручикъ также мало боялся привидѣній, какъ и его шоварищъ. Но онъ подозрѣвалъ, что въ семъ лѣсу укрывающа разбойники, кои, пользуясь народнымъ суевѣріемъ, нашли въ ономъ безопасное убѣжище. Посему и настоялъ онъ, чтобы Прапорщикъ взялъ съ собою саблю и пару заряженныхъ пистолешовъ. Сей послѣдній, для боль-

шей бодрости, выпилъ нѣсколько рюмокъ хорошаго вина и — отправился въ путь въ самую полночь.

Полчаса прошло; но онъ не возвращался. Поручикъ началъ беспокоиться и тотчасъ послалъ за егеремъ, дабы ийти съ нимъ въ лѣсъ. Сего молодого человѣка не вдругъ могли сыскашь: обстоятельство, которое умножило еще неперенѣніе Поручика. Наконецъ егеря явился и, съ фонаремъ въ рукахъ, повелъ его къ лѣсу. Вступивъ въ оной, началъ онъ звать своего повариха; но никто не отвѣчалъ ему. Совершенная тишина владычествовала между густыми деревьями. Но послѣ нѣкоторыхъ исканій, нашли они Прапорщика, лежавшаго на землѣ, холоднаго и лишеннаго чувствъ. Они подняли его и перенесли въ домъ. Тушъ оказались въ немъ жестокія конвульсіи. Хозяинъ послалъ тотчасъ за Докторомъ; а между тѣмъ больного раздѣли и положили въ постелю. Какъ скоро пришелъ онъ въ себя; но утверждалъ, что болѣзнь его была послѣдствіемъ пресуды. На другой день, онъ обратился все это происшествіе въ шутку и старался увѣрить друзей своихъ, что былъ совершенно здоровъ; но мутные глаза его и блѣдныя щеки заставляли думать противное. Впрочемъ, онъ цѣлый день смѣялся; пѣлъ и прыгалъ; но въ первомъ часу по полуночи впалъ опять въ сильныя конвульсіи. На слѣдующее утро оказались въ немъ все признаки опасной болѣзни, которая можетъ быть прекратила бы дни его, если бы къ искусству и старанію Врача не присоединились нѣжныя попеченія его друга и добрыхъ хозяевъ.

Порушчикъ *М.* избѣгалъ всякаго случая, кошорый могъ бы напомнить его поварищу о случившемся съ нимъ въ Падерборнскомъ лѣсу. Также и добродушные Нѣмцы — по внушреннему ли убѣжденію или пошому, что вниманіе ихъ было обращено на другіе, важнѣйшіе предметы — никогда не возобновляли разговора о мершвецахъ и привидѣніяхъ, коего послѣдствіе едва не стоило жизни несчастному *О.*

Когда здоровье сего послѣдняго поправилось; по онъ посѣщилъ возвратиться въ Ирландію, и пришомъ крапчайшимъ пушемъ. Порушчикъ *М.* сопровождалъ его и, поселясь въ его сосѣдствѣ, ежедневно посѣщаль своего друга. Несчастный *О.* прожилъ еще 4 года, во время коихъ почши безпрестанно спрадаль жестокими конвульсіями. Глубокая задумчивость изгладила въ немъ всѣ слѣды прежняго, веселаго характера. Всѣ старанія Порушчика, разсѣяшь его своими разговорами или пріятнымъ чтеніемъ, оспавались безплодны. Въ первые два года по возвращеніи въ Ирландію, не упоминали они ни разу о пребываніи своемъ въ Падерборнѣ; но, однажды, слѣдующій случай открылъ Порушчику шайну его друга. Одинъ общій знакомый прислалъ сему послѣдному нѣсколько книгъ, въ числѣ коихъ находилась — *Исторія привидѣній*, извѣстное сочиненіе *де-Фоз.* Сіе заглавіе привело Прапорщика въ невольный шрепешъ; онъ впалъ въ глубокую задумчивость и пошомъ, какъ будто бы пробуждаясь ошъ шяжкаго сна, спросилъ своего поварища: „Помнишь ли ты приключеніе мое въ Падерборнѣ? Знаешь ли: (продолжалъ онъ ошрыспышымъ голосомъ) какъ я былъ наказанъ за свою

дерзость? Призываю Небо въ свидѣтели, что я видѣлъ несчастную Марю *Калаганъ* въ гробу, вмѣстѣ съ ея ребенкомъ. Ночь была шемная; я шелъ по лѣсу, напѣвая одну Ирландскую Балладу, копорую, какъ я уже послѣ вспомнилъ, любила эпа бѣдная дѣвушка. Вдругъ увидѣлъ я, между деревьями, ослѣпительный свѣтъ и, при сіяніи онаго, разпозналъ шруцы двухъ злополучныхъ жершвъ.“

Порущикъ *М.* слишкомъ любилъ своего друга, чтобы требовашь ошъ него дальнѣйшихъ подробностей. Онъ дѣлалъ напрошивъ все возможное, дабы изгладить сіе происшествіе изъ его памяти. Но нѣжныя его попеченія не имѣли успѣха: злополучный *О.* оспался печальнымъ и задумчивымъ до конца своей жизни. Наконецъ, по смерти сего молодого человека, Порущикъ *М.* предпринялъ новое пушешествіе въ Германію и прибывъ въ Шпешинъ, рассказалъ своему родшвеннику, что шолько было ему извѣшно. Онъ писалъ шакже и въ Падерборнъ и узналъ ошъ шамошнихъ своихъ корреспондентовъ, что егеръ, сопровождавшій его въ лѣсъ, давно уже оставилъ сей городъ и прежнее свое званіе и показывается нынѣ — Фаншасмагорическія предшавленія въ разныхъ городахъ Южной Германіи. Дальнѣйшія освѣдомленія удостовѣрили *Г. М.*, что сей молодой человекъ дѣйствительно былъ музыканшомъ въ одномъ Англійскомъ полку, находившемся въ Ирландіи. Эшо было въ ш самое время, когда Прапорщикъ *О.* находился въ любовной связи съ одною бѣдною дѣвушкою, именемъ Маріею *Калаганъ*. Сія злополучная жершва слабосшя и обольщенія произвела на свѣшь мершваго младенца,

а въ слѣдъ за нимъ и сама окончила жизнь. Ихъ положили въ одномъ гробѣ и происшествіе сіе было тогда предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Легко можно себя представить, что смерть Маріи произвела сильное впечатлѣніе на легкомысленнаго ея оболъбшителя, который имѣлъ впрочемъ доброе сердце. Но въ шуму разсыянной жизни онъ вскорѣ позабылъ несчастную. . . . — Полковой музыкантъ, который имѣлъ вообще необыкновенныя способности, нарисовалъ *Марію* и ея младенца, лежащихъ въ гробу, въ бѣлой, погребальной одеждѣ. Сей рисунокъ, который всѣ, знавшіе покойницу, находили весьма сходнымъ, привезъ онъ съ собою въ Германію. По прибытіи въ Падерборнъ избралъ онъ состояніе егеря; но выгоды онаго не соотвѣщевали его ожиданіямъ. Въ сіе время познакомился онъ съ странствующими Оптиками, кои показывали Фантасмагорическія представленія. Узнавъ способности его къ рисованью, пригласили они егеря, вступишь въ ихъ общество. Онъ вскорѣ постигнулъ всѣ мнимыя таинства увеселишельной Физики и искалъ только случая, показать блистательный опытъ своего искусства. Прибышіе Ирландцовъ и разговоръ о привидѣніяхъ вскорѣ доставили ему сей случай: онъ отправился въ лѣсъ съ своимъ рисункомъ и, съ помощію одного изъ новыхъ друзей своихъ, приготовилъ тамъ сцену, сократившую дни несчастнаго *O*. Дабы не подать подозрѣнія, поспѣшилъ онъ возвратишься въ домъ и сопровождалъ пошомъ, какъ мы уже выше рассказывали, Поручика *M*. — Намъ неизвѣсны причины, побудившія егеря, сохранять дальнѣйшее молчаніе о семъ

поступкѣ, коего печальныхъ послѣдствій конечно не могъ онъ предвидѣшь, но который шѣмъ не менѣе неизвинителенъ. Ошккровенное признаніе съ его стороны могло бы спасти злополучнаго *O.*, изгладивъ въ душѣ его ужасное впечатлѣніе сего происшествія...

Но можешъ бышь Небо избрало сего чловѣка орудіемъ достойнаго наказанія, которое всегда, рано или поздно, поспигаешъ обельспителей невинности! Можешъ бышь онъ былъ предназначенъ, чшобы разбудить въ сердцѣ Ирландца дремлющія угрызения совѣспи и побудить его къ чистому, искреннему раскаянію!

Геркуланъ и Помпея.

(Окончаніе.)

Помпея можешь назваться неиспощимымъ рудникомъ драгоценнѣйшихъ древностей. Ежедневно находясь здѣсь новые и почти всегда любопытные предметы. Дворецъ *Студи* въ Неаполь безпрестанно ими обогащается. Должно еще замѣнить, что по природной лѣности и безопасности жителей, изысканія сіи производятся весьма медленно.

Городъ сей, до 1755-го года, оспавался погребеннымъ подъ массою пемзы и Вулканическаго пепла, кою покрылъ его Везувій. Мѣстечко *Уивита* мирно покоилось надъ мрачною его могилою. Доспойно примѣчанія, что никто изъ прежнихъ Географовъ не полагалъ здѣсь Помпей. Сей городъ всегда искали ближе къ морскому берегу, между тѣмъ какъ онъ отстоитъ отъ сего послѣдняго болѣе, нежели на двѣ мили. Даже и Древніе не предпринимали, какъ видно, никакихъ поисковъ опосредственно къ Помпей. Совсѣмъ прошивное было въ Геркуланъ; что свидѣтельствуется одною изъ найденныхъ надписей и осмашками ходовъ, съ великимъ трудомъ проведенныхъ въ лавъ.

Какое-то неизъяснимое очарованіе привязываетъ путешественника къ симъ прелестнымъ, но вмѣстѣ печальнымъ памяникамъ. Съ нѣкошорымъ благоговѣніемъ осмашривали мы почтенные осмашки города, коего жителей постигла столь неожиданная и горестная участь. Намъ казалось, что Помпея, около двухъ тысячъ лѣтъ сокрытая отъ свѣта дневнаго, воззывается нынѣ къ но-

вому быпію. Казалось, что духъ временъ минувшихъ, шайнственнo помавая надъ сиропшсвующимъ городомъ, возбуждалъ нѣкошорый священный ужасъ въ сердцѣ спранниковъ. Съ благоговѣніемъ входили мы въ каждой пуспой уголь; съ безпокойнымъ любопытствомъ бродили по улицамъ, какъ бы въ надеждѣ, встрѣшншь древняго общашеля. Повсюду видѣли мы споль свѣжіе, споль неизгладимые слѣды минувшаго, что оное претвращалось въ насшоюще и что все протранство въковъ, кои насъ раздѣляли, казалось уничтоженнымъ. Если бы всѣ древнія ушвари, опкрышыя въ Помпеи и перевезенныя пошомъ въ Неаполь и Палермо, оставались на мѣстахъ своихъ; шо и шогда бы очарованіе не могло бышь совершеннѣе.

Все, что было вырышо въ Геркуланѣ, снова засыпано землю: на Вулканическомъ покровѣ сего города поспроены, какъ извѣсно, два мѣстечка, Поршичи и Резина. Одинъ шолько древній Театръ осшался на виду. Къ оному ведешъ весьма покойная лѣшница. Не смотря на шо, при ненадежномъ свѣшѣ факела, мы получили бы весьма слабое поняшіе объ его усшроеніи, если бы не руководшвовались свѣденіями, пріобрѣшненными нами въ Театрахъ Помпейскихъ.

Дворецъ Поршичи совсѣмъ не опличаетсѣ изящесшвомъ Архитекштуры. Въ немъ нашли мы 16 комнашь, въ коихъ заключаешсѣ богатое собраніе каршинъ и прочихъ древностей, найденныхъ въ Геркуланѣ. Предметъ первыхъ сосшавляюшь по большой часши Миѣологическія преданія; рисовка ихъ вообще свободна, легка и правильна; но въ опдѣлкѣ примѣшна нѣкошорая небрежность. Краски, почти вездѣ, сохранили свою свѣ-

жесть. Наибольшую прелесть имѣли для мня каршины, представляющія цвѣты и плоды, съ необыкновеннымъ сходствомъ и живописію. Одна изъ нихъ изображаетъ хрустальную вазу, наполненную плодами. Каршина сія писана съ неподражаемымъ искусствомъ. Находясь также прекрасные ландшафты, морскіе виды и Архитектурныя изображенія. Между Историческими каршинами наиболее извѣстны: *Тезей*, коему Аѳинское юношество приноситъ благодарность за низложеніе *Ми отавра*; *Ифигенія*, узнающая брата своего *Ореста*; рожденіе *Телефа*; *Ахиллъ* и *Хиронъ* и проч. Но и оставленная *Дидона*, задумчивая *Сафо*, прилагающая грифель къ устамъ и нѣкоторыя другія каршины также заслуживаютъ примѣчаніе. — Прочія сокровища, найденныя въ Геркуланѣ и Помпеѣ, могли бы составить богатѣйшій Музей въ свѣтѣ; но оныя не были еще возвращены изъ Палермо, куда, для безопасности, отправлены во время Французскаго нашествія.

Если бы, со времени открытія обоехъ сихъ городовъ, изысканія сіи производились всегда съ одинаковымъ усердіемъ и дѣятельностію, а надзоръ за оными ввѣренъ былъ людямъ, истинно ученымъ и одареннымъ изящнымъ вкусомъ; то конечно плоды сихъ открытій были бы гораздо важнѣе и значительнѣе. Опець *Баярди*, коему *Карлъ III* поручилъ объясненіе Геркуланскихъ древностей, написалъ 5 толстыхъ томовъ въ четвертку, въ коихъ довелъ жизнь *Геркулеса*, (почищаемаго основателемъ сего города), только до 24-хъ-лѣтняго его возраста. Онъ конечно написалъ бы еще столько же, пока бы дошелъ до самаго построенія Геркулана, если бы новое Королевское предписаніе не прекратило его

компиляціи. (*) Другой Ученый, именемъ *Марторелли*, написалъ шолскую книгу о найденной тамъ — *теринлицъ* (*De regia thesa salamatia*). Между шѣмъ есть еще множество важнѣйшихъ предметовъ, остающихся донынѣ безъ всякаго изслѣдованія.

Развертываніе сожженныхъ свѣшкввъ папира представляеть великія, почти непреодолимыя трудности. Всѣ старанія, употребленныя для сего Неаполитанскими и чужестранными Учеными (**), не имѣли донынѣ

(*) Неаполитанскій Правовѣдць *Генаро Фарини* сочинилъ остроумную Латинскую Эпиграмму, на сіи безполезныя и нелпыя изысканія *О. Байрди*. Оная заключается слѣдующими словами:

„Геркуланъ покрылся паки мракомъ;
Ибо въ книгѣ сей нашель онъ новый гробъ.“

(Прим. Соѡ.)

(**) Г-ми *Россини*, *Скотти*, *Пазетти*, *Гайтеромъ* и проч. Они успѣли однакожь опкрышь и развернуть нѣкошорыя сочиненія *Эпикура*, *Филодема*, *Поллестрата*, *Федра* и проч. Печашное изданіе сихъ рукописей, начашое въ Неаполь въ 1793-мъ году, подъ заглавіемъ: *Herculanensium voluminum, quæ supersunt* Tom. I., сколько намъ извѣстно, не имѣло продолженія. Пояснительныя примѣчанія къ сему первому шому вышли въ 1797-мъ году.

(Прим. Изд.)

блистательнаго успѣха. Но можешь быть Англичане
будешь счастливые въ семь предпріятіи. (*)

М. Мэзиръ.

(*) Опыты Гг. *Гейтера* и *Сиклера* не принесли желаемой пользы. Ученымъ любителямъ Древности оспашаешя теперь пріятная надежда, что славный *Гумфри Дави*, упошребляющій при развершываніи сихъ свинковъ новыя Химическія средства, будетъ имѣть болѣе успѣха. Опчетъ его напечатанъ въ *Quarterly Journal*, 1819, No. XIII; а извлеченіе изъ онаго въ *Abendzeitung* шогожь года, No. 138.

(Прим. Сог.)

Мы должны съ своей стороны прибавить, что Г. *Дави* имѣлъ, къ сожалѣнію, споль же мало успѣха въ своихъ опытахъ, какъ и знаменитые его предшешвенники.

(Прим. Изд.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Леандрова нога (*).

Отрывокъ изъ Поэмы: *Абидосская Невста*, соч. Лорда Байрона.

(Съ Англійскаго.)

Вздымался Геллеспоншъ грозою,
Какъ въ шу волнъ бурныхъ шемну ночь,
Когда, бывъ бѣдспвія виною,
Любовь забыла въ немъ помочь
Тому, кпо ей одной подвласный,
Ошважный, молодой, прекрасный,
Сеспоса дѣвы былъ душой.
Когда бывало въ шьмъ ночной
На башнѣ факель запылаеть;
То пусть все бурю предвѣщаеть
И въперъ буйный съ горъ свисшишь!
Пусть море гнѣвное кипишь
И съ пѣной къ берегу несеться;
Клубяися шучи черной мглой
И пщиць морскихъ спаница въешя,
Перекликакась предъ грозой!
Но ужась бури роковой
До сердца ль юноши коснешя?
Ему ль смошрѣшь, ему ль внимашь,
Какъ воеть вихрь, какъ небо шмишь?
Пусть гибель бросилъ искашь!
Онъ къ ней плыветь: чего жъ спрашишья?

(*) Испорія Геро и Леандра славна въ Древности. Леандръ переплывалъ проливъ Геллеспоншскій для свиданія съ Геро и — въ одну бурную ночь погибъ въ волнахъ его.

Въ мечтахъ своихъ не видишь оцъ,
Какъ сводъ небесный помраченъ
И свѣшь (*), зажженный красотою,
Горишь ему любви звездою.
Не волнь пѣнисныхъ слышишь шумъ,
Но пѣсню шу, что ожидае
Его, въ шоскѣ любовныхъ думъ,

Пѣвала дѣва молодая: —

„О волны! волны! въ часъ ночной
Вы не бушуйте, не шумите!
Плывешъ ко мнѣ другъ милый мой:
Ко мнѣ скорѣй его несите.“ — —

Вопь повѣсье давнихъ лѣтъ — и намъ
Не должно слишкомъ ей дивиться:
Велишь любовь пылашь сердцамъ —
И шарина возобновишь!

И. Козловъ.

(*) Геро закигала на башнѣ свѣшмильчикъ, по кошорому
Леандръ направлялъ свое плаваніе.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XXV.

П Р О З А.

Донъ Леонъ и Бiанка.

Италiянскiй анекдотъ.

„Хотѣлъ бы я знать: что это за любовь, которая сводитъ людей съ ума? Чѣмъ болѣе о томъ думаю, тѣмъ мудренѣе она мнѣ кажется!“ Такъ говорилъ мастеръ Бонифацiй, искусный башмачникъ въ Каспелъ-Гандольфо, женъ своею Варваръ, которая сидѣла подлѣ него и прjala. При семъ вопросѣ принялъ онъ важный видъ и приложилъ указательный палецъ правой руки къ своему красному носу. Пожилая подруга его, удивленная спраннымъ любопытствомъ своего мужа, опустила веретено и сказала ему: „Развѣ ты не любишь меня? Всякой можешь судить о томъ по себѣ, а толковать, кажется, нѣчего.“ — „Правда“, возразилъ Бонифацiй; „но это все не то. Когда было мнѣ двадцать лѣтъ, то покойникъ башюшка сказалъ мнѣ: „Бонифацiй! Ты уже малой на возрастѣ: пора тебѣ жениться! Ты же мастеръ шить башмаки; работа швоя расходится по всему мѣстечку; слѣдовательно, ты легко можешь прокормить жену и дѣшей. — Ты знаешь Вар-

вару, дочь сосѣда нашего Марка. Она дѣвка изрядная и настоящая для тебя невѣста.“ — Я нашель, что башюшка говорилъ дѣло; изъявилъ ему мое совершенное согласіе; онъ пошелъ къ швоему опцу; попомъ повель и меня; я не зналъ сперва, что говоришь; но башюшка взялъ все дѣло на себя. Тебя спросили; ты ошвѣчала: да; а попомъ мы обвѣчались.“

Варвара. Ну вошь тебѣ и любовь!

Бонифацій. Нѣтъ! Это все не шо. — Когда я сперъ взгляну на нашу Біанку; шо у меня всякой разъ сердце радуешся и я почши не вѣрю, чтобъ такая прекрасная дѣвушка могла бытъ нашею дочерью. Я конечно первый башмашникъ въ городѣ и никому не уступлю въ эпомъ ремесль; но — все башмашникъ. А Біанка наша имѣетъ въ себѣ что-шо важное и значное, шакъ что я чувствую къ ней невольное почтеніе и почши не смѣю ей ничего приказать. Если же вздумаю съ нею заспорить; шо на повѣрку выходишь, что она всякой разъ права. Къ тому же Біанка шакъ умна и попечительна и дѣлаешъ все шакъ хорошо, что намъ уже и приказывашъ нѣчего.

Варвара. Все шакъ; да какую связь имѣетъ эшо съ швоимъ вопросомъ о любви?

Бонифацій. Большую, нежели ты думаешь! Ты знаешь, Варвара, что и ко мнѣ приходили опцы, шакже, какъ мой башюшка приходилъ къ швоему. Но вошь бѣда, что Біанка не слѣдуешъ примѣру своей машери: когда ее спросишь, всякой разъ ошвѣчаешъ *нѣтъ*, да *нѣтъ*! — На примѣръ, сынъ Апшекаря изъ Альбано — молодець прекрасной и чѣмъ бы ей не женихъ? Вошь въ немъ-шо ошкрылъ я шу любовь, о кошорой говорю и кошорая

еводить людей съ ума. Эпоишь бѣдный малой споишь перѣдко подь дождемъ по цѣлому часу, чпобы полько увидѣшь ее лишній разъ. Куда ни пойдешь Біанка, шуда и онъ явишься. Но она право поступаешъ съ нимъ жестоко и опъ шого-шо бѣдный Лоренцо совсѣмъ перемѣнился: шакъ спаль сухъ и блѣденъ, чшо его почи узнашь нельзя. Да я чшо-шо его и не видаль, ни вчера, ни сегодня.

Барвара. Онъ приходиль сюда шрепьяго дня и опяшь говориль о любви своей. Нельзя сказашь, чшобы я была слишкомъ жалостлива; однакожь, слушаая его, не могла воздержашъся опъ слезъ. Ты вѣрно бы поже расплакался, если бы былъ съ нами. Вообрази же, чшо Біанка была холодна, какъ камень.

Бонифацій. Да чшо она, по крайней мѣрѣ, на эшо сказала?

Барвара. А вопъ чшо она сказала: „Любезный Лоренцо!“ Начало хорошо; но послушай далѣ! — „Любезный Лоренцо! Я уже давно шебъ говорила и шеперь опяшь повшоряю, чшо не намѣрена выходишь за-мужъ. Ты называешъ меня суровою и жестокою; но право напрасно. Ты самъ знаешъ, чшо любишь или не любишь не опъ насъ зависишь. Не имѣю ли шакого же права, называшъ шебя жестокосердымъ, когда пы, послѣ всѣхъ моихъ объясненій, не пересташъ меня беспокоить и преслѣдовашь? Ты скажешъ, чшо кто любишь, шощъ въ правѣ шребовашъ и взаимности. Конечно; но сколько же молодыхъ людей могушь явишься ко мнѣ съ подобными шребованіями? Неужели должна я опвѣчашъ каждому? А предпоченіе, безъ взаимной привязанности, было бы съ моей спороны несправедливо и оскорбишельно для

другихъ. Ипакъ, чшобы сохранишь свое безприсра-
шше, не хочу я любвишь никого. Впрочемъ шы на-
прасно говоришь, будшо бы я тебя ненавижу, будшо бы
имью къ тебѣ отвращеніе. Совсѣмъ нѣтъ: я отдаю
тебѣ справедливосшь, желаю тебѣ всего добра, а только
не могу любвишь тебя. Если за шо считаешь шы
меня сурвою, пакъ оставь меня въ покоѣ. Зачѣмъ
распощашь любовь свою предъ безчувшвеннымъ, жестко-
сердымъ шворснѣмъ? Повшоряю, чшо я не намѣрена
выходишь за-мужъ; Музыка и книги — вопшь единшвен-
ныя моп увеселенія; впрочемъ я довольна судьбою и
ничего болѣе не желаю.“

Бонифацій. Вопшь шо-шо! Не говорилъ ли я тебѣ,
чшо всякой разъ, когда зашпоришь съ Біанкою, выходишь,
чшо она же останешся права? Слова ея пакъ умны
и убѣдштельны, чшо прошивъ нихъ нѣчего сказашь.
Эша дѣвка говоришь, какъ печашная книга.

Барвара. Музыка и книги сосшавляютъ единшвен-
ное ея удовольшвіе и она ничего болѣе не желашть.
Каково эшо тебѣ кажешся?

Бонифацій. То-шо наша и бѣда! Старый Каноникъ
всему былъ причиною; да и кумъ Доминико много вшпо-
вашь. Онъ до шого избаловаль нашу Біанку, чшо ей
ни въ чемъ нѣтъ отказа. Да и чшожь шущь мудре-
наго? Она смощришь пакъ умильно, говоришь пакъ
убѣдштельно — чшо надобно бышь шверже камня,
чшобы отказать въ ея прозьбахъ. Такимъ-шо образомъ
появились у ней и клавикорды и книги.

Барвара. Ты самъ признаешся, чшо дорогія клави-
корды совсѣмъ не у мѣша въ маленькой нашей ком-
наткѣ, между башмаками и колодками, почернѣвшими

сполами и вѣскими преножными ешульями. Надобно, чшобы одно другому опивѣчало.

Бониф. Послушай, жена! Мнѣ кажется, чшо сама Біанка шакже здѣсь не у мѣспа, какъ ея клавикорды. О, эша дѣвка не для хижины сошворена! Я бы хопѣль видѣшь ес знашною барынею, въ шелковомъ плашьѣ, съ золощомъ и жемчугами на шеѣ. Я бы самъ здѣлалъ шогда предорогіе башмаки на ея прекрасную ножку.

Варвара. Чшо эшо за вздорныя мысли! А я шакъ совсѣмъ иное думаю: продадимъ клавикорды и сожжемъ эшѣ прокляшыя книги. Біанкѣ будетъ безъ нихъ скучно и она шогда по жеволь пойдець за-мужъ.

Бонифацій находилъ, чшо выдумка эша была весьма благоразумна и охотно взялъ на себя, уговорилъ къ шому Біанку. Онъ даже пригошовилъ длинную рѣчь, коею хопѣль убѣдилъ дочь свою къ шполь чувешвишельной для нея жершвѣ; но когда вздумалъ повшорилъ оную предъ женою, шо ошпановилъ въ самомъ началѣ и — позабылъ половину своихъ доказательствъ. „Ахъ, жена!“ сказалъ онъ съ досадою. „Видно все красно-рѣчіе мое напрасно. Біанки здѣсь нѣшь и опивѣчашъ мнѣ не-кому; а я уже не знаю, чшо ей сказать. Чшожь будешъ, когда она сама вздумаетъ опровергашъ мои доказательства? Вѣдь дочь наша переспорилъ и Адвокаша инаго, не шолько меня, кошорый пикогда не былъ большимъ говоруномъ. Скажешъ слова два, а на прешьемъ ошпановилъшся и все она же ошпанешся права.“

Варвара шворчала нѣсколько словъ съ примѣшною досадою; называла мужа слабымъ и глупымъ; напоминала ему, чшо и она была въ свое время хороша и го-

ворлива, но что онъ умѣлъ же иногда съ нею спорить. „Все это правда,“ ошвѣчалъ *Бонифаций*; „но пусть естъ маленькое различіе, кошорога я и самъ объяснишь не умѣю.“ — Между тѣмъ, преднамѣренное гоненіе на клавикорды и на книги было — по крайней мѣрѣ, до времени, — ошмѣнено.

Старый Доминико, крестный отецъ Біанки, былъ богатый земледѣлецъ. Будучи вдовъ и имѣя двухъ замужнихъ дочерей, кои обѣ жили въ опдаленныхъ селеніяхъ, обращалъ онъ всю свою нѣжностъ на Біанку и охотно доспавлялъ ей все, что шолько могло бытъ ей полезнымъ и пріятнымъ. Хорошая дѣвушка умѣла цѣнить его попечительностъ; любила его наравнѣ съ своими родителами и посѣщала, когда шолько находила время. Впрочемъ, Біанка была всегда шрудолюбива и дѣятельна; будучи дома, во весь день занималась хозяйствомъ и шолько ввечеру ошдыхала за клавикордами или за книгою.

Старый Каноникъ *Лаззари*, бывший Законоучителемъ и пошомъ Духовникомъ Біанки, полюбилъ ее въ нѣжнѣйшемъ еще дѣтствѣ. Замѣтивъ ее поняшливостъ, принялъ онъ на себя образовашъ ее умъ и сердце. Онъ убѣдилъ родителей, присылавъ къ нему Біанку въ извѣстные часы дня; училъ ее всему, что шолько почиталъ нужнымъ для благовоспишанной дѣвицы и — вскорѣ былъ удивленъ ея успѣхами. Каноникъ былъ ревностный любитель Музыки и имѣлъ у себя прекрасное форте-пяно. Маленькая Біанка непременно хотѣла учиться, играшъ на семъ инструменташъ; старый *Лаззари* не могъ прошивишься ея желанію и образовалъ въ ней новый, пріятнѣйшій шаланшъ. Долго

сокрушалась она о томъ, что не могла заниматься дома, не имѣя у себя форте-пьяно. Добрый Доминико, пронувшій ея прозьбами, купилъ ей наконецъ клави-корды, кои конечно далеко опшстояли опъ Канонико-выхъ, но все были лучше, нежели ничего.

Каноникъ *Лаззари* впалъ въ опасную болѣзнь; по-печипельная Біанка не опшходила опъ его постели. Почтенный спарець награжденъ былъ въ полной мѣрѣ за шу нѣжность, кошорую оказывалъ онъ сей доброй дѣвушкѣ. Чувствуя приближеніе конца своего, благо-словилъ онъ рыдающую Біанку и по прошествіи нѣ-сколькихъ минушъ — окончилъ жизнь въ ея объятіяхъ.

При опскрытіи его завѣщанія нашли въ ономъ спашью, въ коей опшказывалъ онъ Біанкѣ — прекрасное свое форте-пьяно; 80 шомовъ изъ его библіюшеки, по собешвенному ея выбору и 1000 скуди, для будущаго ея приданаго. Нѣжная сія попечипельность пронула Біанку до глубины сердца: она посвятила новыя и обильныя слезы праху своего благошворителя. Опка-занное имъ наслѣдштво здѣлало ее богашою невѣсною, женихи вскорѣ явились во множествѣ, а подруги, коихъ давно уже помрачала она своею красошою и дарованіями, имѣли новую причину ей завидовашъ.

Бонифацій и Варвара неоднократно уже помышляли, продашъ ея форте-пьяно. Къ сему наиболѣ побуж-дали ихъ насмѣшки сосѣдей, кошорые — можешъ быть изъ зависши — явно говорили, что шакое воспитаніе совсѣмъ неприлично для дочери башмашника. Однажды выдумала Варвара слѣдующую хипросишь: Бонифацій долженъ былъ пришворишъся, будшо бы за долги хо-пящъ посадишъ его въ шюрму. Въ шакомъ случаѣ,

продажа форше-пьяно казалась единственнымъ сред-
ствомъ къ его спасенію. Вздумано и здѣлано! Біанка
изъявила полную готовность къ есму пожертвованію,
хотя оно и дорого ей стоило. Съ молчаливою покор-
носцію ожидала она той минуты, которая должен-
ствовала разлучить ее съ драгоценнымъ наслѣдіемъ
добраго Каноника; но щеки ея покрылись блѣдносцію,
а въ глазахъ блеснули слезы, кои щещно спаралась
она скрыть. Трогательная сія готовность обезору-
жила Бонифация; онъ признался ей во всемъ, ославилъ
ей форше-пьяно и — казалось, что съ сей минутой
любилъ Біанку еще болѣе прежняго.

Въ праздничные дни посѣщала Біанка крестнаго
опца своего, имѣвшаго прекрасный виноградникъ въ
Альбано. Тамъ проводила она съ добрымъ шарикомъ
цѣлый день и забавляла его своими разговорами и Му-
зыкою. Когдажъ Доминико занимался хозяйствомъ или
опдавалъ приказанія своимъ рабочникамъ; то Біанка
садилась подь сѣнью древняго вяза и читала книги,
кои, нарочно для сего, приносила она съ собою.

Въ одинъ прекрасный Октябрскій день собралось въ
Альбано множество гуляющихъ, изъ окрестныхъ горо-
довъ и селеній. Въ семь часовъ находился Донъ Леонъ,
племянникъ богатаго Кардинала, — молодой человекъ
привлекательной наружности, образованнаго ума и пре-
восходной нравственности. Спрансвуя во все упрю
по очаровательнымъ окрестностямъ Альбано и созер-
цаая живописныя красоты Природы, дошелъ онъ и до
виноградника Доминикова. Тамъ ожидало его новое, не-
ожиданное зрѣлище. На высокомъ холмѣ, открывающемъ
предѣстный видъ къ морю, подь тѣнью развѣсистаго

вяза, сидѣла Біанка съ книгою и, казалось, углублена была въ чтеніе.

Видъ сельской дѣвушки, со вниманіемъ читавшей книгу, поразилъ *Донъ-Леона* столь же неожиданнымъ, какъ и пріятнымъ образомъ. Онъ хотѣлъ разсмотрѣть ее вблизи, какъ увидѣлъ почтеннаго сшарца, который приближался къ ней медленными шагами. Это былъ Доминико. Біанка вспала, пошла къ нему на встрѣчу и съ почтениемъ поцѣловала у него руку. Тогда величественная ея красота явилась *Донъ-Леону* во всемъ своемъ блескѣ и, почти невольнымъ образомъ, заставила его приближиться къ холму.

Сшарикъ, котораго почтительнъ онъ опцемъ Біанки, сѣлъ подлѣ нея подлѣ вязомъ и сказалъ ей съ ласковымъ видомъ: „Милое дитя! Спой мнѣ какую-нибудь пѣсенку! Это будетъ кешаши для нынѣшняго яснаго дня.“ Біанка не заставила себя просить. Она взяла лежавшую подлѣ нея гитару и коснулася струнамъ ея съ такимъ искусствомъ и легкостью, что восхищенный *Донъ Леонъ* думалъ видѣть въ пей что-то небесное. Но кто можетъ описать восшоргъ его, когда услышалъ онъ очаровательный голосъ сельской красавицы? Вотъ слова ея пѣсни:

Тебѣ ли въ вѣрности, другъ милый, сомнѣваешься?
Въ любви заключено блаженство все мое!
Чтобъ я пресмалъ любить, того не можешь спашься:
Надъ сердцемъ вѣчное владычество швое!

*Любима будешь ты, доколь лучь Авроры
Свѣшило дневное намъ будешь возвѣщаешь;
Любима будешь ты, доколь дарами Флоры
Грудь будешь юныя красавицы блистаешь!*

*

*Любима будешь ты, гнѣздо себѣ весною
Доколь ласпочки не перестанушь вить;
Любима будешь ты, подь вѣшкою густою
Доколь горлицы съ любовью будушь жишь!*

*

*Любима будешь ты, доколь чистыя воды
Лазурный неба цвѣшь намъ будушь отражаешь;
Любима будешь ты, доколь рука Природы
Обиліемъ плодовъ насъ будешь осыпаешь!*

*

*Любима будешь ты, доколь въ правѣ зеленой
Овечки будушь сонъ и пищу находишь;
Любима будешь ты, доколь, другъ безцѣнный,
Зефиры съ розами въ согласи будушь жишь!*

*

*Любима будешь ты, доколь подь луною
Любовь владычество и силу сохранишь;
Любима будешь ты, доколь съ моею душою
Въ послѣднемъ вздохѣ спросишь и чувство излепишь!*

(Продолженіе впрѣдъ.)

Мысли древнихъ Философовъ.

Надежда есть единственное благо, общее всемъ смертнымъ. Человѣкъ, лишенный всѣхъ даровъ счастья, можешь еще безпрепятственно ею пользоваться.

*

Нѣтъ ничего прекраснѣе вселенной, ибо она сотворена Богомъ. Нѣтъ ничего быстрѣ мысли; ибо она объемлетъ всю вселенную. Нѣтъ ничего сильнѣе нужды; ибо мы всѣ ей подвержены. Нѣтъ ничего благоразумнѣе времени; ибо ему одолжены мы всеми открытіями.

*

Счастливейшее семейство есть то, которое спяжало свои сокровища праведно, сохраняешь оныя честно и наслаждаешь ими съ умѣренностію и безъ раскаянія.

*

Друзья зовуть тебя на веселое пиршество: ты не имѣешь нужды спѣшить. Но они призываютъ тебя на помощь или для утѣшенія въ горести: тогда не шерьай ни минушы!

*

Хранишь шайну, сносишь обиды и употребляешь въ пользу праздное время — сущь при вещи, пруднѣйшія въ свѣтѣ.

*

Если хочешь повелѣвать другими, удостовѣрься, что умѣешь владычествовать надъ самимъ собою!

*

Ты можешь скрывать свое счастье; но, избѣгая зависти, не возбуждай и напраснаго сожалѣнія.

*

Ходишь ли знаешь двѣ жесточайшія болѣзни душевныя? Эшо — желаніе невозможнаго и нечувствительность къ спраданіямъ ближнихъ.

Удовольствіе бываетъ только минушное; но добродѣтель безсмертна, подобно небесному своему началу.

Хочешь ли разсѣять страхъ? Изслѣдуй, съ должною основательностію, его причины.

Оселокъ показываетъ намъ качество золота, а зло — характеръ людей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Возращеніе невозвратимой.

Весна моихъ воскресла лѣпъ;
Играющъ чувствва, вѣещъ радоспъ
И новой жизнию цвѣшешъ
Моя поскующая младоспъ! . . .
Запахнулъ шумъ моихъ шревогъ
И вся душа моя — воспоргъ!
Она — сей госпъ, давно бывалой —
Какъ прежде, въ грудь ко мнѣ идепъ;
Нѣ, ахъ! памъ прежняго не спало:
Того ужъ сердца не найдешъ!
Всѣ бури жизни въ немъ кипѣли
И дымный огнь спрасшей пымалъ,
И памъ пороки свирѣщели,
Гдѣ свѣшлый шронъ ея споялъ! . . .
Приди жъ мой госпъ, издавна милый!
Мой добрый Ангель прежнихъ дней!
И оживи мой духъ унылый
Небесной ласкою своей!
Увы! съ пѣхъ поръ, какъ былъ съ шобою,
Ужъ спалъ и самъ я не собою . . .
Все въ жершву людямъ и судьбѣ!
Одна свѣшла осшалась совѣспъ.
Пуспъ сердце груспное шещъ
Само свою разскажешъ повѣспъ.
Мечшы разсѣялись, какъ дымъ;
Ошъ слезъ опяжелѣли вѣжды
И не сбмались мои надежды!
Какъ много лѣшамъ молодымъ

Онъ хорошаго сулили!
Какъ сладко съ сердцемъ говорили!
Но сладость та была — обманъ!
Съ побою все мое сокрылось,
Какъ солнце въ горы закапилось,
И на душѣ лежишь шуманъ
Но ты идешь . . . Душа свѣшлѣешь
И все весною жизни вѣешь!
Съ побою швой волшебный міръ
Ко мнѣ шакъ сладостно шѣснишся,
Какъ будно небо въ грудь ложилшся!
Я пью заоблачный эфиръ . . .
Людской измученную злоспью
Ты душу зазовешь, какъ гостпью,
На свой великолѣпный пиръ.
На мигъ обласканный побою,
Ужъ примирился я съ судьбою! . . .
Весна моихъ воскресла лѣшъ;
Играюшъ чувства, вѣешь радость
И новой жизнью цвѣшешь
Моя шоскующая младость!

Ө. Глинка.

С у д ь б а.

Неизбѣжимый рокъ слѣдишь повсюду насъ:
Ему обречены мы всё, во всякой долѣ,
И онъ, нежданый, къ намъ идетъ въ свой страшный часъ.

*

Сидишь ли мощный Царь спокойно на престолѣ,
Иль мчишься по морю съ забою пловецъ,
Иль жадно славы ждетъ на рашномъ воинъ полъ; —

*

Равно неизбежимъ и близокъ всемъ конецъ —
И жершвы, избранной властительной судьбою,
Ни злшо не спасешъ, ни храбросшь, ни вѣнецъ!

*

Напрасно, окруженъ ласкашелей полпою,
Повѣришь счастию увѣнчанный Помпей
Иль Цесарь, взявшій власшь побѣдною рукою!

*

Имъ преждевременной кончины свѣшлыхъ дней
На мигъ не опшрашишь: какъ спражь, во шмъ сокрышый,
Она внезапно ихъ постигнешъ средъ чесшей.

*

Блаженъ, чей полонъ духъ незыблемой защиты
Противу гивнаго явленія судьбы!
Блаженъ, кто чисешъ душой! Онъ, счастье позабышый,

*

Среди помышельной съ напасшиями борьбы,
Какъ прежде, правый пушь, имъ избранный, свершаетъ
И смерть привѣстивуешь безъ слезъ и безъ мольбы.

*

Такъ изъ семьи друзей въ темницу посылшаешь
И видишь смерть Сократъ, съ снокойшвиємъ въ лицъ;
Такъ мученикъ святой за Вѣру умираешь,
Лобзая шяжкй крестъ въ сшрадальческомъ вѣнцѣ!

Плетневъ.

Печашать позволяется: Юня 29-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XXVI.

П Р О З А.

Донъ Леонъ и Біанка.

(Продолженіе.)

„Гдѣ ты взяла эту прекрасную пѣсенку?“ сказала спарикъ, качая головою. „Мнѣ принеси ее Лоренцо,“ спокойно отвѣчала красавица. „Я шакъ и думалъ,“ продолжалъ Доминико. Не мудрено узнать его чувства. Бѣдный малой! Видно ему и пѣсенки не помогаютъ. Мнѣ сказывали, что онъ получилъ отъ себя рѣшишельный отказъ. Напрасно ты это здѣлала, Біанка: тебѣ право не найши лучшаго жениха.“ При сихъ словахъ лицо красавицы покрылось живымъ румянцомъ. „Да чѣмъ же я щущь виноваша, башюшка?“ сказала она. „Кпо велишь Лоренцо, преслѣдовать меня своею любовію? Я давно объявила ему, что не могу его любить. Эшаго бы, кажешся, и довольно. Въдъ нельзя повелѣвашь своему сердцу.“ — „Такъ, милое дитя,“ отвѣчалъ спарикъ; „да и не всегда хорошо, слѣдовать голосу страши. Она нерѣдко приводитъ насъ къ погибели; между тѣмъ, какъ призначательность и уваженіе дославляютъ истинное

счастіе въ супружествѣ.“ — „О, поговорите объ этомъ съ Лоренцо,“ возразила Біанка. „Чтожь касается до меня; то спросятъ конечно не увлекутъ меня.“ Засимъ шарикъ и юная его спущница встали съ дерновой скамьи и въ дружесшвенныхъ разговорахъ приближились къ дому.

Взоры Донъ-Леона долго слѣдовали за красавицею. Благородный ея видъ, пріятный голосъ, самая одежда, опличавшая Біанку отъ сельскихъ ея подругъ, — все здѣлало на него неизгладимое впечатлѣніе. Возвращаясь въ домикъ, кошорый занималъ онъ въ окрестностяхъ Альбано, пошелъ онъ прямо къ своимъ хозяевамъ и, описавъ имъ въ подробности положеніе виноградника, спрашивалъ: кому принадлежишь оный? „Это вѣрно виноградникъ богашаго Доминико *Тобани*,“ отвѣчала одна изъ дочерей его хозяйки. — „У него конечно есть дѣти?“ — „Двѣ дочери и обѣ за мужемъ: одна живешь въ Римѣ, а другая въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Альбано.“ — „И обѣ прекрасны?“ — „Прекрасны? Напрѣшивъ, обѣ онѣ малы ростомъ и дурны; но отецъ далъ имъ порядочное приданое, а потому не мудрено, что онѣ нашли себѣ хорошихъ жениховъ.“ — „Однакожь я видѣлъ съ нимъ дѣвушку, кошорая не мала ростомъ и совсѣмъ не дурна.“ — „О, это вѣрно дочь башмашника, кошорая такъ часно у него бываешь!“ — „Дочь башмашника?“ — „Да, это его крестница. Она выдаетъ себя за ученую, и когда отецъ, набиваешь башмакъ на колодку, то дочь аккомпанируетъ его на клавикордахъ. Къ тому же, она такъ горда, что уже отказала нѣсколькимъ богатымъ женихамъ, кошорые всѣ были вдесятеро лучше

ее.“ Слова сіи возбудили еще б́ольшее любопытство въ Донъ-Леонѣ. Насмѣшливыя хозяйскія дочери рассказали ему всѣ подробности воспишанія Біанки, прибавляя къ онымъ свои замѣчанія, копорыя однакожъ не перемѣнили выгоднаго его мнѣнія на счетъ сельской красавицы.

Онъ узналъ при семъ случаѣ, что Біанка посѣщала крестнаго ошца своего во всѣ воскресные и праздничные дни. Сіе заставило его думать о средспвахъ, съ нею познакомишься; но при выборѣ оныхъ надлежало ему бытъ весьма оспорожнымъ, дабы не испугать застѣнчивую сельскую красавицу.

Въ слѣдующее воскресенье Біанка пришла, по обыкновенію, къ крестному ошцу своему. Приближась къ любимому своему вязу, нашла она молодаго человѣка, копорый сидѣлъ подъ пѣнію онаго и казался углубленнымъ въ чпеніе. Приходъ Біанки возбудилъ однакожъ его вниманіе: онъ вспалъ съ дерновой скамьи, поклонился ей съ почтеніемъ, положилъ книгу въ карманъ и постѣшно удалился. Молодой незнакомецъ невольнымъ образомъ привлекъ ея вниманіе. Она долго смошрѣла за нимъ въ слѣдъ; съла пощомъ въ густую сѣнь ваза, и въ ожиданіи Доминико, съиграла нѣсколько унылыхъ фаншазій на своей гитарѣ.

Въ слѣдующій праздникъ нашла она подъ деревомъ раскрышую книгу: эшо была знаменишая Поэма *Данте*. „Вѣрно молодой незнакомецъ забылъ здѣсь эшу книгу“. сказала она и, по нѣкопорому невольному движенію, развернула оную. Біанка любила *Дантевы* пѣснопѣнія и не могла ошказашъ себѣ въ удовольствіи, прочешъ нѣкошорые стансы. Вдругъ послышался ей легкой

шорохъ, который заставилъ ее прервать свое чтеніе. Предъ нею споялъ незнакомецъ, который учтиво поклонился Біанкѣ и просилъ ее о возвращеніи своей книги. Найдя ее углубленную въ чтеніе, воспользовался онъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы спросить: извѣстна ли ей сія Поэма? Сельская красавица ошъчала утвердительно. Тогда незнакомецъ выбралъ нѣкошорыя, лучшія мѣста изъ Поэмы; читалъ онѣя съ такою выразишельностію и сопровождалъ спольшонкими и справедливыми замѣчаніями, что Біанка не могла слушать его безъ душевнаго удовольствія. Засимъ взялъ онъ свою книгу, поблагодарилъ сельскую красавицу почпишельнымъ поклономъ и поспѣшилъ къ своему жилищу.

Поведеніе молодаго челоуѣка совсѣмъ не казалось страннымъ для Біанки. Другая можешъ бышь оскорбилась бы мнимою его холодностію; но она не имѣла суешнаго желанія, плѣняться всѣхъ и каждаго. При всемъ томъ, пріятное его чтеніе и разговоры заставили Біанку радовашься сему знакомству и — желашъ новой встрѣчи.

Въ слѣдующій праздникъ она нашла его дѣйствительно подъ вязомъ. На сей разъ незнакомецъ не спѣшилъ удалиться. Напрощивъ, онъ сѣлъ подлѣ Біанки и снова читалъ ей нѣкошорыя мѣста изъ *Дантевы* Поэмы. Мало по малу, свиданія сіи обралились для нихъ въ привычку. Донъ Леонъ никогда не говорилъ съ нею о любви и вель себя вообще такимъ образомъ, что Біанка не могла не имѣшь къ нему искренняго уваженія. Старый *Доминико* заставлялъ ихъ нерѣдко въ семь чтеніи; но зная образъ

мыслей Біанки и удостовѣрясь въ примѣрномъ поведеніи Донъ-Леона, не находилъ онъ за нужное, препящсшвовашь ихъ свиданіямъ.

Нужно ли сказывашь, что прекрасный и благородный молодой человекъ приобрѣлъ вскорѣ искреннійшую привязанность Біанки? Впрочемъ, она никогда не давала себѣ ошчеша въ сихъ чувствованіяхъ и почитала оныя дружесшвомъ, основнымъ на взаимномъ почшеніи. Донъ Леонъ сказывалъ ей, что дядя его былъ богашый Кардиналъ и пользовался великимъ уваженіемъ въ Римѣ. Впрочемъ ни шо, ни другое не здѣлало на нее большаго впечатлѣнія. Но въ одинъ вечеръ, молодой другъ ея объявилъ, что приближается время его ошѣзда, и Біанка шогда только почувсшвовала, сколь онъ былъ для нея дорогъ. Глаза ея наполнились слезами, кои щещно хошѣла она скрышь. „Ахъ!“ сказала она. „Я давно должна была приготошвишь себя къ эшой мысли; но признаюсь, что она мнѣ никогда не приходила. Мнѣ грусшно, очень грусшно съ Вами разсшавашься, любезный Донъ-Леонъ. Пріятное общесшво Ваше досшавляло мнѣ удовольсшвіе, кошораго я не имѣла по смерши добраго Каноника и къ коему въ корошкое время слишскомъ уже привыкла.“ Рыданія прервали ея слова.

„Теперь или никогда,“ воскликнулъ *Донъ Леонъ*, „должень я удостовѣришься въ моемъ счасшіи или злополучіи!“ При сихъ словахъ, въ первый разъ въ жизни, взялъ онъ руку Біанки и поцѣловавъ оную съ чувсшвомъ, сказалъ: „Такъ шы сожалѣешь о моемъ ошсусшсшвіи, прекрасная Біанка?“ Она не знала, что ему ошвѣчашь и ушсшрмила въ землю большіе

черные глаза свои. Донъ-Леонъ продолжалъ: „Я съ своей стороны не могъ бы пережить мысли, разсвасься съ шобою на вѣки. Семейныя обязанности опзывають меня изъ сихъ мѣстъ; но надежда скорого и счастливаго возвращенія утѣшитъ меня въ сей разлукъ. О Біанка! Дозволишь ли ты мнѣ, въ сей торжественный часъ, объявить тебѣ шайну, кошорую скрывалъ досель въ глубинѣ моего сердца? Біанка! Я люблю тебя!“

Невольный шрещень объялъ сельскую красавицу; сладостныя и горестныя чувствованія сливались въ ея сердцѣ. Наконецъ, давъ свободный шокъ слезамъ своимъ, сказала Біанка: „О Донъ-Леонъ! Зачѣмъ я тебя узнала? Для чего возбудилъ ты въ душѣ моей чувства взаимной любви; чувства, кои можешь быть навсегда здѣлають меня несчастною? Я дочь протсшаго ремесленника. Осмѣюсь ли я думать, чшобы гордый Кардиналъ, дядя швой, позволилъ когда-либо столь неравный союзъ? Видишь ли ты пропасть, на краю коей мы находимся? О Донъ-Леонъ! Оставь меня! Забудь меня!“

„Мнѣ забышь тебя? Оставишь шу, кошорой любовь дѣлаешь меня счастливейшимъ изъ смершныхъ? Нѣтъ, Біанка! Дядя мой любитъ меня, — какъ нѣжнѣйшій отецъ и неоднократно увѣрялъ, что ни въ чемъ не будешь противиться моему благополучію. А я, — я не знаю другаго счастья, кромѣ шого, кошорое восприму опъ руки швоей; я не вижу другихъ радостей, кромѣ шѣхъ, коими могу наслаждаться вмѣстѣ съ шобою. Неужели дядя мой будешь столь жестоко-сердъ, что захочешь лишить меня всего, что шолько

есть для меня драгоценнѣйшаго на земли? Нѣтъ, Біанка: людскіе предрасудки не должны преяшшествовать нашему счастью. Сію клятву во всегдашней любви и вѣрности повторю я предъ олшаремъ — и милосерное Небо благословитъ нашъ союзъ.“

Біанка долго сохраняла молчаніе. Душа ея колеблема была сліяніемъ разнообразнѣйшихъ чувствованій. Сладостная мысль, бытъ любимую человекомъ, копорый со всѣхъ сторонъ заслуживалъ ея привязанность и уваженіе, человекомъ, копорого и она давно любила, сама шого не зная, — сія мысль заставила ее позабытъ неравенство состояній и всѣ преяшшствія, кои, не смолря на шоржественныя увѣренія Донъ-Леона, предстояли ихъ союзу. „Праведное Небо!“ воскликнула Біанка. „Кшо могъ эшо предвидѣтъ? Думали ли мы, когда встрѣшились подъ эшимъ вязомъ, когда сидя вмѣстѣ подъ его сѣнію, читали *Дантевы* пѣснопѣнія, — думали ли мы, что онъ будетъ вскорѣ свидѣтелемъ шоржественныхъ нашихъ обѣщанъ?“

Преднамеренное пушешествіе было ошложено. Донъ-Леонъ и Біанка видѣлись ежедневно. Молодой человекъ нашель случай, познакомишься съ родителями красавицы и часто посѣщалъ ихъ въ Кашель-Гандольфо. Бонифацій обыкновенно качалъ головою при видѣ входящаго Донъ-Леона; но Варвара не могла скрывать своей радости. Вскорѣ благородныя его чувствованія, почтительное обхождение съ Біанкою, занимательные разговоры и пріяшныя паланшы пріобрѣли ему искреннѣйшую любовь и уваженіе всего семейства. Донъ-Леонъ любилъ Музыку и упражнялся въ оной съ успѣхомъ. Ему пріяшно было, опкрытъ счастливыя

способности Біанки и содѣйствовашъ къ ихъ развитію и усовершенствованію. Молодые люди наши проводили цѣлыя вечера въ Музыкѣ и пѣніи. Иногда читали они любимыхъ своихъ Стихошворцевъ; иногда разсуждали о важнѣйшихъ предметахъ для человѣчества и общежитія. Донъ-Леонъ, коего обширныя познанія простирались на всѣ отрасли Наукъ и Художествъ, съ усерднѣйшею готовностію сообщалъ оныя Біанкѣ; а сія открывала въ бесѣдѣ его неизсякаемый источникъ полезныхъ свѣденій и числѣйшихъ радостей жизни.

Между тѣмъ скончался Папа и Кардиналы собрались въ Конклавъ, для избранія его преемника. Дядя *Донъ-Леона*, споль же знаменитый по своему роду, какъ и уважаемый по своимъ качествамъ, вскорѣ одержалъ первенство надъ многочисленными соперниками и — объявленъ былъ главою Римской Церкви. Вѣсть сія быстро разнеслась по Церковной области и по всей Италіи. Съ стѣсненнымъ сердцемъ услышала ее Біанка: въ семъ возвышеніи Кардинала видѣла она новую и непреборимую преграду для своего счастья. Что доселѣ казалось ей шруднымъ, шдѣлалось шеперь невозможнымъ. Донъ-Леонъ щещно ушѣшалъ ее, повшоря свои кляшбы. „Я не сомнѣваюсь въ любви швоей,“ говорила ему Біанка; „но я знаю людей и имѣла случай наблюдать швоего дядю. Ошдавая полную справедливость благородной душѣ его, не могу не признацца, что одно честное любіе ее наполняетъ и что она чужда всякаго другаго чувствованія. Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, дядя швой воспрещаетъ нашему союзу.

О Донъ-Леонъ! Какъ бы я хотѣла, чтобы сіе горешное предчувствіе меня обмануло!“

Такъ говорила печальная Біанка и, въ непродолжительномъ времени, предчувствіе сіе оправдалось совершеннымъ событіемъ. Едва окончились празднества, данныя въ Римъ по случаю возшествія на престолъ новаго Папы, какъ сей послѣдній призвалъ къ себѣ своего племянника и торжественно объявилъ, что уже избралъ для него супругу. „Ты теперь Принцъ,“ говорилъ Папа, „и слѣдовательно долженъ вступить въ союзъ, соотвѣтствующій новому своему званію. Ты знаешь Принцессу *Сальвати*, прекрасную ошрѣль одного изъ древнѣйшихъ Домовъ въ Италіи. Ее-то назначилъ я тебѣ въ супруги и надѣюсь, что ты будешь совершенно доволенъ симъ выборомъ.“

Столь неожиданное предложеніе и повелительный голосъ Папы поразили несчастнаго Донъ-Леона до глубины сердца. Онъ недоумѣвалъ, что ошвѣчашъ своему дядѣ, коего швердый и неумолимый характеръ былъ ему извѣстенъ. Опасаясь возбудить гнѣвъ его, не смѣлъ онъ признашья ему въ любви, которую пишаль къ прекрасной Біанкѣ. Донъ-Леонъ хотѣлъ только опклонить предлагаемое ему супружество, искалъ къ тому предлога, не находилъ онаго и ошвѣчалъ ошрвышишо и съ примѣшнымъ смущеніемъ.

Папа самъ догадывался, что невѣста, избранная имъ для племянника, не могла нравиться сему послѣднему. Она дѣйствительно была прекрасна; но ни умъ, ни нравъ ея не соотвѣтствовали благопріятной наружности. Сверхъ того, Принцесса *Саль-*

виати была горда, надменна и слѣдовательно — нѣкъмъ нелюбима.

Все сіе было извѣстно и Папѣ; но онъ думалъ только объ удовольствореніи своего желанія и — ни о чемъ болѣе! Родственная связь съ столь знаменитымъ Домомъ заставляла его позабыть о счастіи племянника. Нерѣшимельность сего послѣдняго, короткіе и смущенные его отвѣты — возбудили подозрѣніе въ Папѣ: онъ тотчасъ удостоуверился, что сердце Донъ-Леона не было свободно. Надлежало теперь узнать предметъ любви его. Довѣреннѣйшіе изъ Папскихъ служителей имѣли порученіе, присматривать за его племянникомъ. Вскорѣ тайна сердца его была открыта и гордый дядя воспикнулъ гнѣвомъ, когда узналъ, что дочь простаго ремесленника плѣнила сердце Донъ-Леона и препятствовала блистательному союзу съ *Принцессою Сальвиати*.

Къ счастію, доуверенный человекъ, который принесъ сіе извѣстіе Папѣ, имѣлъ случай неоднократно видѣть Біанку и узнать превосходныя ея качества. Онъ объяснялся съ такимъ восшоргомъ на счетъ ея образованія, ума и сердца, что Папа непремѣнно хотѣлъ видѣть сію красавицу, прежде, нежели приметъ какія-либо намѣренія, относительно къ своему племяннику. Онъ самъ отправился въ Кастель-Гандольфо и, прѣхавъ въ шамонній загородный дворецъ, тотчасъ послалъ за Біанкою. Она угадывала причину сего приглашенія; но, пригошовивъ себя заранѣе къ великодушнѣйшему пожертвованію, появилась предъ Монархомъ своимъ безъ всякаго страха. Папа и много-

численная свита его поражены были прѣшущою ея красою и благороднымъ видомъ. Свяшый Отець далъ ей знакъ приближиться и принялъ ее съ неприужденною ласковостію. Онъ объявилъ Біанкѣ, что страсть *Донъ-Леона* ему извѣстна, но что неравенство состояній полагаетъ всегдашнюю преграду ихъ союзу. Онъ съ кротостію убѣждалъ ее, добровольно отказавшись отъ сердца его племянника; доказывалъ важность и благопворное дѣйствіе сей жертвы для собственнаго его счастья и просилъ, не подвергать его печальной необходимости, употребить какія-либо понудительныя средства.

„Свяшый Отець“, отвѣчала Біанка съ твердостію. „Я давно уже приготовлена къ сей жертвѣ; я давно отказалась отъ союза, который всегда казался мнѣ невозможнымъ. Прошу Ваше Свяшійшество, дать мнѣ убѣжище въ первомъ женскомъ монастырѣ. Но умоляю Васъ еще объ одной милости: будьте снисходительны къ Вашему племяннику. Любовь и горестъ раздирають его сердце. Одна только отеческая нѣжность можеть исцѣлить глубокія его раны и заспавитъ его, безропотно покорившись Вашей волѣ.“

Слова сіи тронули Папу до глубины сердца. Онъ никакъ не ожидалъ найши столь высокія, столь благородныя чувствованія въ дочери проспаго ремесленника. Проницательный взоръ, который устремилъ онъ на Біанку, смягчился выраженіемъ живаго, искреннѣйшаго участія. „Скажи мнѣ, дочь моя:“ говорилъ онъ, „въ самомъ ли дѣлѣ приняла ты сіе намѣреніе и надѣешься ли на свою швердость?“ — „Надѣюсь, Свяшый Отець,“ возразила Біанка со сле-

зами на глазахъ. „Ничто не можешь поколебать меня!“ — „Я сожалею,“ продолжалъ Папа, „что обстоятельство принуждаюте меня быти спрогимъ. Я не хочу однакожь, чшобы вы погребла въ стѣнахъ монастыря свою красоту и молодость; не хочу, чшобы когда-либо раскаялась въ семъ намѣреніи. Я только прикажу опвесити себя въ одно воспитательное общество, дабы скрываети себя отъ глазъ моего племянника и шѣмъ заставиши его, позабываети свою страсть. Тамъ найдешь вы добрыхъ и благовоспитанныхъ людей, прекрасный садъ и книги; словомъ, будете пользоваться всѣмъ, кромѣ свободы. Но вы должна сейчасъ же шуда ѡхашъ. Карета уже подвезена.“

(Окончаніе впрѣдъ.)

Памятникъ Рускимъ воинамъ, воздвигнутый въ Прагъ, это въ Богеміи.

(Объясненіе картинки.)

Во всѣхъ публичныхъ листахъ упоминалось о памятникѣ, воздвигнутомъ въ Прагъ, въ честь храбрымъ Россійскимъ Офицерамъ, скончавшимся шамъ ошъ дослославныхъ ранъ своихъ. Посреди шамъ называемаго *военнаго кладбища* возвышается большая кубическая масса изъ зеленовашаго камня, украшенная лавровыми вѣнками и золошыми профеями. Она покоится на чешырехъ сполпахъ, ушвержденных на подножіи изъ сего же камня. Вершина памятника увѣнчана золошымъ шлемомъ. Со всѣхъ споронъ онаго врѣзаны черныя мраморныя доски. На одной изъ сихъ послѣднихъ находишся Россійская надгробная надпись; на другой — имена погрбенныхъ Офицеровъ; на шрешей и чешвершой видны шѣ же самыя надписи, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Памятникъ сей, коимъ *Государь Императоръ* благоволилъ увѣковѣчить имена воиновъ Своихъ, скончавшихся ошъ ранъ, полученныхъ ими въ дослопамятныхъ сраженіяхъ подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ, — воздвигнушъ по Высочайше ушверженному проекту, предсшавленному ошъ бывшаго тогда Россійскимъ уполномоченнымъ Намѣшникомъ въ Богеміи, Дѣйсшвительнаго Сшашскаго Совѣшника, Барона *Бюлера*. Сооруженіе онаго поручено было Авшпрійско-Имперашорскому Каменныхъ дѣль машеру, Г. *Кранеру*.

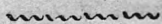
Торжешшвенное освященіе сего памятника совершено 1-го Ноября 1815-го года, въ присушствіи Россійско-

Императорскихъ: Генерала отъ Кавалеріи, Барона *Винценгероде*; Генераль-Лейтенанта, Графа *Орурка*; Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника, Барона *Бюлера* и другихъ Военныхъ и Гражданскихъ Чиновниковъ; также Австрійско-Императорскихъ: Генерала отъ Кавалеріи, Графа *ф. Кленау*; Вице-Президента, Тайнаго Совѣтника *ф. Шиллера*; всего находившагося въ Прагѣ Генералитета, Офицеровъ и другихъ почтенныхъ особъ. Печальный сей обрядъ происходилъ по совершеніи Божественной Литургіи и послѣ прогательной рѣчи, произнесенной старшимъ Священникомъ Австрійской Арміи, П. *Глазеромъ*. Во все продолженіе помянутаго обряда находился въ парадѣ одинъ баталіонъ Австрійскаго *Фогельзангова* полка и одинъ отрядъ Артиллеріи, которые, по окончаніи онаго, и произвели нѣсколько залповъ.

Рускіе путешественники, проѣзжающіе чрезъ Прагу, конечно не забудутъ посѣтить тамошнее *военное кладбище* и поклониться праху почтенныхъ единоплеменниковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П о х о д ъ.

Звучишь призывный барабанъ!
Окончилось служенье Фебу;
Пѣвецъ взглянулъ прискорбно къ небу
И спряхаль лиру въ чемоданъ.

*

Сбылось пророчество молвы,
Сбылися злой Судьбы угрозы . . .
Но онъ глядитъ еще сквозь слёзы
На берегъ свѣшлыя Невы.

*

Еще онъ видишь милый домъ,
Въ шуманы утра облеченный.
Тамъ кругъ друзей его безцѣнный;
Тамъ все любимое пѣцомъ

*

Спойшь, какъ мертвый испуканъ;
Похухшій взоръ уныль и страшень
Выходитъ солнце изъ за башень;
Звучишь призывный барабанъ!

Н. Кокшинъ.

Картина Жиродега.

На склонѣ вечера, ловишвой упоженный,
Сложивъ съ себя колчанъ и лукъ окровавленный,
Въ дубравѣ сумрачной, младый Эндимионъ
Разлегшись на лиспахъ, вкушалъ опрадный сонъ.
Но вѣрная любовь заботливой Дианы
И шамъ, сквозь сѣнь деревъ, сквозь шонкіе шуманы,
Золопокудраго ловишеля нашла:
И шамъ, любуясь красой его чела,
Богиня къ пастырю въ лучахъ своихъ слешала
И сонаго въ уста и въ очи цѣловала.

Туманскій.

Парижъ, 1820.

Конецъ 4-й книжки

Печаташь позволяешся: Юля 10-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.